

ПОЛЬ ФЕВАЛЬ

ТОМ I: МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖАНИН

В ДВУХ ТОМАХ

ГОРБУН

ТОМ II: ЛАГАРДЕР

Седьмая Книга

Поль Феваль

Горбун

«Седьмая книга»

1857

Феваль П.

Горбун / П. Феваль — «Седьмая книга», 1857

Шестнадцать лет жизни потратил шевалье Лагардер, чтобы отомстить за смерть своего друга герцога Неверского. Шестнадцать лет, чтобы подобраться к убийце, ставшему финансовым королем Парижа, на чьей руке, он, своей острой шпагой, начертал вечное клеймо позора. Шестнадцать лет, чтобы добиться торжества справедливости, сохранить честь и найти любовь. История отчаянного дуэлянта и пылкого любовника, которую донесла до нас людская молва и придворные сплетни.

Содержание

Том I. Маленький парижанин	6
Часть I. Мастера шпаги	6
Глава 1. Луронская долина	6
Глава 2. Кокардас и Паспуаль	12
Глава 3. Три Филиппа	18
Глава 4. Маленький Парижанин	25
Глава 5. Удар Невера	31
Глава 6. Низкое окно	38
Глава 7. Двое против двадцати	44
Глава 8. Бой	49
Часть II. Дворец Невера	55
Глава 1. Золотой дом	55
Глава 2. Два призрака	60
Глава 3. Торги	66
Глава 4. Щедрость Гонзаго	73
Глава 5. Почему не пришли Фаёнца и Сальданы	79
Глава 6. Донья Круц	85
Глава 7. Принц Гонзаго	90
Глава 8. Вдова Невера	95
Глава 9. Семейный совет	101
Глава 10. Я здесь!	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Поль Феваль

Горбун

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Том I. Маленький парижанин

Часть I. Мастера шпаги

Глава 1. Луронская долина

Когда-то здесь был город Лорр, еще с античных времен сохранивший языческие храмы, открытые амфитеатры и Капитолий. Теперь тут унылая пустынная местность, где гасконские землепашцы неторопливо бредут за плугом, опасаясь затупить лемех о занесенные от времени землей останки древнего зодчества.

Неподалеку высится горная гряда. Длинная цепь Пиренеев раскрывает заснеженные вершины. Поперек одной из просторных седловин горный массив прорезала дорога. Это проторенный путь венасских контрабандистов. Если пройти по нему несколько километров, то окажешься под синим небом Испании. В нескольких лье на северо – востоке танцует, смеется и застарело кашляет Париж. Он надеется излечить свой застарелый бронхит на живительных водах Баньер де Лушона. А чуть подальше – другая часть французской столицы, так сказать, Париж ревматический, уповает на врачевательную силу сернистых источников Барез ле Бена, как на панацею, способную избавить от хронического радикулита. Но не богатые железом минеральные рудники не сера и не марганцовка спасут Париж. Париж будет жить, пока в нем не умрет Вера.

Между долинами Ор и Баруса распростерлась долина Лурон. Ей удалось благополучно сохранить свою первозданную свежесть. Туристы – дикари, каждое лето совершающие свои развлекательные набеги, еще не добрались до луронских красот и не успели их обезобразить. Луронская долина – цветущий оазис, пульсирующий родниками и ручьями, усеянный причудливыми валунами и утесами. Вдоль ее с запада на восток журчит хрустально прозрачная и прохладная от обилия видимых и невидимых питающих ключей Кларабида. Берега ее высоки и обрывисты. Их отражение не вмещается в русло неширокой реки от чего чистая, как слеза, вода кажется бурой. Вплотную к обрывам подступают густые леса. На южном берегу Кларабиды на небольшом холме чванливо возвышается старинный замок. В вечернее время или в пасмурную погоду он кажется каким-то нереальным, фантастическим порождением Фата Морганы, почему-то вздумавшей на этом месте проиллюстрировать средневековую рыцарскую поэму. С утеса Вежан можно окинуть взором всю Луронскую долину, представляющую юго – западную окраину Гасконии. Она раскинулась веером между лесами Эжа и Фреше. Земля здесь камениста и небогата черноземом. Но издали этого не заметно. Стены прибрежных обрывов и горных массивов сплошь испещрены расселинами, – результат деятельности горных потоков и глубоких корней, растущих на вершине буков и сосен. У подножья в пещере горит костер крестьянина – троглодита, а на вершине у самого края залегла глинобитная хижина пастуха. Издали она похожа на орлиное гнездо, и лишь поднимающийся из трубы дым свидетельствует о том, что здесь жилище человека. Энский лес распростерся вдоль гряды холмов, разорванной в центре долины, чтобы дать проток Кларабиде. Восточная окраина горного массива заканчивается крутым обрывом. Здесь нет ни дорог ни тропинок. Слегка изогнутая цепь холмов с забаррикадированной ею долиной напоминает топор, что, по – видимому, и дало всей местности испанское прозвище лё Ашаз (удар секирой). У местных жителей есть на этот счет одна легенда... Но не будем на нее отвлекать внимание читателей. Именно здесь некогда находился Капитолий города Лорр, в честь которого несомненно получила и свое название Лурронская долина. И сегодня еще сохранились развалины замка Келлюс – Таррдов. Издали они до сих пор сохра-

няют внушительный вид. В сотне метров от Ашаза сквозь кроны деревьев пробиваются к небу полуразрушенные вершины древних башен. Если подойти поближе, то все постройки напоминают укрепленный городок. Сосны проросли сквозь полы и потолки, каким-то чудом пробивая каменные кладки. Впрочем, при внимательном рассмотрении можно заметить, что строительный материал часто представлен не мрамором, а деревом и глинобитными массивами.

По преданиям кто-то из прошлых Келюс Тарридов, (такова фамилия этой аристократической ветви), некогда построил крепость вокруг деревушки Таррид, где он укрывал своих вассалов гугенотов после отречения Генриха IV. Его звали Гастон де Таррид и он носил титул барона. У развалин Келюса вам покажут дерево барона. Это дуб, прочно прошивший корнями каменистую землю на самой кромке старинного рва, прорытого для защиты замка с запада. Однажды во время ночной грозы в него ударила молния. Уже к тому времени большое дерево с треском повалилось, образовав перемычку надо рвом. С той поры оно так и лежит. Удивительно, однако, то, что, получив у самых корней перелом, дуб полностью не умер. Старые ветки засохли, а на середине ствола почти под прямым углом вверх пошел новый росток, которой со временем окреп и превратился в настоящее дерево, удивительное, фантастическое, будто подвешенное в воздухе. Те из туристов, кто посмелее, (а таких оказалось немало), уже успели увековечить свои имена и даты, когда им удалось до него добраться.

Старинный род Келюс Тарридов угас в начале восемнадцатого века. Последним в фамилии был Франсуа Таррид, один из персонажей нашего повествования. В 1699 году маркизу де Келюсу было уже 60 лет. Когда-то в молодости он пытался вести великосветскую жизнь при дворе Людовика XIV. Но вскоре, осознав, что сделаться фаворитом капризного Короля Солнца ему не удастся, вернулся в свое имение, где теперь и жил в фамильном замке со своей единственной дочерью красавицей Авророй. В округе его прозвали Келюс Засов и вот почему. Оставшись в сорокалетнем возрасте вдовцом после смерти первой жены, не успевшей подарить ему детей, маркиз влюбился в дочь испанского гранда графа Сото, генерал губернатора Памплоны. Инес де Сото в то время было восемнадцать лет. Она была настоящее дитя Мадрида, с горящими огнем глазами и сердцем еще жарче горящими, чем глаза. За маркизом ходила дурная слава человека, заморившего тоской и одиночеством свою первую супругу. Он держал ее взаперти в замке де Келюс, пока она не умерла, едва достигнув двадцати пяти лет.

Инес заявила отцу, что никогда не выйдет за этого человека. Но то было время, когда судьба испанской женщины решалась алькальдами, дуэньями, продажными слугами, вердиктами святой инквизиции и прочими злотворными комедиантами. Воля и чувства самой девушки в расчет, как правило, не принимались. И был вечер, когда бедная Инес сквозь зашторенное окно и опущенные жалюзи в последний раз слушала дивную игру на гитаре молодого человека, сына коррехидора. Назавтра ей предстояло отправляться с маркизом во Францию. Он согласился взять за себя Инес без приданного, и к тому же пообещал господину Сото несколько тысяч пистолей. Испанец, по происхождению более благородный, чем сам король, и бедный еще больше, чем благородный, не мог отказаться от такой выгодной сделки.

Появление в замке уже немолодого маркиза юной прекрасной мадридчанки привело в волнение молодых аристократов в луронских окрестностях и за их пределами. К каким только ухищрениям они не прибегали, чтобы хотя бы краем глаза полюбоваться на испанскую красавицу, или подбросить ей в окно привязанную к камешку любовную записку. Но все было напрасно. Камни рикошетили от металлических ставень, а входные двери в замок неизменно находились на засове. Через четыре года пребывания взаперти Инес тихо скончалась от тоски, оставив маркизу дочь. Не достигшие успеха поклонники с досады прозвали маркиза, чья ревность загубила жизнь молодой женщины, «Келюс – Засов». Это прозвище к нему прочно пришло. От Тарба до Памплоны. От Аржелеса до Сэн Годэна нельзя было встретить ни мужчину ни женщину ни даже ребенка, которые бы его называли как-нибудь иначе, чем Келюс – Засов.

После смерти второй жены маркиз намеревался жениться еще раз, – он обладал поистине неунывающей натурой Синея Бороды. Но у губернатора Памплоны больше не было дочерей, а репутация Келюса как морителя жен настолько была прочна, что любая женщины при одном упоминании имени маркиза бледнела крестилась и тихо шептала: «Чур, чур, не меня!»

Он оставался вдовцом, по – видимому, ожидая времени, когда дочь достаточно повзрослеет, чтобы запереть ее на засов. Соседи избегали его, не смотря на его богатство. Ему тоже приходилось скучать. Иногда он покидал поместье и отправлялся в Париж, где молодые куртизанки опустошали его кошелек и открыто над ним глумились. Подчас его отлучек за дочерью Авророй присматривали две – три дуэньи и старый дворецкий. Аврора была так же хороша, как и ее мать. В ней текла испанская кровь. После того, как ей исполнилось шестнадцать, обитатели деревни Таррид иногда глухими темными ночами стали вдруг слышать из-за замка Келюса собачий вой. К тому времени один из самых блестящих синьоров королевского двора Филипп Лотарингский герцог Невер переехал в свой загородный замок де Бюш, что в Журансоне. Не смотря на то, что ему едва исполнилось двадцать, королевские медики обнаружили у него опасную форму чахотки и как жизненно важное средство прописали чистый горный воздух. И теперь его частенько можно было видеть в своем запряженном четверкой экипаже на охотничьих тропах, доходящих до самого Лурона.

В ночь, когда собаки Келюса завывали в первый раз, молодой герцог Невер, устав от долгой охоты по Эжу, попросился на ночлег в лесной домик дровосека.

Герцог Невер прожил в своем замке де Бюш около года. Местные крестьяне и пастухи говорили о нем как о щедром, веселом господине, простом в обращении, не смотря на свой высокий титул. Рассказывали, что за последний год в этих местах случилось два ночных происшествия. Первый раз ровно в полночь в старой часовне Келюсов вдруг зажглись лампы, из чего наблюдатели, увидевшие сквозь витражи свет, заключили, что там происходила тайная служба. Собаки в ту ночь не выли, но какие-то две тени, одна женская, другая – мужская, вскоре проскользили внутри рва в сторону замка. Наверное, это были привидения, которым и подобает обитать в старинных замках.

В другой раз около одиннадцати часов вечера самая нестарая из дуэний Келюса мадам Марта тихо вышла из двора замка через главные ворота, и бегом направились в лес в ту самую хижину дровосека, где молодой герцог как-то получил приют. Несколько позже двое укрытых плащами носильщиков тем же путем пронесли в избушку портшез. А ночью из домика лесоруба послышались крики роженицы. На утро хижина оказалось пустой. Исчезли не только гости, но и храбрый лесоруб. Домик пустовал, пока в нем не поселился новый хозяин. Мадам Марта тоже не вернулась в замок.

С тех пор прошло четыре года. Все уже стали забывать о мадам Марте и о лесорубе. Филипп де Невер давно покинул свой замок де Бюси. Впрочем, долину де Луррон удостоил своим посещением другой Филипп, не менее блестящий и знатный. Это был Филипп Поликсен Манутанский принц Гонзаго, которому маркиз де Келюс прочил в жены свою южную дочь Аврору. Гонзаго в ту пору уже было тридцать лет. Его немного женоподобные черты представляли само совершенство. Точеные нос и подбородок, аккуратные складки губ, черные шелковистые блестящие волосы, темные пронзительные глаза, исполненные удивительного достоинства, свойственного только итальянским высшим аристократам. Его несколько театральные движения, походка несли печать царственного величия. Не будем говорить о роде, который он представлял. Фамилия Гонзаго столь известна в истории Италии, как фамилии Буйонов, Эстов или Монморанси во Франции. Друзья и связи, которые он поддерживал, приходились ему под стать. Во – первых, это были два его друга два брата, один из которых представлял род герцогов Лотарингских, другой – Бурбонов. Герцог де Шартр, родной племянник Людовика XIV, впоследствии герцог Орлеанский и регент Франции; герцог Невер и принц Гонзаго были неразлучны. Их дружба словно оживляла картины античного прошлого.

Филипп Гонзаго – старший из троих. Будущему регенту в то время было лишь двадцать пять, а Неверу еще на один год меньше.

Вне всяких сомнений желание обзавестись таким замечательным зятем необыкновенно льстило самолюбию стареющего Келюса. Публичная молва приписывала Филиппу Гонзаго огромное недвижимое состояние в Италии; кроме того он, являлся двоюродным братом и единственным наследником Филиппа де Невера, которому, зная о его страшной болезни легких, все втихомолку прочили скорую смерть. Таким образом, богатый и знатный аристократ мог сделаться и наследником баснословного состояния во Франции. Конечно, никто не осмелился бы подозревать принца Гонзаго в том, что он может желать смерти своего брата и друга. Просто было понятно, что он не в силах помешать предстоящей трагической развязке, и что она сделает его десяти или двадцатикратным миллионером.

Между будущими тестем и зятем уже была достигнута полная договоренность. Что касается Авроры, то у нее никто ничего даже не спросил. Все тот же принцип «железного засова». Стояла осень 1699 года. Постаревший и уставший от нескончаемых войн с Испанией Людовик XIV сумел наконец заключить с юго – западным соседом мир, (известный под названием Рисвикского). Но отдельные вспышки боевых уже самовольных партизанских потасовок в районе испанской границы по – прежнему не прекращались, и в Лурронской долине частенько можно было встретить непрошенных испанских гостей.

В один из тех дней за роскошно сервированным обеденным столом в замке Келюсов собрались шесть человек. Кроме маркиза, мадемуазель Келюс и принца Гонзаго, занимавших главные места, за столом находились ближайшие слуги. Прежде всего, это был отец Бернар, духовник Келюса, он же настоятель прихода деревни Таррид. В его обязанности входило содержание главной регистрационной книги, где отмечались рождения, смерти и бракосочетания. Кроме него была мадам Исидора, владелица хутора Габур. Четыре года назад она заменила убежавшую дуэнью мадам Марту. Еще присутствовал господин Пейроль, аристократ, исполнявший функции адъютанта при особе принца Гонзаго. Этого придется представить подробнее, так как ему предстоит играть в нашем повествовании немаловажную роль. Господину Пейролю было около сорока лет. Худощавый, сухой, бледный, с редкими волосами, высокий и сутулый, если бы ему довелось жить в нашем XIX веке, он наверняка носил бы очки. Черты лица у него были какие-то неопределенные. Близорукие глаза, которые он постоянно прищуривал, глядели на мир с вызовом. Гонзаго мог поручиться, что Пейроль прекрасно владел шпагой, которая была постоянно подвешена к его левому бедру. Принц очень ценил своего адъютанта. Другие присутствовавшие были лица, приближенные к маркизу де Келюсу. Им отводилась роль масовки.

Мадемуазель Аврора де Келюс сидела с горделивой покорностью, не произнося ни слова. Есть категория женщин, которые нравятся окружающим даже тогда, когда им самим того не хочется. Аврора как раз принадлежала к ней. На ней было платье по испанской моде с кружевным жабо, на которое ниспадали волны густых каштановых волос. Не смотря на то, что ей еще не исполнилось и двадцати лет, твердые очертания ее рта говорили об уже пережитых невзгодах. Когда она улыбалась, нежная кожа ее лица казалось, озаряется каким-то таинственным светом от времени зажигающимся внутри ее существа свечником. Однако случались дни и целые недели, когда никто не видел на ее лице даже намек на улыбку. Пожилой маркиз-замечал:

– Ее тоска рассеется, как только она станет госпожой принцессой.

После второго блюда Аврора встала и попросила у отца разрешения покинуть стол. Мадам Исидора окинула исполненным сожаления взглядом пирожные и варенья, которые слуги принесли ей на десерт. В ее обязанности входило следовать за молодой госпожой. Когда женщины удалились, старый маркиз-заметно оживился.

– Принц, – сказал он. – Вы, помнится, намеревались отквитаться за понесенные поражения. Ну как, мой друг, вы готовы.

– Всегда к вашим услугам, дорогой маркиз, – ответил Гонзаго.

Слуга быстро принес расписанный 64 клетками столик и шкатулку с изящно выточенными деревянными фигурками. За две недели, которые до этого дня Гонзаго гостил у маркиза, они уже успели сыграть около ста пятидесяти партий. Страсть к шахматам у тридцатилетнего принца говорила об одном из двух. Либо он был без памяти влюблен в Аврору, либо мечтал, как можно скорее, наполнить свои сундуки солидным приданным. Каждый день после обеда и после ужина приносили шахматы, и Гонзаго терпеливо проигрывал за каждую встречу около пяти партий, после чего маркиз де Келюс Засов, откинувшись в кресле и не покидая поля сражения, засыпал сном праведника. Игра с маркизом была для Гонзаго главным способом соискания руки Авроры.

– Дорогой принц, – говорил маркиз, расставляя фигуры, – в предстоящей партии я постараюсь вам продемонстрировать одну необыкновенно занятную комбинацию, которую вычитал в ученом трактате Чессоли. Я играю в эту игру не, как все, ради одного удовольствия, а ищу возможности применить на практике теоретические открытия старых мастеров. Конечно, я не настолько наивен, чтобы разделять расхожее убеждение, что шахматы изобрел Аталус, король пергамский, желая развлечь греков во время долгой осады Трои. Некоторые невежды честь изобретения приписывают Паламеду... Но – но, не отвлекайтесь от игры, прошу вас, иначе допустите непоправимую ошибку.

– Не нахожу слов, господин маркиз, – произнес Гонзаго, – чтобы описать удовольствие, которое мне доставляет игра с вами.

Когда началась игра, остальные, ловко скрывая скуку, какое-то время находились в зале. После первой проигранной партии Гонзаго украдкой подал знак Пейролю, и тот, оставив свою салфетку тихонько удалился. Мало – помалу, сначала духовник, а потом и другие, приглашенные на обед, ушли. Келюс Засов и Гонзаго остались вдвоем.

– Римляне, – продолжал маркиз, – называли эту игру *latrunculi*, что значит «воришки», греки – *latrikion*. Саррацин в своей замечательной книге замечает, что...

– Господин маркиз, – перебил Филипп Гонзаго. – Прошу извинить мою рассеянность, не позволите ли вы мне вернуть мой последний ход?

Увлечшись игрой, он нечаянно сделал отличный ход, взяв на проходе пешку маркиза, после чего партия неизбежно должна была закончиться его (принца) победой.

Маркиз для остротки не торопился с ответом. Но, в конце концов, его благодушие к будущему зятю взяло верх, и он с мягкой поучительностью произнес:

– Ну что же, возьмите ваш ход назад, принц; но постарайтесь впредь этого не делать. Шахматы – не бильбоке и не бирюльки.

Гонзаго глубоко вздохнул.

– Впрочем, я вас понимаю, принц. Ведь не всегда я был стариком, и еще не забыл, что значат чувства молодого человека. Вы рассеяны, потому что влюблены. Не так ли?

– Увы, до ужаса, господин маркиз.

– Мне это известно, дорогой принц. Но не будем отвлекаться от игры. Я беру вашего чернопольного слона.

– Вчера, господин маркиз, вы не закончили рассказ о каком-то молодом аристократе, который добивается приглашения в ваш дом...

– А вы, однако, хитрец, – воскликнул Келюс Засов. – Хотите меня отвлечь разговором, чтобы я допустил в игре ошибку. Но не надейтесь, дорогой мой. Я – как Цезарь. Он, да будет вам известно, мог одновременно диктовать пять писем. Кстати, был прекрасным шахматистом. Впрочем, отвечая по существу, могу вас успокоить. Ни один нежелательный для меня синьор в замок не проникнет. Для этого ему пришлось бы выдержать схватку с несколькими масте-

рами клинка, постоянно несущими вахту на дне западного рва. Кроме того Аврору охраняет надежный железный засов.

– Неужели вы точно так же намерены держать на замке дочь, как это делали с вашими женами? – Довольно бесцеремонно поинтересовался Гонзаго.

– Именно, именно, так. Я не знаю лучшего способа охранять дочерей Евы.

Schah moto, господин принц! Так говорят в Персии. Итак, вы опять проиграли.

Он с удовольствием потянулся в своем кресле.

– Эти два персидских слова schah и moto, – продолжал он, устраиваясь поудобнее, чтобы задремать, – что в переводе означают «король умер», мы преобразовали в «шахматы». Во всяком случае, такой точки зрения придерживаются известные исследователи игры Менаж и позднее Фрер.

Что же касается женщин, поверьте мне, лучше высоких стен и острых шпаг, расставленных по их периметру, ничего не придумаешь.

Произнеся эту сентенцию, маркиз-закрыв глаза и быстро уснул.

Гонзаго, выждав для верности, несколько минут, быстро вышел из-зала. Было около двух часов дня. Нервно прохаживаясь по коридорам, господин Пейроль ждал своего хозяина.

– Как там наши? – Спросил Гонзаго, подходя к адъютанту.

– Прибыло только шесть человек.

– Где они?

– В трактире «Адамово яблоко» с той стороны рвов.

– Кто не явился?

– Двое. Мастер шпаги Кокардас Младший из Тарба и брат Паспуаль, его постоянный помощник.

– Да, эти двое уже кое-что успели повидать на своем веку. – Заметил принц. – А что с дамами?

– Мадам Марта сейчас находится у мадемуазель де Келюс.

– С ребенком?

– С ребенком.

– Как она прошла?

– Через окно бани, которое выходит в ров как раз под мостом.

Гонзаго несколько мгновений раздумывал, потом спросил:

– Тебе что-нибудь удалось узнать от отца Бернара?

– Молчит, – ответил Пейроль.

– Сколько ты ему предложил?

– Пятьсот пистолей.

– Эта мадам Марта наверняка знает, где находится регистрационная книга... нельзя ее выпускать из дома.

– Само собой, – согласился Пейроль.

Гонзаго, прохаживаясь широкими шагами, что-то соображал.

– Я сам хочу поговорить с ней, – тихо произнес он наконец. – Кстати, ты вполне уверен в том, что мой кузен де Невер получил послание от Авроры?

– Наш немец его ей отнес и о том мне доложил.

– Значит Невер прибудет...

– Да, сегодня вечером.

Они стояли недалеко от двери, ведущей в комнаты, предоставленные маркизом для Гонзаго.

В замке Келюса под прямым углом пересекались три коридора. Двигаясь по одному, можно было попасть в спальни, по другим выйти во флигели. Апартаменты принца находились

в западном флигеле. Их самая последняя комната имела выход на лестницу, по которой можно было спуститься в баню и прачечную.

На галерее послышался звук шагов. Это мадам Марта вышла из спальни мадемуазель де Келюс. Пейроль и Гонзаго стремглав вбежали в апартаменты последнего, оставив дверь полуоткрытой.

Несколько секунд спустя, по коридору, то и дело озираясь, стремительной походкой прошла мадам Марта. Дело было в разгаре дня. Но традиция испанской сиесты перешагнула границу и давно обосновалась в замке Келюсов. Все спали, и Марта надеялась уйти никем незамеченной. Когда она поравнялась со спальней Гонзаго, из полуоткрытой двери бесшумно и стремительно, как гепард, выскочил Пейроль, и чтобы она не крикнула, плотно зажал своим платком ей рот. Потом он, потуже затянув узлом платок на ее затылке, утащил наполовину потерявшую сознание женщину в спальню принца.

Глава 2. Кокардас и Паспуаль

Один ехал верхом на старой рабочей лошади со спутанной гривой и кривыми тощими ногами; другой сидел на осле, свесив ноги на одну сторону, как делают путешественники на благородном верховом коне аристократки.

Первый, не смотря на жалкий вид своей клячи, которая низко опустила голову, словно что-то вынюхивая на дороге, имел гордую бравую осанку. На нем был полукафтан из бычьей кожи с аккуратно пришитым на груди узорным пластроном в форме червонного сердечка, плотно облегающие грубохолстые стеганные штаны и сапоги с голенищами широкими растробом, модными во времена Людовика XIII. Кроме того на голове его красовалась заливчатая фетровая шляпа, а на бедре длинная шпага. Это был никто иной, как мэтр Кокардас Младший, уроженец Тулузы, в свое время очень известный в Париже мастер и преподаватель фехтования, ныне обитавший в Тарбе, где в поте лица добывал скудные средства к существованию.

Второй выглядел намного скромнее. Его одеяние походило на костюм разорившегося клерка. Длинная темная свитка, чем-то похожая на ризу священника, закрывала почти до колен серые штаны, которые от долгого употребления лоснились и блестели на изгибах, грозя в ближайшем времени прохудиться. Голову его покрывала плотно натянутая на уши шерстяная шапочка; ноги, не смотря на изнуряющую жару, утопали в подбитых мехом полусапожках. В отличие от Кокардаса, имевшего черную густую курчавую, как у негра, непричесанную шевелюру, у напарника были редкие белесые волосы, – только несколько тощих взмокших от пота прядей прилепились к его вискам. Даже с естественной растительностью на лице у оседлавшего осла путника по сравнению с Кокардасом дела обстояли хуже. Вместо густых завивающихся кверху темных усов, украшавших мастера шпаги, под длинным носом спутника на верхней губе подрагивали лишь несколько одиноких соломенного цвета волосинок. Он исполнял роль помощника во время уроков, преподаваемых его темноволосым напарником, учителем фехтования и, не смотря на скромные, почти застенчивые манеры, сам недурно владел шпагой, которая, сейчас одетая в ножны, телепалась на ребрах у осла. Этого человека звали Амабль Паспуаль. Его родиной было местечко Вильдьё в Нижней Нормандии, известное в округе Кондесюр Нуаро своими удивительными винами. Приятели называли его брат Паспуаль то ли за внешность, напоминавшую клирика, то ли за то, что до того, как пристегнуть к поясу шпагу, он был слугой у цирюльника, у которого недурно справлялся с обязанностями провизора. Он был очень некрасив, но, не смотря на это, всякий раз, когда на дороге встречалась цветастая бумазейная юбка прохожей крестьянки, в его чуть припухших глазах зажигались чувственные огоньки. Кокардас Младший напротив, мог по праву сойти за вполне смазливый прохиндея.

Итак, они устало тащились верхом под южным беспощадным солнцем. Каждый камушек или ложбинка на дороге содрогали клячу Кокардаса и через каждые 20–30 шагов осел Паспуаль капризничал.

– Экая диковинка, дружок мой, – произнес Кокардас с мощным гасконским акцентом. – Вот уж два часа, как мы видим этот хренов замок, и мне чудится, что он вместе с драной горой, на которой стоит, отступает так же быстро, как мы к нему приближаемся.

– Терпение, терпение, мэтр; – прогнусавил в ответ Паспуаль с классическим нормандским прононсом, будто его мучил насморк, – боюсь, что, не смотря на нашу неторопливость, мы все равно прибудем на место слишком рано для дела, на которое нас сюда пригласили.

– Пресвятая сила! Брат Паспуаль; – тяжело вздохнул Кокардас. – Если бы мы умели с толком использовать наши таланты и мастерство, мы могли бы выбирать клиентов, а не бросаться на первый зов.

– Ох, как ты прав, дружище Кокардас, – ответил нормандец. – Но страсти и дурные наклонности нас губят.

– Азартные игры, в лоб им рапиру, вино...

– И женщины! – Прибавил Паспуаль, воздев глаза к небу.

Они двигались вдоль берега Кларабиды посередине Лурронской долины. Один из холмов Лё Ашаза, служа просторным пьедесталом, живописно вздымал к небу громоздкие конструкции замка Келюсов, со стороны реки не имевшего каменной ограды. Эта импозантная постройка, начало которой уходит в античную эпоху, привлекла бы внимание любого мало – мальски сведущего ценителя архитектурных памятников. Замок Келюс венчал горную цепь, некогда возникшую в результате землетрясения, воспоминания о котором уже давно стерлись из человеческой памяти. Под мхами и кустарниками, укрывавшими просторный цоколь, кое-где можно было разглядеть древние языческие строения. Их некогда соорудили руки римских солдат. Но сегодня от них остались лишь руины. А возвышающиеся каменной кладки стены представляли ломбардский стиль десятого – двенадцатого веков. Две главных башни, стоявших по сторонам жилого помещения с юго – востока и с северо – востока, имели прямоугольную форму и выглядели скорее приземистыми, чем высокими. Двусторчатые маленькие установленные над бойницами окна располагались над округлыми лишенными декоративной лепнины пилястрами. Единственный признак роскоши состоял в мозаичной кладке, перемежавшей кирпичи с тесаным камнем, причудливым поясом между первым и вторым этажами окаймлявшим все здание. В округе установилось мнение, что замок более старый, чем фамилия Келюсов.

Слева и справа от прямоугольных ломбардских башен пересекались две искусственных траншеи. Это были окончания рвов в которых некогда были возведены перемычки для того, чтобы удерживать здесь воду. Сразу за северным рвом находился крайний домик утопающий в буковой роще деревушки Таррид. В ее центре возвышался шпиль возведенный в начале тринадцатого века кирпичи в стрельчато – готической манере. Замок Келюс вместе с деревней Таррид представляли своего рода чудо старинного зодчества пиренейских долин.

Однако Кокардас Младший и брат Паспуаль отнюдь не являлись ценителями эстетических достоинств архитектурных сооружений. Они продолжали свой путь, и взгляды, бросаемые ими на угрюмую цитадель, были нацелены лишь на то, чтобы определить оставшееся расстояние. Если бы ехать по прямой, по трассе, так сказать, птичьего полета, то они смогли бы его преодолеть за каких-то полчаса. Но пробраться можно было, лишь огибая лё Ашаз. И из-за этого дорога еще должна была отнять не менее часа.

Кокардас был веселым малым, когда в его кошельке водились деньги. На наивном лице брата Паспуаля обычно тоже играла добродушная улыбка. Но сегодня оба спутника были явно не в духе, и тому имелись весомые причины: предательская пустота в желудках, кошельках и карманах, плюс к тому перспектива неизвестного, скорее всего, опасного дела. Конечно, будь у них за душой хотя бы несколько монет, а в дорожных сумках пара кусков хлеба и бутылка вина,

они могли бы отказаться. Но, к сожалению развлечения и удовольствия, которым в последнее время предавались приятели, истощили запасы, и потому теперь им выбирать не приходилось.

– Пресвятая сила! – Воскликнул Кокардас, – чтоб мне провалиться, если я когда-нибудь еще прикоснусь к картам, или к бокалу.

– А я навсегда отказываюсь от любовных утех, – прибавил неумеренно падкий на женский пол Паспуаль, и оба предались добропорядочным размышлениям о том, как наладить разумный благопристойный экономически выдержанный быт.

– Я куплю полный экипаж, – с воодушевлением произнес Кокардас, – и сделаюсь бойцом в команде нашего Маленького Парижанина.

– И я буду солдатом или даже слугой при особе первой шпаги Франции, – пообещал Паспуаль, и они заговорили почти одновременно.

– Мы опять увидим его, и он снова назовет меня «мой старина Кокардас!»

– И будет по – прежнему подтрунивать над братом Паспуалем.

– Эх, тысяча чертей! Как же мы с тобой, дружок, низко опустились для мастеров шпаги нашего класса, – погрязли в позорном разгуле и пьянстве. Но, знаешь ли, я уповаю на то, что встреча с Маленьким Парижанином сделает нас лучше.

Паспуаль грустно покачал головой:

– Я не уверен, захочет ли он нас узнать, – заключил он, печально глядя на свое потасканное облачение.

– Значит, ты его плохо знаешь, мой милый, – отозвался Кокардас. – Более благородного сердца, чем у этого парня, я не знаю.

– Какой точный глаз! – Прибавил Паспуаль, – и какая скорость.

– Какая мощная хватка, и какой сильный удар!

– Помнишь его внезапную подсечку, когда он делает шаг назад?

– А его тройной удар с выпадом вперед, тот самый, что описал в своем учебнике фехтования Делеспин.

– Словом, душа – человек!

– Именно душа. А как ему всегда везет в картах. Да и выпить он не промах.

– А женщины от него просто без ума.

При каждой реплике они замедляли шаг своих верховых и обменивались рукопожатием собеседников, хорошо понимавших друг друга. Их чувства были сильны и искренни.

– Клянусь небесами! – сказал Кокардас, – мы согласились бы исполнять роль его домашней прислуги, если бы он этого захотел. Верно говорю?

– И мы сделаем из него знаменитого синьора, если, конечно, деньги Пейроля тому не помешают.

Теперь понятно, что господин Пейроль, правая рука Филиппа де Гонзаго и был тем человеком, который понудил сюда прибыть мэтра Кокардаса и брата Паспуаля. Они хорошо знали упомянутого Пейроля, даже лучше, чем его патрона мсье де Гонзаго. Прежде, чем преподавать для мелкопоместных дворян искусство владения шпагой в духе итальянской школы в городе Тарбе, они содержали фехтовальный класс в Париже на улице Круа де пти Шан, что в двух шагах от Лувра, и, если бы не их слабость к развеселой жизни, они наверное смогли бы построить себе недурную карьеру, так как практически вся придворная знать посещала их уроки. Это были два отважных дьявола, прекрасной владевших шпагой, способных в критический момент на непредсказуемую проделку. И потому мы, соблюдая известный такт, не будем уточнять причины, побудившей их в один прекрасный день оставить ключ от парижского фехтовального зала у двери под ковриком и со стремительностью молнии покинуть столицу.

В те времена в Париже специалисты по шпаге тесно общались с самыми знаменитыми придворными аристократами и потому прекрасно знали все наиважнейшие новости, они явля-

лись, так сказать, живыми газетами. Брат Паспуаль, бывший к тому же и цирюльником, имевшим дело с дамскими прическами, имел широкую палитру знакомств с прекрасным полом.

Поэтому, получив вызов в столицу, друзья легко заключили, что там понадобилось их мастерство во владении оружием. Выезжая из Тарба, Паспуаль сказал:

– Тут пахнет делом, где можно заработать миллион. Клинок Невера – лучший в мире после клинка Маленького Парижанина. Нельзя этого забывать.

Кокардасу ничего не оставалось, как молча согласиться со столь резонным рассуждением своего помощника.

Около двух часов пополудни они въехали в деревню Таррид, и первый же встретившийся крестьянин указал им, где находится трактире «Адамово яблоко».

Когда они вошли, небольшое помещение трактира было почти заполнено посетителями. Девушка в ярко цветастой юбке и кружевном корсаже по крестьянской моде местности Фуа быстро сновала взад – вперед, принося наполненные бургундским вином бокалы и кружки, огонь для трубок в виде раскаленных угольков, собранных в деревянный ковш, и все остальное, что могло понадобиться путникам, проделавшим неблизкую дорогу под палящим солнцем Пиренеев.

На стене висело шесть рапир вместе с ремнями и ножами.

Среди собравшихся не было ни одного человека, под портретом которого нельзя было бы, ни на йоту не покривя душой, жирным шрифтом подписать «наемный убийца». Загорелые лица, бравые, горящие вызовом взгляды, длинные, завитые кверху усы. Если бы паче чаяния сюда вдруг заглянул какой-нибудь благопорядочный буржуа, то, наверное, увидев эти наглые рожи, упал бы в обморок. За первым столом у входа сидели трое испанцев, – это было понятно по их манерам. За следующим – итальянец с лицом изуродованным шрамом ото лба до подбородка, а напротив какой-то мрачный бандит, чей выговор указывал на то, что он – немец. Третий стол оккупировал грубый мужлан с густой непричесанной шевелюрой, чей грубый говор выдавал бретонца.

Испанцев звали: Сальданы, Пинто и Пепе по прозвищу Матадор. Все трое профессиональные шпажисты: первый – из Мюрси, второй – из Севильи, третий – из Памплоны. Итальянец был головорез из Сполеты. Его звали Джузепе Фаёнца, немца – Штаупиц, бретонца Жоэль де Жюган. Всех их хорошо знал и пригласил сюда господин Пейроль.

Когда мэтр Кокардас и брат Паспуаль, поставив свой живой транспорт в стойло, перешагнули порог трактира, они, увидев эту честную компанию, невольно сделали шаг назад, видимо желая незаметно уйти. Низкая зала харчевни скупо освещалась лишь одним маленьким оконцем; дым от трубок сбился под потолком тяжелой кучей, напоминавшей грозное облако. Поначалу, вновь прибывшие не видели ничего, кроме худых профилей, торчащих усов и развешанных на стенных крючках шпаг. Через несколько мгновений замкнутое пространство трактира огласилось приветственными воплями шестерых голосов.

– Мэтр Кокардас!

– Брат Паспуаль! – а затем последовали фразеологические украшения из отборных ругательств, распространенных в провинциях Италии, на берегах Рейна, брани из Кимпера Корентина, похабщины из Мюрси, Наварры и Андалусии.

Кокардас, пытаясь разглядеть лица, приставил к глазам ладонь козырьком:

– А – а – а, бес вам в пах, todos camarados!

– Старые знакомые, – перевел Паспуаль дрожащим от волнения голосом.

Паспуаль от рождения был трусоват, но жизнь то и дело понуждала его быть храбрым. Любой пустяк мог заставить его от страха покрыться гусиной шкурой, но, если приходилось, то он дрался как лев.

Затем начались похлопывания друг друга по плечам и рукопожатия, такие крепкие, что в ладонях хрустели костяшки. Одежда присутствовавших была самая разнообразная всех воз-

можных оттенков: темно – зеленые колеты, лиловые и синие шляпы. Единственный, которого не было в наличии, это цвет чистой белой ткани.

В наши дни преподаватели фехтования – добропорядочные просвещенные прекрасно владеющие речью господа. Они хорошие мужья и отцы. Сегодня их ценят в самом изысканном обществе. В семнадцатом веке дело обстояло по-другому. Мастер шпаги был либо приближенный ко двору баловень судьбы, либо бедный бродяга, которому приходилось рисковать жизнью, чтобы заработать свой бокал вина. Третьего, как говорится, было не дано.

Гости трактира «Адамово яблоко» наверное, когда-то знавали лучшие дни. Но в какой-то несчастливый час солнце их успеха закатилось. Таким образом, все они были товарищи по несчастью.

До прихода Кокардаса и Паспуаля они сидели за столами тремя разрозненными группами, между которыми не было никаких контактов. Бретонец не знал никого. Немец общался только с сполетанцем. Испанцы балагурили между собой. Но парижане на то и парижане, чтобы объединить все флаги. Преподаватели фехтования с улицы Круа де пти Шан, что за Поле Роялем, были знатоками всех ударов шпаги и рапиры, распространенных в Европе, и немудрено, что специалисты холодного оружия, собравшиеся сегодня в «Адамов яблоке» охотно сгруппировались в одну компанию, голову которой теперь представляли мэтр Кокардас Младший и брат Паспуаль.

Если привести послужной список всех присутствовавших в кабачке братьев по оружию, то у читателя поднимутся волосы дыбом от ужаса. Шесть висевших на стене шпаг унесли на тот свет больше христианских душ, чем мечи всех палачей Франции и Наварры. Бретонец, если бы ему довелось исполнять роль Харона, мог бы к своему поясу прицепить две или три дюжины человеческих скальпов. Сполетанца в ночных кошмарах терзают двадцать с лишним привидений погубленных им людей. Немец заколол двух гауграфов, троих марграфов, пятерых ринграфов и одного ландграфа, – для полного набора ему не хватало лишь бурграфа. И все это было лишь «цветочками» в сравнении с «деяниями» испанцев, которые и теперь легко могли бы утонуть в крови своих бесчисленных жертв. Пепе Убийца (он же Матадор), всегда говорил о своем коронном ударе, которым он способен враз уложить троих.

Не будем украшать и облагораживать уже знакомых нам Гасконца и Нормандца. Они после первого бокала вина чувствовали себя вполне в своей тарелке в этой компании транспиренейских головорезов. Когда первые бравурные восклицания и хохот поутихли, Кокардас сказал:

– А теперь, мои любезные, поговорим о делах.

Позвали служанку, дрожащую от страха перед этими людоедами, и велели ей принести еще вина. Это была дородная черноволосая немного косоглазая девица. Паспуаль сразу направил в ее сторону посоловевшие глазки и поднялся, желая проследовать за ней под предлогом того, что желает лично проследить за тем, чтобы она в погребе наливала вино попрохладнее. Но Кокардас удержал его за полукафтана.

– Ты, ведь, что-то сегодня мне обещал, дружок? А? – урезонил мэтр своего помощника, после чего брат Паспуаль, тяжело вздохнув, опустился на стул. Когда вино было подано, девицу выпроводили из помещения, запретив ей входить без вызова.

– Итак, красавчики, – возобновил свою речь Кокардас. – Мы не ожидали, я и брат Паспуаль, встретить столь благородную компанию вдали от шума городского, от людных мест и центров, где ваши таланты могут проявиться в наилучшем виде.

– Перец тебе в ноздрю, – перебил головорез из Сполете. – Тебе известен хоть один город, где нам можно найти хорошую работу, тебе самому, caro mio.

И все солидарно покачали головами, разделяя естественную обиду за несправедливое отношение к их мастерству, не имевшего достаточного применения соответствующего вознаграждения. Потом спросил Сальданы:

– А ты часом не знаешь, зачем мы здесь собрались?

Гасконец уже раскрыл, было рот, чтобы ответить, но брат Паспуаль вдруг наступил ему на ногу. Кокардас Младший, не смотря на то, что в тандеме с Паспуалем исполнял роль лидера, имел хорошую привычку прислушиваться к советам мудрого и осторожного нормандца.

– Я знаю только, что нас пригласили. . .

– И меня пригласили, – вставил Штаупиц.

– Для того, чтобы мы, брат Паспуаль и я, нанесли удар, – закончил гасконец.

– Сагајо! – крикнул Пепе Убийца. – Когда есть я, то других уже не приглашают!

Здесь каждый сделал несколько замечаний, варьируя эту тему на разные лады в соответствии со своим красноречием и тщеславием. Затем Кокардас заключил:

– Наверное, нам придется вступить в бой против вооруженной группы.

– Нам предстоит вступить в бой против одного человека, – сказал Штаупиц.

Штаупиц был ближайший помощник господина Пейроля, доверенного лица принца Филиппа Гонзаго.

При этой новости все расхохотались. Кокардас и Паспуаль смеялись громче других, но сапог нормандца по – прежнему придавливал к полу ногу гасконца, что означало: «Оставь этот разговор мне».

И Паспуаль мягко полюбопытствовал:

– Как же зовут этого великана, которому придется сражаться против восьмерых клинков?

– Каждый из которых, сам по себе способен уложить с полдюжины бойцов? – прибавил

Кокардас.

Штаупиц ответил:

– Герцог Филипп де Невер.

– Но говорят, что он очень плох, чуть ли не умирает! – воскликнул Сальдань.

– Задыхается! – подтвердил Пинто.

– Большой, чахоточный, доходяга, – продолжали остальные.

Кокардас и Паспуаль молчали. Последний медленно покачал головой и отодвинул бокал. То же сделал и гасконец. Их внезапная серьезность не осталась незамеченной.

– Ну, ну, давайте выкладывайте, что там у вас? – раздалось со всех сторон.

Кокардас со своим напарником обменялись взглядом.

– Сорок бочек арестантов! – воскликнул изумленный Сальдань. – Что еще за тайны?

– Глядя на вас, – заметил Фаенца, – можно подумать, что вы решили отказаться от этого дела?

– Пожалуй, мои любезные, так и есть, – ответил Кокардас Младший, но его голос утонул в протестующих криках.

– Нам приходилось встречаться с Филиппом де Невером в Париже, – спокойно продолжал брат Паспуаль. – он приходил в наш класс. Этот умирающий может наподдать нам всем доброго жару.

– Кому? Нам? – презрительно заорали со всех сторон.

– Я вижу, – сказал Кокардас, обводя всех пристальным взглядом, – что никто из вас не знает об ударе Невера.

Все с вниманием уставились на говорившего.

– Или об ударе старого мэтра Делалальмы, – прибавил Паспуаль, – который помог ему выйти победителем из встреч с семью лучшими клинками от селения Руль до порта Сэн Онорэ.

– Чуть и хреновина все эти таинственные удары! – крикнул Пепе Убийца.

– Твердая нога, верный глаз, крепкая рука, надежная защита, – прибавил бретонец. – Я колыхал их в гробу, все эти секретные приемы, как древний потоп.

– Ай, серп вам в жатву! – прорычал Кокардас. – Я не забываю о твердой ноге, точном глазе, крепкой руке, надежной защите, мои миленькие.

- И я тоже, – вставил Паспуаль.
- Думаю, что в этих элементах мы дадим любому из вас фору, – продолжал Кокардас.
- Если кто-то сомневается, мы готовы подтвердить на деле, – мягко уточнил брат Паспуаль.
- И все – таки, – говорил дальше Кокардас, – удар Невера не чушь и не хреновина. Я ощутил его на своей шкуре во время уроков фехтования в моей школе и при этом...
- Я тоже ощутил, – прибавил Паспуаль.
- Свой удар он наносил как раз по центру между глазами, и при этом три раза подряд.
- То же самое было и со мной. Три удара между глазами прямо в лоб.
- Странно, но мне ни разу не удалось парировать этот страшный удар. Так что спасибо спасительной пуговице на учебной рапире.
- Шестеро наемников теперь слушали, раскрыв от удивления рот. Никто не смеялся.
- Вот это, да! – пробормотал Сальдань и перекрестился. – Не просто страшный удар, здесь какое-то колдовство.
- Бретонец опустил руки в нагрудный карман и принялся перебирать четки.
- Так что не зря нас пригласили восьмерых против одного, – мрачно подытожил Кокардас. – я бы предпочел иметь стычку с целым взводом, чем с Невером. На свете есть лишь один человек, способный ему противостоять с обнаженной шпагой.
- Кто же это? – закричали все в один голос.
- Это Маленький Парижанин, – ответил Кокардас.
- Это настоящий дьявол в человеческом обличья, – восхищенно прибавил Паспуаль.
- Маленький парижане, маленький парижанин, – повторяли наемники. – У него есть имя?
- Да. Это имя известно всем мастерам шпаги: Шевалье де Легардер.
- Похоже, что это имя всем было хорошо знакомо так как в трактире после последних слов мэтра Кокардаса наступила тишина.
- Я никогда его не встречал, – сказал, наконец Сальдань.
- Тем лучше для тебя, дорогуша, – заметил гасконец. – Ему не очень по нраву люди твоего типа.
- Это тот самый, которого многие называют «Легардер Красавец»? – спросил Пинто.
- Тот, – прибавил, понижая голос, Фаёнца, – который под стенами Сенлиса уложил троих фламандцев?
- Тот, – хотел сказать Жоэль де Жюган, – который...
- Но Кокардас его прервал, весомо отчеканив:
- На свете есть только один Легардер.

Глава 3. Три Филиппа

Единственное окно приземистого трактира «Адамово яблоко» выходило на отлогую буковую рощу, опускавшуюся вплоть до траншей. Между стволов пролегла достаточно широкая для экипажей дорога, выводившая на дощатый мост, перекинутый через широкие и глубокие рвы. Они окружали замок со всех сторон, кроме обращенной к лё Ашазу.

После того, как были возведены вододерживающие перемычки, мелиорированное дно траншей, освободясь от избытка влаги, стало два раза в год приносить обильный урожай кормовой травы, которую хозяева использовали на скотном дворе и в конюшне.

Сейчас как раз скосили второй урожай. Через окно кабачка, где засели восемь бандитов, хорошо было видно, как крестьяне сгребали вилами сено и собирали его под мостом в снопы. Стены траншей поднимались отвесно, и лишь в одном месте был прорезан покатый подъем,

чтобы могла проехать повозка с сеном. Этот подъем выводил на дорогу, проходившую перед окном трактира.

Фронтальная несущая стена замка на уровне первого этажа имела в кладке множество отверстий – бойниц. Они были слишком малы, чтобы сквозь них мог пробраться человек. Но как раз под постоянным деревянным мостом, (с некоторых пор заменившим блочно – подъемный), нижним краем возвышаясь всего на несколько дюймов над землей, находилось двустороннее окно. Снаружи оно наглухо закрывалось мощными дубовыми ставнями, а изнутри при желании можно было вдобавок опускать металлическую решетку. Это окно впускало дневной свет в просторное банно – прачечное помещение. Говорят, что в средние века на юге Франции состоятельные граждане знали толк в разного рода банях и саунах.

На башне пробило три часа. Тайнственного наводящего ужас рыцаря, которого молва нарекла Лагардером Красавцем, поблизости не было и не должно было быть, – ждали не его. Как что упавшие, было духом мастера шпаги мало-помалу начали приободряться и вновь обретать временно приструненные спесь и бахвальство.

– Вот что, приятель Кокардас, – прогудел Сальданы. – Я готов лишиться десяти пистолетов, лишь бы поглядеть на твоего хваленого шевалье де Лагардера.

– С обнаженной шпагой? – ухмыльнулся гасконец, отхлебнув большой глоток и пощелкав с иронией языком. – Сегодня, мой любезный, – прибавил он серьезно, – у тебя будет возможность блеснуть мастерством и отвагой, не забудь только как следует помолиться.

Сальданы разухабистым жестом покрепче натянул на уши шляпу. Удивительно, что среди посетителей кабачка до настоящего момента еще не произошло ни одной стычки. Но теперь, похоже, назревала драка. Вдруг глядевший в окно Штаупиц прокричал:

– Спокойно, малыши! К нам пожаловал господин Пейроль, факториум принца Гонзаго.

Между буковых стволов неторопливым шагом двигалась верховая лошадь под всадником.

– Мы много говорим, – торопливо произнес Паспуаль. – И ни о чем пока не договорились. Послушайте. Невер своим таинственным ударом способен любого уложить на месте, но, если повезет нам, то он же нас давать озолотит. Надеюсь, все здесь это понимают. Итак, спрашиваю напрямую. Вы готовы сегодня попытать счастья?

Нет нужды приводить дружный ответ приятелей.

– А если так, то позвольте в разговоре с Пейролем действовать мэтру Кокардасу и мне. Все, что мы ему скажем, вы должны поддержать.

– Лады!

– Идет!

– Заметано! – прозвучало со всех сторон.

– По крайней мере, те из нас, чью шкуру не проткнет шпага Невера, достаточно разбогатеют, чтобы заказать заупокойную мессу по тем, кому не повезло.

Вошел Пейроль.

Паспуаль почтительно снял свою шерстяную шляпу. Остальные последовали его примеру. В руках у Пейроля находился внушительный мешок с деньгами. Он со звоном швырнул его на стол и сказал:

– Держите, прожоры, свою кормушку. Все вам. Разделите сами. – И, окинув всех взглядом, прибавил: – Вижу, все уже в сборе. Добро пожаловать! Сейчас я скажу вам два слова о том, что вам предстоит проделать.

– Слушаем вас, господин Пейроль, – ответил, облачиваясь на стол, Кокардас. – Итак? Остальные отозвались дружным припевом:

– Слушаем!

Пейроль стал в позу оратора:

– Сегодня вечером, – начал он, – около восьми часов по дороге, что вы видите из окна, проследует мужчина. Он будет верхом. После того, как он переберется по мосту через ров, он привяжет коня к деревянной балке на той стороне моста. Посмотрите внимательно, видите прямо под мостом в стенке замка низкое окно, закрытое дубовыми ставнями?

– Прекрасно видим, господин хороший Пейроль, – отозвался Кокардас. – Крапленый туз! Мы здесь не слепые.

– Мужчина подойдет к окну...

– И в этот момент мы с ним заговорим?

– Только все должно быть тихо и аккуратно, – уточнил Пейроль с многозначительной улыбкой. – И можете считать, что вы отработали свои деньги.

– Пресвятая сила! – воскликнул Кокардас. – Господин Пейроль любит пошутить!

– Итак, вам все ясно?

– Абсолютно. Но вы что, уже собрались уходить?

– Да, я очень тороплюсь, – сказал Пейроль, отступая к дверям.

– Как же так, сразу, и даже не назвав имени человека, с которым мы должны заговорить?

– Зачем вам его имя?

Кокардас с немного наигранным разочарованием прищурил глаза; в банде наемников прогудел ропот. Особенно уязвлено выглядел Паспуаль.

– И не поведав нам о том благородном синьоре, – продолжал Кокардас, – по воле которого мы будем стараться?

Пейроль, скрывая тревогу, пристально посмотрел на учителя фехтования.

– Какая вам разница? – бросил он, пытаясь держаться непринужденно.

– Очень существенная, господин Пейроль.

– Я вам хорошо плачу.

– А может быть недостаточно хорошо, господин хороший Пейроль?

– Что вы хотите этим сказать, друг мой?

Кокардас встал, и все последовали его примеру.

– Вот что, приятель, – сказал мэтр Кокардас, внезапно сменив тон. – Поговорим начистоту. Мы, здесь присутствующие, все мастера шпаги, и к тому же дворяне. Я, к примеру, гасконец, закаленный солнцем и воздухом Прованса. Мое оружие, – он похлопал себя по ножнам шпаги, с которой никогда не расставался, – никогда не обращается против людей, которых я не знаю. Ву компрене?

– Прошу вас! – произнес брат Паспуаль, учтиво придвигая к доверенному лицу принца Гонзаго табуретку.

Пейроль находился в нерешительности.

– Что ж, храбрецы, раз вам так не терпится знать, могли бы сами догадаться и сообразить.

– Мы уже сообразили... на восьмерых, – заметил мэтр Кокардас.

– Но все – таки пока не догадались, – уточнил брат Паспуаль.

– В таком случае пошевелите мозгами. Кому принадлежит замок?

– Почтенному маркизу Келюсу, синьору, чьи жены не доживают до старости Келюсу – Засову. Бес ему в пах! И что дальше?

– А что вам еще нужно? – наставительно произнес Пейроль. – Разве не ясно, что вы работайте на маркиза де Келюса?

– Эй, приятели, кто-нибудь этому верит? – недовольным тоном обратился к компании Кокардас.

– Нет, – ответил брат Паспуаль.

– Не верим, – поддержали остальные.

На впалых щеках Пейроля появился густой румянец.

– Что это значит? Черт возьми! – гневно воскликнул он.

– Спокойно, синьор! – прервал его гасконец. – Мои компаньоны – не слишком доверчивые простаки. А потому предлагаю поговорить спокойно, как подобает хорошо воспитанным людям. Насколько я понимаю, дело обстоит так: господин маркиз де Келюс узнал, что какой-то молодой человек, дворянин, к тому же, недурен собой, по ночам проникал в замок через это низкое окно. Так?

– Именно так, – ответил Пейроль.

– Маркизу известно, что его дочь, мадемуазель Аврора де Келюс любит этого молодого человека.

– И это верно, – снова согласился фактотум.

– Именно потому, согласно вашим словам, господин Пейроль, мы собрались в этой забегаловке. Может быть кому-то такое объяснение и покажется достаточным. Но лично я нахожу его неудовлетворительным. Вы говорите неправду, господин де Пейроль.

– Черт возьми! Что вы себе позволяете? – гневно закричал тот.

Но голоса наемников его заглушили.

– Говори, Кокардас! Говори! Говори!

Долго упрашивать его не пришлось.

– Прежде всего, – сказал он, – мои товарищи, равно как и я, знают, что этот ночной гость, (именно он сегодня будет подставлен под наши шпаги), носит титул не ниже принца.

– Допустим, принца, что из этого? – Пейроль подернул плечами.

Кокардас продолжал:

– А если точнее, – он никто иной, как принц Филипп Лотарингский, герцог де Невер.

– Я вижу, вы осведомлены лучше меня! – криво усмехнулся Пейроль.

– Но это не все. Есть еще одно обстоятельство, и о нем мои благородные приятели должно быть ничего не знают. Аврора де Келюс – не любовница мсье де Невера.

– О – о! – не сдержал удивленного восклицания фактотум.

– Она его жена, – убежденно завершил гасконец.

Пейроль, побледнев, пробормотал:

– Но ты-то сам, откуда это узнал?

– Знаю, уж точно. А откуда, – для вас не имеет значения. Сейчас я вам продемонстрирую, что мне известно кое-что еще. Четыре года тому назад в часовне Келюсов втайне был освящен их брак, и, если я верно понял, лично вы и ваш благородный мэтр... – здесь Кокардас сделал короткую паузу, во время которой с нарочитой почтительностью снял шляпу, – вы были свидетелями при венчании, господин де Пейроль.

Пейроль, не возражая, лишь мрачно спросил:

– К чему вся эта болтовня?

– Чтобы узнать, – ответил гасконец, – имя блистательного синьора, на которого мы сегодня будем работать.

– Невер женился на дочери маркиза вопреки воле отца, – сказал Пейроль. – Маркиз де Келюс намерен отомстить. Что может быть проще?

– Действительно, ничего, если бы... если бы почтенный Засов знал о браке своей дочери. Но вы ведь тогда действовали с виртуозной осторожностью. Не так ли? Маркиз де Келюс так до сих пор ничего и не узнал. Подумать только, как бы обрадовался старый прошельга, если бы проведал о том, что его дочь стала супругой одного из самых богатых людей Франции?

– Короче! – перебил Пейроль.

– Короче, мы работаем не на Келюса.

– Как пить дать, не на него, – подтвердил Паспуаль.

– Ясно, как день! – загремели голоса.

– На кого же, по-вашему?

– На кого? Ага, вот те на-а. «На кого?» Вам известна история о трех Филиппах? Нет? Ну я в двух словах. Три синьора из прекрасных семей: один – Филипп Мантуанский, принц Гонзаго, ваш патрон господин Пейроль, разоренное высочество, готовое продать по сходной цене себя хоть самому дьяволу; второй – Филипп де Невер, которого мы поджидаем; и, наконец, третий – Филипп французский герцог де Шартр. Все трое молоды, блистательны и прекрасны, даю слово. И ко всему прочему, связаны такой искренней братской дружбой, которую в наши дни вряд ли где сыщешь. Однако оставим в стороне Филиппа французского и займемся двумя другими: Невером и Гонзаго. Их можно сравнить разве что с древними Пифеем и Дамоном.

– И что же, черт возьми, – повысил голос Пейроль. – Вы хотите обвинить Дамона в том, что он желал смерти Пифия?

– Настоящего Дамона, отнюдь. К тому же за историческим Пифием не стояло наследство в сто тысяч экю.

– Того самого, которое стоит за Пифием наших дней, – пояснил Паспуаль, – и владельцем которого может сделаться сегодняшней Дамон.

– Улавливаете разницу, господин де Пейроль? – продолжал Кокардас. – Могу еще прибавить, что древний Пифий не имел такой прекрасной любовницы как Аврора де Келюс и, что истинный Дамон не был влюблен в красавицу, или точнее сказать в ее приданое.

– Именно так, – вторично поддакнул своему мэтру брат Паспуаль.

Кокардас наполнил свой бокал.

– Господа, – провозгласил он. – За здоровье Дамона, т. е. я хочу сказать Гонзаго, у которого завтра будет наследство в 100 000 экю; и мадемуазель де Келюс с ее приданым, если Пифий, или, коль угодно, Невер сегодня ночью погибнет!

– За здоровье принца Дамона де Гонзаго! – заорали бандиты, громче всех брат Паспуаль.

– Ну – с, что скажете на это, – господин хороший де Пейроль?

– Бред и грязная клевета!

– Однако, вы грубоваты, господин Пейроль. В таком случае пусть мои отважные соратники нас рассудят.

– Ты прав, гасконец!

– Мы тебе верим! – закричали со всех сторон.

– Принц Филипп де Гонзаго, – торжественно произнес Пейроль, пытаясь выдержать добрую мину при плохой игре, – стоит намного выше ваших грязных наветов и нет никакой нужды на них даже возражать.

Кокардас его прервал.

– Присядьте, прошу вас, господин хороший де Пейроль, – и поскольку тот не двигался, то силой усадил его на табуретку. – Сейчас мы вспомним о еще более неприглядных вещах. Давай Паспуаль!

Нормандец посмотрел на своего мэтра с просительным упреком и тихо произнес:

– Кокардас...

– Нет, дружок, раз что господин Пейроль сопротивляется, придется тебе его увещевать.

Нормандец покраснел до самых ушей и виновато опустил глаза.

– Я не умею... – пробормотал он, – выступать перед публикой.

– Не филонь, мой милый. Ах ты, крапленный туз тебя обмани! Слушатели простят тебе твою молодость и неопытность.

– Тогда заранее прошу у всех прощения за косноязычие, – промямлил застенчивый Паспуаль и голосом, которым исповедуются в церкви юные девушки нормандец начал свой рассказ:

– Мсьё Пейроль имеет все основания почитать своего господина за благородного человека. Расскажу об одном случае. Лично я не вижу в нем ничего предосудительного, но возможно некоторые злоумышленники способны истолковать его по – другому. В то время, тогда

три Филиппа вели в Париже разгульную жизнь, настолько развеселую, что король Людовик даже пригрозил своему племяннику герцогу Шартрскому, что будет вынужден выслать его из страны... короче говоря, речь идет о 2–3х годах, когда я состоял на службе в помощниках у одного итальянского доктора, последователя и ученика знаменитого ученого Эксили, известного под именем Пьера Гарба...

– Пьера Гарба! – воскликнул итальянец Фаенца, – как же, я его знаю. Это известный шарлатан и алхимик.

Брат Паспуаль улыбнулся и мягко возразил.

– Это благопристойный человек со спокойными манерами, богобоязненный и начитанный как толстая книга. Он был известен тем, что работал над созданием эликсира жизни.

При последних словах Нормандца наемники в один голос захохотали.

– Ах, крапленный туз! Ты красноречив как святой проповедник! Ну, ну, продолжал, не томи.

Пейроль утер со лба обильный пот.

– Принц Филипп де Гонзаго, – продолжал Паспуаль, – часто навещал доброго Пьера Гарба.

– Да потише, ты! – вырвалось само собой у доверенного лица.

– Погромче!

Тут же заорали головорезы. Этот рассказ их очень интересовал, поскольку за ним стояла возможность ощутимой прибавки к уже полученному вознаграждению.

– Говори, Паспуаль, говори! Говори! – зывали мастера шпаги, теснее сдвигаясь в круг. Кокардас, с отеческой лаской поглаживая затылок своего помощника, не без зависти заметил:

– Мой малыш, пользуется явным успехом. Надо же!

– Мне неприятно, – продолжал брат Паспуаль, – касаться темы, которая может огорчить господина Пейроля; но истина дороже. Принц де Гонзаго часто приходил к Гарба для того, чтобы научиться у него составлять снадобья. И как раз в это время у молодого герцога де Невера обнаружилась болезнь легких.

– Клевета! – воскликнул Пейроль. – Опять грязная клевета!

Паспуаль спокойно возразил:

– Разве я кого-нибудь в чем-то обвиняю, мой господин?

Фактотум нервно кусал губы; внезапно он резко поднялся с табуретки.

– Надеюсь, вы мне не будете препятствовать отсюда уйти? – сверкнув глазами, выпалил он.

– Ну, разумеется, – широко рассмеявшись, ответил гасконец. – Не только не будем препятствовать, но и составим вам, так сказать, почетный эскорт до самого замка. Должно быть, почтенный Засов уже пробудился после сиесты и с большим интересом выслушает наш рассказ.

Пейроль без сил опустился на табуретку. Лицо его приобрело какой-то зеленоватый оттенок. Неумолимый Кокардас пододвинул ему бокал:

– Выпейте, чтоб приободрится, а то что-то не важно выглядите. Выпейте глоток, право же. Не хотите? Тогда просто немного передохните, а мы послушаем нашего сладкоречивого нормандца, он говорит не хуже, чем лучший придворный адвокат на государственном процессе.

Брат Паспуаль благодарно кивнул своему шефу и продолжил рассказ:

– Нередко можно было услышать: «Это тот несчастный молодой герцог Неверский, который скоро умрет». Двор и город встревожены. Такой благородный дом, как герцогов Лотарингских, и такое несчастье. Сам король справлялся о здоровье молодого человека, а Филипп герцог Шартрский выглядел совершенно удрученно.

– Был человек еще более удрученный, еще более безутешный, – с подкупающей дрожью в голосе произнес Пейроль. – Это Филипп, принц де Гонзаго!

– Упаси меня, Боже, вам возражать! – произнес Паспуаль, выдержке которого полезно поучиться любому спорщику. – Я хорошо понимаю, что принц де Гонзаго в то время много горевал. В подтверждение того могу сказать, что он вдруг буквально каждый вечер зачастил к эскулапу Гарба. При этом он зачем-то переодевался в лейтенантскую ливрею. То и дело я слышал, как он с inferнальной тоской жаловался: «Как же все долго, доктор! Как же долго!»

В низкой зале «Адамова яблока» не было ни одного человека, который не был бы убийцей, но при этих словах Паспуаля всех невольно кинуло в дрожь.

– Однажды вечером, – возобновил рассказ брат Паспуаль, понизив голос, – Филипп де Гонзаго пришел как всегда и Гарба, увидев необычный блеск его глаз, пощупал ему пульс и спросил: «Вы выиграли большие деньги?» Гонзаго засмеялся и ответил: «Я проиграл две тысячи пистолей, – и тут же прибавил, – Невер намерен сегодня принять участие в фехтовальных турнирах в академии. Однако он так слаб, что не удержит рапиру». «Значит, – пробормотал доктор Гарба, – это конец. Скорее всего, завтра...» но, – почти весело поспешил пояснить Паспуаль, – все произошло вопреки мрачным прогнозам. Нам следующий день Филипп герцог де Шартр усадил Невера в свою карету и велел кучеру катить в Турин. Его высочество привез Невера в свое имение. Поскольку поблизости не было мэтра Гарба, Невер быстро пошел на поправку. Потом в поисках солнца, тепла и радости жизни он отправился на корабле по средиземному морю и добрался до Неаполя. Филипп Гонзаго нашел главу доброго врачевателя, дал ему указание ехать на поиски Невера. В мои обязанности входило собрать доктору багаж. Как-то ночью лопнул перегонный куб, и врач, надышавшись эликсира жизни, к утру скончался.

– Не хрена себе!

– Вот так славный итальянец! – загудели голоса.

– Да уж, – просто ответил Паспуаль. – Мне так было его жаль. Ну а конец истории, вот какой. Невер путешествовал полтора года. Когда он вернулся, все воскликнул: «Невер помолодел на десять лет». Невер силен, здоров и бодр, как утренний жаворонок. Кроме того, вы уже знаете, что после Лагардера Красавца Невер на сегодня – лучший клинок в мире.

Брат Паспуаль замолчал, а Кокардас завершил:

– Настолько искусный, что господин де Гонзаго был вынужден пригласить восемь мастеров шпаги против него одного. Ах ты, крапленный туз!

Наступила тишина, которую нарушил Пейроль.

– К чему вся эта болтовня? К увеличению платы?

– О – о, к значительному! – ответил гасконец. – Право же, нельзя платить одинаково за месть отца против умыкнувшего дочь кавалера и за исполнение задания Дамона, вздумавшего до срока получить в наследство состояние Пифия.

– Сколько вы хотите?

– В три раза больше.

– Согласен, – ответил Пейроль, не колеблясь.

– И еще, после того, как дело будет сделано, Гонзаго возьмет нас к себе на службу.

– И это обещаю! – опять согласился фактотум.

Кокардас обменялся взглядом сначала с братом Паспуалем, потом с остальными.

– Вот и договорились, – сказал он наконец.

Пейроль протянул ему руку. Гасконец ее не пожал. Пошлепав ладонью по своей шпаге, он пояснил:

– Вот мой нотариус, который отстаивает мои права, господин хороший де Пейроль. Крапленный туз, не советую вам водить нас за нос!

Пейроль, явно повеселев, направился к выходу. Задержавшись на пороге, он предупредил:

– Если не справитесь, никаких денег больше получите.

– Само собой, – отозвался гасконец. – Спите спокойно на ваших двух подушках мой господин хороший де Пейроль, – и фактотум под дружный хохот покинул трактир, где вслед за тем прозвучали громогласные призывы:

– Эй, красotka! Где ты там?

– Давай, неси вина!

– Да побольше.

– Что ж ты такая клуша неповоротливая? Ну, поживее же!

– Ха – ха – ха!

Глава 4. Маленький Парижанин

На башне только что пробило четыре. У наемников еще оставалось много времени. Кроме Паспуаля, то и дело бросавшего озабоченные взгляды на косоглазую служанку, все вволю веселились. В «Адамовом яблоке» пили, смеялись и орали песни. После того как жара немного спала, косившие на дне рва траву работники подналегли, и сейчас под мостом уже стояло с десятка два снопов.

Внезапно с опушки Энского леса послышался конский топот, и немного спустя из рва донеслась какая-то возня и беспорядочные крики косильщиков. Из леса налетели конные партизаны и, действуя плоскими сторонами шпага, разогнали их прочь. Налетчики прискакали за фуражом и теперь быстро погружали сено, укрепляя его веревками на крупях лошадей. Восемь посетителей трактира прильнули к окну.

– Вот сукины сыны, отчаянные каналы, – произнес Кокардас Младший.

– Еще бы. Отважиться грабить под самыми окнами синьора Маркиза! – прибавил Паспуаль.

– Интересно, сколько же их? Три... шесть... восемь.

– Восемь, точно столько, сколько нас. Разбойники – фуражиры в это время продолжали спокойно заниматься своим делом. Сено им явно понравилось, и они, о чем-то переговариваясь, то и дело весело смеялись. Видимо подобный рейд они совершали не впервые, зная, что пожилые работники маркиза не смогут им оказать сопротивления.

На всадниках были кожаные камзолы, военные береты; – все вооружены длинными рапирами. В основном – молодые brave красавцы с большими усами. К седлам были пристегнуты длинные пистолы с расходящимися в раструб стволами. В их одежду не просматривалось определенной формы. Двое носили мундиры егерского полка из Бракаса, один выглядел фламандским стрелком, другой чем-то напоминал испанского гвардейца – кирасира, третий выглядел старым арбалетчиком. Ему перевалило за шестьдесят, так что в его памяти, наверное, хранились воспоминания о Фронде. На остальных, как на старых потертых лошадях, нельзя было увидеть знаков отличия. Словом их группу легко было принять за обыкновенную банду разбойников с большой дороги. И действительно, эти авантюристы, украсившие себя названием «королевские волонтеры» по сути являлись разновидностью послевоенных бандитов.

Справившись с погрузкой сена, они выехали на прорезавшую буковую рошу дорогу. Их атаман, один из браккаских егерей, имевший на фалдах своего камзола галуны кавалерийского капрала, по – хозяйски окинув взглядом местность, скомандовал:

– Сюда, господа. Здесь, как раз то, что нам нужно! – и указал на трактир «Адамово яблоко».

– Прекрасно, капрал! – хором отозвались его спутники.

– Вот, что бойцы, – тихо промолвил Кокардас Младший. – Советую снять с крючков шпаги. Все бросились от окна и, опоясавшись ремнями со шпагами, опять расселись за столами. Надвигалась заваруха и в ее предчувствии брат Паспуаль застенчиво подрагивая жидкими усишками добродушно улыбался.

– Вот те на! – пробасил показавшийся в этот момент на пороге атаман мародеров. – В «Адамовом яблоке» яблоку упасть негде.

– Так надо очистить пространство, – предложил стоящий за ним.

Атаман, (его звали Карриг) согласно кивнул. Потом остальные кавалеристы прыгнули с лошадей и прикрепили узлами поводья ко вбитым в стену трактира кольцам, специально предназначенным для коновязи.

Те, кто был внутри, застыли в ожидании.

– Так – с! – сказал вошедший первым Карриг. – Выметайтесь – ка отсюда. Да поживей. Здесь хватит места лишь для королевских волонтеров.

Ответа не последовало. Кокардас, чуть развернувшись к своим, вполголоса бросил:

– Спокойно, ребята. Сейчас мы заставим господ королевских волонтеров немного «потанцевать».

Люди Каррига уже столпились в дверях.

– Ну, что вам было сказано? – повысил он голос.

Мастера шпаги поднялись и вежливо поклонились вошедшим.

– Придется их попросить выпрыгнуть в окно, – бросил через губу фламандский стрелок и, ухватив из – под носа Кокардаса полный бокал, поднес его ко рту. А Карриг изрек с назиданием:

– Эй вы, пни неотесанные, разве не понятно, что нам нужны бокалы, столы и табуретки.

– Ах ты, крапленый туз тебе во взятку, – сказал Кокардас Младший. – Сейчас получите все сполна, мои красавчики.

Кокардас вырвал из рук наглеца уже наполовину опорожненный кубок и выплеснув остаток вина ему в лицо, разбил бокал вдребезги о его голову, а брат Паспуаль пульнул табуреткой в грудь Каррига. В то же мгновение из ножен взметнулось шесть клинков и устремилось на непрошенных гостей. В ставшем тесном помещении «Адамова яблока» хорошо был слышен зычный баритон Кокардаса.

– Серп вам в жатву! Давай! Давай! Воткни им! Воткни!

Карриг со своими волонтерами храбро отбивались, время от времени воодушевляя себя кличем:

– Вперед, вперед! Лагардер! Лагардер!

Дальше разыгрался какой-то поначалу непонятный спектакль. Находившиеся в авангарде Кокардас и Паспуаль вдруг отпрыгнули назад и как по команде слаженным движением отбросили вперед длинный стол, образовав между сражавшимися группами преграду.

– Крапленый туз! – выкрикнул гасконец. – Опустите оружие!

Его голос прозвучал так уверенно, что не только его соратники, но и королевские волонтеры остановили бой. Среди последних, три или четыре человека уже получили царапины. Стычка не сулила им ничего хорошего. Слишком поздно они осознали, с кем их угораздило связаться.

– Что вы сейчас кричали? – неожиданно дрогнувшим голосом спросил гасконец.

В лагере мастеров шпаги возник «гур – гур» недовольства.

– Почему ты остановил, Кокардас? Мы не остановили бы от этих замухрышек мокрого места!

– Спокойно, приятели, – властно настоял Кокардас и повторил вопрос:

– Скажите правду, почему вы сейчас произнесли имя Лагардера?

– Потому что Лагардер наш командир, – ответил Карриг.

– Шевалье Анри де Лагардер?

– Да.

– Наш Маленький Парижанин! Наше сокровище! – проворковал брат Паспуаль, и на глазах выступили слезы умиления.

– Погоди, брат, здесь нельзя ошибаться, – урезонил его Кокардас. – Когда мы покидали Париж, Лагардер оставался там. Он служил в легкой кавалерии.

– Да, так оно и было, – пояснил Карриг. – Но служба в Париже ему скоро наскучила и он, сохранив лишь форму капитана легкой кавалерии, теперь командует бригадой королевских волонтеров здесь в Лурронской долине.

– Ясно! – сказал гасконец. – Бой окончен. Шпаги в ножны, господа. Боже правый! Друзья Маленького Парижанина – наши друзья, и мы сейчас вместе выпьем за лучший в мире клинок.

– Что же, мы не против! – охотно согласился Карриг, обрадовавшись неожиданно счастливой развязке. Волонтеры поспешно убрали оружие.

– Может еще прощения у них попросим? – не унимался горячий, как все кастильцы, Пепе Убийца.

– Если тебе, старина, позарез нужна сатисфакция, я – к твоим услугам. Но эти господа отныне под моей защитой. К столу! Выпьем, черт возьми! Как я рад, – и он протянул свой бокал Карригу. – Имею честь, – продолжал он, – представить моего друга и помощника Паспуаля, который, не в обиду будь сказано, может кое-что рассказать о вашем шефе; кое-что такое, о чем у вас нет ни малейшего представления. Он, как и я, искренний поклонник Шевалье де Лагардера.

– Чем очень горжусь! – вставил Паспуаль.

– Что касается остальных господ, – продолжал гасконец, – вы уж простите их. Они немного не в духе, так как я выхватил у них изо рта лакомый кусок, не в обиду будь сказано. Выпьем же!

Таким образом, установилось стабильное перемирие. Пока косоглазая служанка побежала в погреб за вином, столы и табуретки были перенесены на лужайку, так как низкая зала «Адамова яблока» не могла вместить такую ораву. Вскоре все вольготно устроились за столом под открытым небом.

– Так вот, о Лагардере, – возобновил тему Кокардас. – Его первым учителем фехтования был я. Ему в то время едва исполнилось 16 лет. До чего же способный был юноша. К тому же обещал стать первым клинком Франции.

– Сейчас ему восемнадцать, и он сдержал слово, – поддержал Карриг.

Мастера шпаги слушали с огромным интересом беседу о неизвестном герое, о котором с сегодняшнего утра столько было разговору, и чем больше они о нем узнавали, тем меньше хотелось кому-нибудь из них встретить его лицом к лицу, иначе как за пиршественным столом.

– Да, – продолжал воодушевлено Кокардас. – Он сдержал его с лихвой. Красив, как бог и храбрый, как лев.

– Кумир всех женщин, – вздохнул Паспуаль и покраснел до кончиков длинных ушей.

– Взрывной темперамент. Готов стоять в споре за истину до полной победы, – продолжал гасконец.

– Для палачей – палач, а для попавших в беду – заступник и надежда.

– Взломщик дверей и окон, вершитель судьбы ревнивых мужей.

Кокардас и Паспуаль поддерживали и дополняли друг друга как Аркадские пастухи у Вергилия.

– А как играет в карты!

– Деньги для него – «тьфу»!

– Все известные пороки – его!

– И все добродетели!

– Без царя в голове!

– Но сердце! У него золотое сердце!

Последние слова произнес Паспуаль, после чего Кокардас его расцеловал.

– За здоровье Маленького Парижанина! За здоровье Лагардера! – в один голос воскликнули все. Карриг и его люди торжественно встав, осушили бокалы, стоя. Мастеров шпаги все больше одолевало любопытство.

– Черт побери! – почти разозлившись, выкрикнул Жоэль де Жюган, нижебретонец. – В конце концов, расскажет мне кто-нибудь толком, что это за Лагардер такой?

– У нас уже щекочет в ушах, – поддержал Сальдань. – Кто он? Откуда? Чем заниматься?

– Что же вам сказать, дорогуши? – начал Кокардас. – Прежде всего, он благородного происхождения, такого же благородного как сам король. Родился где-то в окрестностях ла рю Круа де Пти Шан; занимается своим делом. Улавливаете? Если хотите узнать подробнее, налейте-ка еще.

Паспуаль наполнил ему бокал, и гасконец, немного собравшись с мыслями, возобновил рассказ:

– Его история, возможно, кому-то покажется не очень удивительной. Во всяком случае, словами ее не передать. Лагардера нужно видеть. Что касается его происхождения, я уже говорил, что он – не менее аристократ, чем сам король; да, да, я не шучу, но в то же время никто ничего не знает ни о его матери, ни об отце. Когда я встретил его впервые, ему было лет двенадцать. Это случилось во время моей прогулки у фонтана перед Пале-Роялем. Я увидел храброго и ловкого мальчишку, дерущегося против полдюжины таких же беспризорников. Все они были его старше, и тем не менее он неплохо с ними справлялся. Драка, как я узнал позднее, возникла из-за того, что он вступился за одну старушку, которую эта шантрапа хотела ограбить. Эту женщину я пару раз встречал раньше. Она торговала печеньем под аркой особняка Монтескье. Я спросил, как его зовут. «Маленький Лагардер», – ответил он. На вопрос о родителях он ответил, что их у него нет.

«Кто же о тебе заботится?»

«Никто».

«Где живешь?»

«На чердаке старого особняка Лагардер на углу улицы Сэн Оноре».

«Чем ты зарабатываешь на жизнь?»

Он ответил, что владеет, по меньшей мере, двумя профессиями: первая – прыжки в Сену с моста «лё Понт Нёф» и вторая – гимнастические трюки «гуттаперчивый мальчик», исполняемые перед фонтанами для забавы гуляющей публики. Крапленный туз! Вот такие две профессии.

Тут, многие, сидящие за столом, иностранцы, – прервал себя Кокардас, – и вам невдомек, что это за профессия, – прыгать с моста в реку. Поясню. Париж – город праздных зевак. Они ради развлечения бросают с парашюта лё Понт Нёф мелкие серебряные монеты; многие местные ребяташки с риском для жизни за ними ныряют; а милые ротозеи, глядя на эти прыжки, ловят кайф. Господи, с каким кайфом, я отхлестал бы их палкой по заднице. Серп им в жатву! Нет, не отчаянных мальчишек, а этих наблюдателей. Ну, ничего, еще, как говорится, не вечер.

Что касается профессии «гуттаперчивый мальчик», то малыш Лагардер умудрялся изгибать себя в любую сторону под сколь угодно острым углом. Он казался резиновым, завязывался узлом. Его ноги появлялись там, где должны быть руки и наоборот. Однако коронный его трюк был, когда он копировал одного старого сторожа из церкви Сэн Жермен ль Окзеруа. У того бедняги два горба: один спереди, другой сзади... Да, так вот, увидев, как он храбро сражается против шестерых негодяев, я вмешался и, разогнав шпану, посмотрел в лицо юного героя. До чего же он был хорош: раскрасневшиеся щеки, слипшиеся пряди белых волос, под глазом огромный фонарь. Я сказал: «Ну что, герой, пойдешь со мной?»

Он ответил: «Не пойду. Я должен ухаживать за матушкой Бернар». Матушка Бернар была старая попрошайка, вместе с которой он жил на чердаке. Каждый вечер маленький Лагардер приносил ей выручку, добытую своими обеими профессиями.

Тогда, отойдя на несколько шагов, я вытащил из ножен шпагу и вкратце показал ему весь арсенал фехтовальной техники. Глаза гамена загорелись; он пообещал: «Когда матушка Бернар выздоровеет, я к вам приду». И убежал.

Прошло время; я понемногу о нем забыл. Как-то раз спустя года три, в спортивный зал, где мы с Паспуалем преподавали фехтование, вошел привлекательный, как херувим, юноша и преодолевая застенчивость, сказал: «Здравствуйте, я – маленький Лагардер. Матушка Бернар умерла». Некоторых находившихся в зале молодых людей эти слова рассмешили. Выросший херувим покраснел, опустил глаза и затем вдруг в несколько приемов разбросал зубоскалящих аристократов по полу. Настоящий парижанин: стройный, гибкий, грациозный, как женщина, но крепкий, как железо. Итак, он стал посещать наш класс. Шесть месяцев спустя он изрядно проучил одного нашего репетитора, опрометчиво подтрунившего над его прыжками с моста и пластическими номерами. А в конце года он уже справлялся со мной так же легко, как я справлюсь, не в обиду будь сказано, с любым королевским волонтером. Так-то, вот. Потом он вступил на военную службу. Через несколько месяцев, заколов на дуэли своего капитана, дезертировал. Затем завербовался в сиротский полк Святого Луки, который направлялся в Германию. В одной из немецких деревень, задержавшись в постели любовницы, отстал от своих и опять был вынужден дезертировать. Через какое-то время маркиз де Виллар записал его на службу в свой кавалерийский гарнизон в оккупированном французами местечке Фрибур ан Брисгау. Однажды ночью он сбежал из расположения и к утру собственноручно доставил в штаб пленными четырех огромных солдат противника, обвязав их веревками, как вьючную скотину. Виллар произвел его в корнеты. Через месяц новоиспеченный корнет на дуэли заколол своего непосредственного начальника и опять дезертировал. Маркиз Виллар, однако, все равно к нему благоволил и, выждав подходящий момент, отправил его своим специальным вестовым ко двору с донесением о поражении немецкого герцога в Баден Бадене.

При дворе короля его заметил герцог анжуйский и захотел сделать своим пажом. Но тут из-за Лагардера между придворными дамами герцога началась форменная война и в конце концов герцогу пришлось отказать ему от места.

Наконец судьба улыбнулась нашему герою. Он оказался на службе в легкой кавалерии его величества Людовика XIV. Пресвятая сила! Но даже двор он вскоре вынужден был покинуть. Интересно, ради женщины, или из-за мужчины? Если ради женщины, тем лучше для нее, если из-за мужчины, то того можно только пожалеть.

Кокардас, закончив рассказ, отхлебнул большой глоток. Право же, он его заслужил. Паспуаль с благодарностью пожал ему руку. Солнце уже садилось за лесом. Карриг со своими людьми намеревался отправляться. Предстояло лишь произнести предпоследний тост за интересное знакомство и тут же последний «на посошок». Внезапно Сальданы заметил, что в ров, пытаясь остаться незамеченным, кто-то спрыгнул. Это был мальчик лет 13–14 с робкими, пожалуй, даже трусливыми, как у воришки, который опасается, что его схватят на горячем, повадками. На нем был костюм паж, но без знаков, указывающих хозяина; а вокруг талии его обвивал пояс, на котором носят почтовые сумки пешие курьеры. Сальданы успел обратить общее внимание на мальчика, пока тот еще не спрыгнул в ров.

– Черт возьми! – воскликнул Карриг. – За этой добычей мы сегодня уже гнались. И, главное, без толку. Только лошадей утомили. Он похож на одного из тех маленьких шпионов, которых часто использует венасский губернатор. Надо во что бы то ни стало его изловить.

– Согласен, – отозвался гасконец. – Но я не думаю, что этот плутишка имеет отношение к венасскому губернатору. Тут пахнет чем-то более затейливым, господин волонтер. Наверное, это добыча скорее для нашей бригады, чем для вашей, не в обиду будь сказано.

Всякий раз, употребляя эту формулировку, гасконец в глазах своих компаньонов, специалистов по рапире, неизменно набирал в свою пользу очки.

В ров можно было попасть двумя способами: двигаясь по лесной дороге и по крутой лестнице, спускавшейся у самого моста. «Охотники», разделившись на две группы, устремились за жертвой с обеих сторон. Когда бедный ребенок увидел себя окруженным, он не попытался спастись бегством, а просто с глазами полными слез стал кричать.

– Дорогие синьоры, – всхлипывал он, держа руку за пазухой. – Не убивайте меня. У меня ничего нет. У меня ничего нет.

Он видимо принял наших знакомых за убийц с большой дороги. Не кривя душой, заметим, что мальчик был не далек от истины.

– Ну – ка, не лгать! – прикрикнул на него Карриг. – Ты сегодня пробирался через холмы?

– Я, – переспросил паж. – Через холмы?

– Какой там, на хрен, через холмы? – возразил Сальдань. – Он идет, наверное, из Аржелеса напрямиком.

– Из Аржелеса? – переспросил мальчик и украдкой посмотрел на видневшееся под мостом низкое окно.

– Ах ты, крапленый туз! – сказал Кокардас. – Мы не собираемся тебя грабить. Ты только скажи правду, кому ты должен передать любовное письмо?

– Любовное письмо? – опять переспросил паж.

– Ты что, нормандец, цыпленок? – Паспуаль поднял тон. – Почему прикидываешься, что плохо понимаешь?

– Нормандец? Я?

– Придется его обыскать, – сказал Карриг.

– Ах нет, нет! Не надо! – завопил маленький паж, падая на колени. – Не обыскивайте меня, добрые синьоры.

– Как тебя звать? – спросил Кокардас.

– Беришон, – без запинки ответил мальчик.

– Кому ты служишь?

Паж молчал.

Обступившие его взрослые начали терять терпение. Сальдань схватил его за воротник и, потрясая как шарнирной марионеткой с пеной у рта выпытывал:

– Говори, кому служишь! Ну? Говори, негодяй, говори!

– Ты думаешь, нам нечем больше заниматься, кроме как тебя допрашивать? – вмешался гасконец. – Придется тебя обыскать.

Здесь с пажом случилась метаморфоза. Мгновение назад слабый плаксивый ребенок вдруг с силой рванувшись, освободился от Сальданя, (у того в руке остался лишь воротник его камзола) и в мгновение ока из-за пояса выхватил кинжал. В лучах заходящего солнца сверкнуло крошечное, как игрушка, оружие. Затем неожиданным прыжком он проскочил между Фаёнцой и Штаупицем и пустился наутек в восточный конец рва. Однако брат Паспуаль, неоднократный победитель ярмарочных состязаний по бегу на короткие расстояния, в несколько прыжков настиг и схватил беглеца за плечи. Следом подбежали остальные. Беришон отчаянно сопротивлялся. Своим игрушечным кинжалом он немного расцарапал руку Сальданю, укусил Каррига, а затем остроносыми сапожками принялся в разные стороны брыкаться. При этом больше всего ударов пришлось по ногам Штаупица. Однако, силы были слишком неравными. Через несколько секунд паж лежал ничком на земле, с ужасом ожидая обыска.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное, как будто с ясного неба ударила молния и в одно мгновение поразила его мучителей. Какая-то сила вдруг подбросила Каррига в воздух, и тот кубарем отлетел в сторону метра на 3–4. Сальдань проделал не менее причудливый пируэт и, боднув лбом земляную стену рва, затих. Глухо взвыл Штаупиц и грузно, как раненый на корриде бык, осел на дно. Кокардас, сам Кокардас Младший, проделав несложный кульбит, растянулся на земле. Это мгновенное смятение в рядах преследователей Беришона

произвел один человек. Вновь прибывшего и мальчика окружили. Но никто не посмел обнажить шпаги. В глазах образовавших кольцо людей дрожало почтительное удивление. Затем большинство, как провинившиеся школьники, опустили головы.

– Ах ты, сучий потрох, крапленый туз! – ругался, поднимаясь и потирая ушибленные места, мэтр Кокардас Младший, но, увидев лицо своего обидчика, невольно расплылся в улыбке.

– Маленький Парижанин! – прошептал Паспуаль дрожащим не то от восторга, не то от страха голосом.

Люди Каррига, не обращая внимания на тех, кто еще валялся на земле, с уважением сняли шляпы и хором приветствовали:

– Капитан Лагардер!

Глава 5. Удар Невера

Да. Перед ними собственной персоной предстал тот самый Лагардер, притча во языцех, властитель дум, покоритель сердец. Вокруг него столпились шестнадцать вооруженных человек, и ни у одного не возникло поползновения обнажить шпагу. Шестнадцать опытных бойцов сорвиголов против одного восемнадцатилетнего юноши, который взирал на них с улыбкой, скрестив руки на груди.

Будет справедливым заметить, что Кокардас и Паспуаль, незадолго до того расписывавшие и расхваливавшие своего кумира, ни в чем не погрешили перед истиной. Перед ними застыло воплощение мужской красоты, здоровья и безмерного обаяния молодости, качеств, которые невозможно приобрести ни за какие другие богатства: ни за деньги, ни за талант, помноженный на бескорыстное трудолюбие. Светло – золотистые кудри укрывали его плечи, на глазах и губах играла лучистая ироническая улыбка.

Читатель мне может возразить. Дескать, эка невидаль – молодость. Ведь на свете нет ни одного взрослого человека, который, по меньшей мере, один раз в жизни не был бы молод. Что тут особенного? В таком случае позволю себе задать вам контр вопрос. А часто ли вы встречали зрелых молодых людей, способных опровергнуть известное изречение: «Ах, если бы молодость знала, если бы старость могла!», то есть представляющих собой некую аллегорию привезенного из-заморских стран экзотического фрукта, рядом с которым на одной ветке подчас встречаешь живой цветок. Согласитесь, что куда чаще можно увидеть двадцатилетнего ребенка или двадцативосьмилетнего старца!

Так вот, изюминка обаяния Анри де Лагардера состояла как раз в удивительной гармонии зрелой мудрости и ни с чем несравнимой привлекательности пышущей здоровьем юности. Ростом немного выше среднего, он не обладал глыбообразными мышцами геркулеса, но все его тело было гибко и грациозно, как тому и подобает у настоящего парижанина. От рождения блондин, он понемногу начал темнеть. Голову его покрывали золотисто – белесые шелковистые кудри, тогда как ресницы и изящно ухоженные усики были пепельного цвета. Длинный острый, словно точеный, нос и тонкие губы безошибочно свидетельствовали о долгой аристократической родословной. Почти не исчезающая с лица живая, чуть озорная улыбка нисколько не препятствовала ему держаться с достоинством, даже некоторым высокомерием, свойственным настоящему маэстро холодного оружия. Однако труднее всего описать его лицо, с безукоризненно правильными чертами и нежной, как у девушки, кожей, светившееся безмерной добротой в часы любви и способные источать испепеляющий пламень, словно Медуза – Горгона, когда он гневался. На нем была форма гвардейца легкой кавалерии его величества. Плечи покрывала немного потертая велюровая накидка с воротником, вокруг которого неплотным узлом обвивался шелковый шарф с нашивками, означавшими ранг капитана королевской гвардии.

Произведя со своими подчиненными и наемниками Пейроля рукопашную расправу, Лагардер немного раскраснелся.

– Что у вас окончательно крыша поехала, мои любезные? – с негодованием произнес он. – Обижать ребенка!

– Капитан, – начал было что-то объяснять, поднимаясь на ноги Карриг.

– Помолчи, капрал... впрочем, нет. Скажи – ка мне, кто эти мордовороты. Только точно и коротко.

Услышав вопрос капитана, Кокардас и Паспуаль поспешили к нему приблизиться, на ходу почтительно снимая шляпы. Взглянув на подошедших, Лагардер улыбнулся.

– Вот те раз! Мои наставники по фехтованию! Какая же нелегкая занесла вас так далеко от ла рю Круа де Пти Шан? – и он протянул им руку жестом монарха, милостиво позволявшего вассалам поцеловать себе кончики пальцев, что мэтр Кокардас и брат Паспуаль с упоением и проделали. Не нужно забывать, что за время, пока нынешний капитан был их учеником, они из этой руки получили немало золотых монет.

– А остальные? Некоторые лица как-будто знакомы, – продолжал Лагардер. – Ну, скажем, ты? – он указал на Штаупица.

– В Кельне... – ответил немец, опуская глаза.

– Точно; тебе удалось мне нанести один укол в плечо.

– Из двенадцати попыток, – смущенно уточнил Штаупиц.

– А – а! Мои мадридские противники! Палец в рот не клади, – вел дальше Лагардер, указывая на Сальдана и Пинто. – У вас, когда вы напару, неплохо получается.

– О! Ваша светлость, – наперебой затараторили испанцы. – Вы наверное нас с кем-то спутали. Мы никогда не нападаем вдвоем на одного.

– Что? Вдвоем на одного? – от возмущения гасконец покраснел.

– Они хотят сказать, что с вами не встречались, – пояснил Паспуаль.

– А этот, – сказал Кокардас, указывая на Пепе Убийцу, – дал торжественную клятву в том, что обязательно с вами повстречается.

Пепе с угрюмым спокойствием выдержал взгляд Капитана. Тот не без интереса переспросил:

– Этот?

Пепе, намного шевеля губами, опустил голову.

– Что касается этих двух храбрецов, – заметил Лагардер, опять указывая на Пинто и Сальдана, – то, возможно, они в чем-то и правы, так как в Испании меня называли только по имени Анри. Тем не менее, с некоторыми из вас, господа, я наверняка уже имел удовольствие сталкиваться, – и он пальцем, словно подражая уколу рапиры, проткнул воздух, указывая на Жоэль де Жюгана. – Правда, в том бою мне пришлось действовать не рапирой, а оружием, принятым на его родине.

Жоэль де Жюган почесал свой шрам на лбу.

– Остался след; что и говорить, вы управляетесь с буковой палкой не хуже, чем со шпагой, синьор, – пробормотал он.

– Словом, тем из вас, – сказал Лагардер, – кому довелось иметь дело со мной, не повезло. Однако, здесь, сколько я заметил, ваша задача попроще, не так ли? Подойди ко мне, малыш!

Беришон охотно подчинился. Кокардас и Карриг раскрыли было рот для объяснений, но Лагардер, дав им знак молчать, обратился к мальчику.

– Ты что здесь делаешь?

– Вы – добрый, дядя, и вас я не стану обманывать, – ответил Беришон. – Я несу письмо.

– Кому?

Беришон немного замялся, снова скользнул глазами на низкое окно и наконец твердо произнес.

– Вам.

– Давай.

Вытянув из-за пояса записку, мальчик протянул ее Лагардеру, а затем, привстав на носки, шепнул ему в ухо.

– У меня есть еще другое письмо.

– Кому?

– Одной даме.

Лагардер протянул мальчику свой наполненный монетами кошелек и сказал:

– Спасибо, малыш! Теперь ступай выполнять свое дело. Никто больше тебя не тронет.

Ребенок пустился бегом и скоро скрылся за поворотом траншеи. Когда он исчез, Лагардер развернул адресованное ему письмо.

– Эй, вы, нельзя ли подальше. Я не люблю, когда в мои письма заглядывают посторонние.

Требование капитана было исполнено с завидной поспешностью.

– Прекрасно! – воскликнул Лагардер, пробежав глазами первые строчки. – Все идет, как нельзя, лучше. Для того, черт возьми, я сюда и приехал. Клянусь Небесами, этот Невер – достойный синьор!

– Невер? – в изумлении переспросили наемники.

– Что, что там говорится? – присоединились к вопросу Кокардас и Паспуаль.

Лагардер уверенным шагом направился к оставленным на лужайке столу и стульям.

– Сначала нужно промочить горло, – сказал он. – Все идет, как надо. Сейчас, если угодно, расскажу вам одну занятную историю. Садитесь – ка; мэтр Кокардас тут, а брат Паспуаль, – вот здесь. Остальные, – кто где хочет.

Гасконец и нормандец, гордые оказанной им честью, уселись по бокам своего кумира, а тот, отхлебнув большой глоток, начал свой рассказ.

– Начать придется с того, что меня выслали. Я покидаю Францию.

– Выслали? Вас! – изумился Кокардас.

– Пусть повесится тот, кто посмел это сделать! – с возмущением изрек Паспуаль.

– Но за что же?

Сорвавшийся с языка брата Паспуаля вопрос, был задан участливым тоном, но все же его нельзя не признавать нескромным. Следует с самого начала заметить, что Капитан Лагардер на дух не выносил амикошонства и потому, будто не услышав последних слов Амабля, продолжал.

– Вам знакомо имя некого Белиссена?

– Барона Белиссена?

– Покойного Белиссена, – уточнил капитан кавалерии.

– Разве он умер? – прозвучало несколько часов.

– Я его убил. Король пожаловал мне дворянство, чтобы я имел право находиться в его августейшей компании. Я ему обещал вести себя выдержанно и вежливо в среде придворных. Шесть месяцев я был тише воды ниже травы. Обо мне почти забыли. Но однажды этот наглый кабан Белиссен сыграл недостойную злую шутку с бедным провинциальным юношей кадетом, у которого еще и борода не растет и тогда...

– Знакомая история, – восхищенно констатировал Паспуаль, – поступок истинного рыцаря.

– Погоди дружок, – остановил его Кокардас.

– Я подошел к Белиссену, – продолжал Лагардер, – и так как пообещал его Величеству никогда не прибегать к бранным выражениям, удовлетворился тем, что хорошо надрал его, как провинившегося школьника, за уши. Представьте себе, это ему почему-то не понравилось.

– Еще бы!

– Само собой! – слышались выкрики знатоков подобных ситуаций.

– Он заорал на меня, подняв голос до визга. А это уже не понравилось мне. Я вызвал его на дуэль и, сделав несложный финт влево, с неожиданным выпадом нанес в незащищенный правый сектор укол... словом, проткнул его насквозь. Впрочем он уже давно того заслуживал.

– Ах, малыш, – воскликнул Паспуаль, от увлечения забыв, что рядом с ним уже давно не малыш. – Как тебе всегда удавался этот укол в выпаде с разворотом вправо!

Лагардер раскатисто захохотал. Но внезапно, резко оборвав смех, с остервенением треснул своим оловянным кубком о стол. Паспуаль побледнел, решив, что ему пришел конец.

– Вот она, справедливость! – воскликнул кавалерист, которого волновало совсем иное. – Я отсек башку кровожадному шакалу, а меня вместо того, чтобы наградить, выдворяют из страны! Каково?!

Собравшееся за столом общество выражало капитану в этом вопросе искреннее единодушное сочувствие.

Лагардер продолжал:

– В конце – концов, подчиняясь указу короля, я покидаю страну. Свет велик, и рано, или поздно я найду себе подходящую службу. Но прежде, чем перейти границу, я хочу осуществить одну свою мечту, точнее их две: одна это дружеская дуэль, вторая – любовная встреча. Лишь после этого я смогу со спокойной душой произнести «прощай» родной Франции.

Слушавшие придвинулись к капитану.

– Расскажите нам о ваших мечтах, господин шевалье, – сказал Кокардас.

Лагардер задумался и, словно меняя тему вдруг спросил:

– Скажите, мастера шпаги, – вам никогда не приходилось слышать о таинственном ударе мсье де Невера?

– А как же?

– Приходилось! – прозвучало в ответ.

– Как раз перед вашим приходом мы о нем и говорили, – пояснил Паспуаль.

– И что же именно, если не секрет?

– Единого мнения не установилось. Одни считают, что этот таинственный удар – чушь и выдумки подверженных суевериями слабонервных, другие, напротив, утверждали, что мастер шпаги мэтр Делапальм продал герцогу Неверу удар, вернее серию ударов, владея которыми, тот наверняка сможет любому противнику нанести укол в середину лба.

Лагардер пребывал в задумчивости, затем неторопливо, словно размышляя вслух, спросил.

– Вы все здесь, мастера шпаги, преподаватели фехтования, закаленные профессионалы холодного оружия. Вот любопытно, каково ваше мнение вообще о таинственных, неизученных ударах?

В ответ прозвучало единодушное мнение о том, что так называемые таинственные удары – ловушки для дураков и новичков, что любой, мало – мальский опытный мастер легко парирует любую «темную» заготовку.

– Я полагал точно так же, – сказал Лагардер, – пока не повстречался с герцогом де Невером.

– И как же теперь?

В один голос прозвучал вопрос. Оно и понятно: в течение нескольких часов этот таинственный удар де Невера не прекращал играть роль главной темы обсуждений. Удар, которым один мог легко уложить двоих или троих.

– Сейчас мой взгляд изменился, – ответил Лагардер. – В течение долгого времени этот распроклятый удар сверлил мне мозги. Он снился мне по ночам. После возвращения герцога Невера из Италии его имя сделалось едва ли не самым популярным в Париже. Отовсюду только и слышалось: «Невер, Невер, Невер! Самый красивый! Самый храбрый!»

– Все – таки после кое-кого другого, кого мы все хорошо знаем, – виртуозно исполнив «лизатто», улыбнулся Амабль Паспуаль.

Мэтр Кокардас Младший одобрительно посмотрел на своего помощника.

– Невер тут, Невер там, – продолжал Лагардер. – Кони Невера, шпаги и пистолеты Невера, его дома и уголья, его чарующий баритон, его неперемное везение в картах, его нескончаемый список любовниц и гвоздь программы, конечно же этот пресловутый таинственный удар. От всеобщих неумеренных восторгов в адрес Невера у меня уже болела голова. Однажды хозяйка, у которой я снимал комнату с пансионом, принесла мне котлеты «а ля Невер». Я выкинул их в окно и остался без ужина. Как то раз в дверях я столкнулся с сапожником, (он же и продавец обуви), который предложил мне пару ботинок по самой последней моде, – ботинки «а ля Невер». Не сдержавшись, я влепил сапожнику затрещину, за что был приговорен к десяти луидорам штрафа в пользу пострадавшего. Я швырнул деньги ему в лицо, и лукавый малый мне прогнусавил: «Однажды мсьё Невер тоже меня ударил, но он заплатил мне за это сто пистолей».

– Ну, это уж слишком! – заметил Кокардас.

Паспуаль весь покрылся испариной, так живо реагировал он на рассказ Лагардера.

– Словом, я почувствовал, что начинаю сходить с ума, – продолжал Капитан. – Нужно было, каким то образом положить этому конец. Однажды я оседлал своего вороного и поехал верхом к Лувру, где у выездных ворот, в конце концов, и дождался Невера. Когда он появился, я его окликнул по имени.

«В чем дело?», спросил он.

«Господин герцог, – ответил я, – уповая на ваше великодушие, я пришел просить вас обучить меня при свете луны вашему таинственному удару шпагой».

Он окинул меня с головы до ног, видимо предполагая во мне простолюдина, и все же спросил: «Кто вы?»

«Шевалье Анри де Лагардер, – ответил я. – Милостью его Величества гвардеец его легкой кавалерии, в прошлом корнет, затем лейтенант в гарнизоне Конси, потом капитан наваррского полка, отовсюду уволенный за нарушения устава».

«А – а! – перебил меня он, слезая с лошади. – Так вы и есть тот самый Лагардер Красавец? Как же, как же? Наслышан. Не скрою, многие из ваших приключений вызывают у меня если и не зависть, то по – крайней мере сочувствие».

Мы бок о бок прошли несколько шагов к церкви Сэн Жермэн ль'Аукзеруа.

«Если вы не считаете, меня достаточно благородным, – начал было я, – чтобы обнажать передо мной шпагу...»

Он бы превосходен, просто превосходен. Вместо ответа он направил свою шпагу мне прямо в лоб с такой точностью и стремительностью, что не отскочи я вовремя, быть бы мне уже на том свете.

«Вот мой удар», – сказал он.

Поблагодарив его от всей души, «И еще разок, если можно», – попросил я.

«К вашим услугам!»

Дьявол! На этот раз он успел меня немного кольнуть в лоб. Я был задет. Надо же, – не смотря на то, что ожидал удара и был готов в любой момент его парировать, или отпрыгнуть самому.

Мастера шпаги слушали Лагардера, раскрыв рот. Удар Невера начинал приобретать какой-то сверхъестественный ореол.

– Что же, так таки ничего нельзя было заметить в его движениях, чтобы во – время отреагировать? – осторожного поинтересовался Кокардас.

– Конечно же, можно. Я прекрасно видел его кистевой финт, но не успевал парировать полувыпад. Он стремителен, как молния.

– Чем же все закончилось?

– К сожалению, ничем. Разве стражи порядка позволяют благородным людям с удовольствием провести время в мирной, хотя и связанной с холодным оружием, беседе. Короче, нагрянул ночной патруль, и мы вынуждены были расстаться, пообещав друг другу как-нибудь встретиться еще, чтобы я мог отквитаться.

– Но пресвятая сила! – сказал Кокардас. – Он опять вас достанет своим уколом.

– Посмотрим, – ответил Лагардер.

– Вам удалось раскрыть секрет?

– Я его проработал в голове, так сказать, теоретически в тиши кабинета.

– И что же?

– В общем, все просто. Но нужно знать.

Мастера шпаги шумно дышали, опасаясь пропустить хоть одно слово.

Кокардас поднялся.

– Господин шевадье, – сказал он. – Если вы еще не забыли о скромных уроках, которые я имел удовольствие вам преподавать, не откажите в моей просьбе.

Рука Лагардера инстинктивно потянулась к рукоятке своего клинка. Брат Паспуаль поспешил с почтением пояснить:

– Нет, нет, капитан. Мэтр Кокардас имеет в виду другое.

– Ну, ну, – сказал Лагардер. – Не забыл. Говори же. Я слушаю.

– Я хотел бы, – сказал Кокардас, – чтобы вы обучили меня удару Невера.

Лагардер вслед за Кокардасом поднялся с табуретки.

– Все просто, старина Кокардас, – сказал он. – Конечно, ты как профессионал обязан это знать.

Оба стали наизготовку. Волонтеры и мастера шпаги окружили обнажившую клинки пару. Последние глядели во все глаза.

– Черт возьми! – произнес Лагардер, прикоснувшись своим клинком к клинку мэтра. – Какой же ты стал вялый. Внимание, прямой укол отводишь по третьей позиции. Так, хорошо. Теперь тот же удар парируй вниз. Вниз, я говорю, а не в право. Так! Так! Еще раз. Ну вот, это уже на что-то похоже. Хорошо. А теперь смотри, наношу прямой укол, парируешь вниз, я, не отступая назад и не меняя положения предплечья, подаю корпус вперед и одной кистью быстро поднимаю шпагу. Из твоей позиции удара не отбить, так как твой клинок сейчас просто скользит, по-моему. Понял? Видишь, кончик моей рапиры в сантиметре от твоего лба. Я не довожу удара до конца, чтобы тебя не ранить.

– Крапленный туз! – воскликнул Кокардас. – Несколько «свечей» за одну секунд! А как же парировать?

– Да, да, как парировать? – поддержали остальные.

– Это совсем просто. Для того, чтобы нанести кистевой удар, мне необходимо хотя бы на полшага приблизиться. Твоя задача – не упустить это мгновение, и только моя нога вперед, ты перехлестом переводишь свою шпагу во вторую снизу и снизу же подсекаешь мой клинок, так, что он, в конце концов, станет в положение приветствия, вертикально перекрыв мое лицо.

Ну – ка, попробуй!

Прямой! Отбил вправо!

Прямой! Отбил влево!

Прямой! Отбил вниз. Мой полувыпад! Подхлест по второй! Парируешь вперед! Так. Так. Молодец, старина. Ты сейчас едва не достал меня моей же шпагой.

Кокардас, раскрасневшийся, но счастливый, утирал со лба пот.

– Ну а вы то все, что-нибудь поняли? – сказал он опускаясь на табуретку и тяжело дыша. Все поспешили утвердительно качнуть головой.

– Да, этот урок может пригодится, – произнес довольный Кокардас.

– Он обязательно пригодится, – поправил его Лагардер, наливая себе вина.

Он отхлебнул несколько маленьких глотков и развернул письмо. Все напряженно за ним следили.

– Я уже упоминал, – сказал Лагардер, – что мсьё де Невер обещал мне встречу для моего реванша.

– Да. Но...

– Надо обязательно покончить с этим делом, прежде, чем я отправлюсь в изгнание. Я написал мсьё де Неверу о том что знаю, что он сейчас живет в своем замке в Бреане. Записка, которую я держу, – мне ответ от мсьё де Невера.

Среди наемников пробежал говорок удивления.

– Он бесподобен, этот благородный герцог. Просто бесподобен. После того, как расквитаюсь за полученный укол я готов с ним побрататься. Вот пример истинного великодушия. Он принял все мои предложения: час встречи, место...

– И в котором же часу? – поинтересовался встревоженный Кокардас.

– С наступлением темноты.

– Сегодня?

– Сегодня.

– А где?

– Во рвах, окружающих замок Келюса.

Наступила тишина.

Кокардас ухитрился незаметно для Лагардера показать своим соратникам прижатый к губам палец: «молчок, мол».

– Почему именно это место? – продолжал допытываться Кокардас.

– О – о, это уже совсем другая история, – с улыбкой ответил Лагардер. – Для того, чтобы как-то скоротать время перед уходом за границу, я возглавил здесь в Лурронской долине бригаду королевских волонтеров, созданную для обезвреживания испанских контрабандистов. За два месяца, что здесь нахожусь, я узнал о причудах старого маркиза де Келюса, который норовит запереть под замком всех женщин на свете. В особенности своих близких родственниц. Недаром его прозвали Келюс Засов. Пару недель назад на празднике в Тарбе я случайно увидел его дочь Аврору. Даю слово, она удивительно прекрасна! После того, как пообщаюсь с мсьё де Невером, я бы хотел немного утешить эту очаровательную затворницу.

– У вас есть ключ к воротам, капитан? – спросил Карриг, указывая на замок.

– Мне приходилось брать приступом не одну крепость! – ответил парижанин. – Через дверь, через окно, через дымоход, наконец. Не знаю, как, но пройду.

Солнце уж скрылось за густым лесом Энса. Настали сумерки. В нижних окнах замка кое-где зажглись огни. Внутри рва промелькнула тень. Это был маленький паж Берিশон, несомненно, исполнивший свое поручение. Он издали благодарно помахал рукой своему спасителю Лагардеру и пустился бегом по дороге в лес.

– Ну – с, веселые ребята, – обратился к компании шевалье. – Почему же вы не смеетесь, или вам не кажется предстоящее мне приключение забавным?

– Если честно, – ответил брат Паспуаль, – то чересчур забавным!

– Позвольте еще один вопрос, капитан, – серьезно произнес Кокардас. – В вашем письме Неверу вы как-нибудь упоминали о мадемуазель де Келюс?

– Черт возьми! Я ему все рассказал, как есть. По правде говоря, мне бы хотелось, чтобы встреча с Невером в глазах всякого рода сплетников послужила причиной моего пребывания в окрестностях замка Келюса.

Мастера шпаги многозначительно переглянулись. Это не ускользнуло от внимания капитана.

– Что еще за игры в переглядку? – спросил парижанин.

– Мы обдумываем положение, – ответил Паспуаль. – Что ни говори, хорошо что мы оказались в этом трактире. Так как можем оказать вам услугу.

– Какую еще услугу? – пожал плечами капитан.

– Брат Паспуаль говорит дело, господин шевалье, – поддержал приятеля Кокардас. – В предстоящем сражении вы можете рассчитывать на нашу поддержку.

Лагардер разразился веселым смехом, настолько нелепой показалась ему сама мысль о такой поддержке.

– Вы перестанете смеяться, капитан, – весело произнес гасконец, – когда я вам расскажу одну новость.

– Какую еще новость?

– На встречу с вами Невер прибудет не один.

– Что за чушь? С чего это вдруг?

– Потому что после того, что вы ему написали в письме, ваша встреча не закончится мирно, как в прошлый раз. Сегодня один из вас должен умереть. Невер – законный муж мадемуазель де Келюс.

Кокардас Младший ошибся, когда предположил, что узнав это, Лагардер перестанет смеяться. Тот расхохотался так, что ему пришлось придерживать себя за ребра, словно опасался что лопнет от смеха.

– Прекрасно! – восклицал он сквозь смех. – Тайное венчание. Роман в испанском духе. Разве можно придумать что-нибудь лучшее под занавес?

– Нет, просто уму непостижимо, каких замечательных людей у нас высылают из страны! – проникновенно прошептал брат Паспуаль.

Глава 6. Низкое окно

Надвигалась ночь. Громадина замка Келюса причудливо вырисовывалась на фоне быстро темневшего неба.

– Право же, шевалье, – обратился Кокардас к Лагардеру, когда тот встав со стула подтягивал свой ремень, – ради всего святого, отбросьте ложную гордость и примите нашу поддержку в предстоящем неравном бою.

Лагардер подернул плечами. А Паспуаль мягко прикоснувшись к плечу капитана, пробормотал:

– Может, я смогу быть чем-то для вас полезным, когда... когда вы попытаетесь проникнуть к мадемуазель де Келюс.

Сформулировав эту идею, Паспуаль сверх меры покраснел. Кто-то из греческих философов утверждал, что способность краснеть свидетельствует о высокой нравственности. Амабль Паспуаль несомненно представлял исключение из правила т. к. часто краснел в то время, как его нравственность была, мягко говоря, далека от совершенства.

– Черт возьми, приятели, – повысил голос Лагардер. – У меня есть привычка решать мои проблемы самостоятельно. Разве не ясно?

Вошла служанка.

– По последнему бокалу, и сматывайтесь, куда подальше. Это будет ваша лучшая мне помощь.

Волонтеры отправились к лошадям. Наемники оставались на местах. Кокардас отвел Лагардера в сторону.

– Я, как верный пес, готов положить за вас свою жизнь, шевалье, – дрожащим голосом произнес он, – но...

– Что такое?

– У каждого свое дело, понимаете? Словом мы не можем отсюда уйти.

– Это еще почему?

– Потому, что мы тоже кое-кого здесь ждем.

– Вот как? Кого же?

– Видите ли... так случилось... так совпало... в общем... ах ты, крапленый туз! В общем, мы ждем Филиппа де Невера.

Парижанин вздрогнул.

– Ах, вот оно что? Зачем же вы его ждете?

– По поручению одной сиятельной особы мы...

Кокардас не закончил фразу. Лагардер, словно тискаами, сжал ему руку.

– Засада? – с негодованием воскликнул шевалье.

– Позвольте пояснить... – начал брат Паспуаль.

– Вот что, каналы, – перебил капитан, – если по вашей вине с головы Невера упадет хотя бы волос, вы будете иметь дело со мной. Если ему суждено умереть, то от моей шпаги в честном поединке.

Лагардер выпрямился во весь рост. Когда он волновался, голос его не дрожал, как у большинства, а просто сильнее отдавал в нос. Наемники стояли в нерешительности.

– Значит, вот для чего понадобился вам удар Невера! А я, как осел... Карриг!

Капрал и его люди, держа за поводья нагруженных лошадей, подошли к капитану.

– Позор, – заключил шевалье. – Позор для нас всех, что мы выпивали с этими негодьями.

– Вы – слишком суровы, шевалье, – тяжело вздохнул Паспуаль, и на его глаза навернулись слезы. Кокардас Младший клял себя всеми мыслимыми и немыслимыми ругательствами, которые только могли родиться в плодородных землях Гасконии и Прованса.

– А сейчас по коням и в галоп! – скомандовал капитан. – Я здесь сам во всем разберусь.

Волонтеры, уже успевшие почувствовать на собственной шкуре клинки мастеров шпаги, последний приказ своего командира исполнили с удивительной расторопностью.

– А вы, – обратился Лагардер к остальным, – сейчас же убирайтесь! Иначе, клянусь Создателем, я преподам вам, еще один урок фехтования... он будет для вас последним! – и Лагардер обнажил шпагу.

Отступая, Кокардас и Паспуаль увлекали за собой наемников, опасаясь, что тем вдруг придет безумная мысль не подчиниться.

– Нам нет нужды огорчаться, – тихо рассуждал вслух Паспуаль. – Чем плохо, если вместо нас нашу работу исполнит он.

Во всей Нормандии не было человека, владеющего логикой лучше, чем брат Паспуаль.

– Черт с ним, пошли отсюда! – прозвучало несколько голосов, в то время, когда потерявший терпение шевалье начал со свистом кромсать шпагой вокруг себя воздух.

– Видит Бог, – оправдался напоследок Кокардас. – Мы не испугались, а просто оставляем вас вместо себя.

– Чтобы доставить вам удовольствие, – присовокупил Паспуаль. – С Богом!

– Проваливай к черту! – ответил парижанин и повернулся спиной.

Фуражиры ускакали, наемники исчезли за окружавшим трактир забором. Все забыли заплатить за вином. Лишь Амабль Паспуаль на ходу вlepил косоглазой девице смачный поцелуй, когда та ему напомнила о деньгах. За всех пришлось расплачиваться Лагардеру. Вручив ей несколько золотых монет, он сказал.

– Теперь плотно закрой снаружи ставни, ступай в дом, зашторь окна, закрой двери на засов ему все, кто здесь живут, пусть пораньше лягут спать. Запомни: что бы сегодня ночью около замка не происходило, вы ничего не видели, не слышали и не знаете.

Косоглазая закрыла ставни и, уйдя в дом, заперлась на все задвижки. Наступила непроглядная безлунная беззвездная ночь.

Лишь тусклый коптящий огонек дрожал в стеклянном светильнике, установленном в нише у ног статуи Пречистой Девы. Ниша находилось в стене замка, куда почти вплотную выводил дощатый мост. Свет был настолько слабым, что едва покрывал пространство диаметром шагов в 10. В ров под мостом лучи не попадали совершенно. Лагардер остался один. Топот лошадей волонтеров утих вдаль. Лурронская долина утонула в темноте и тишине. Только несколько красноватых огоньков теплились кое-где, указывая на одинокие хижины пахарей или пастухов. Отдаленный звон колокольчиков подвешенных на шее коров, смешиваясь с журчанием горного потока Арау, впадавшего у подножья лё Ашаза в Кларабиду, тянул свою унылую, дрожащую на ветру песню.

– Восьмером против одного! – возмущенно повторял молодой парижанин, выходя на ведущую ко рву дорогу. – Форменное убийство! Вот негодяи, они позорят шпагу.

В темноте он наткнулся на в спешке оброненный фуражирами сноп.

– Господи! – внезапно его охватило новое опасение. Отряхивая плащ, он размышлял: Мальчишка, разумеется, предупредит Невера, что здесь засела банда, и тот просто не придет. Значит наша с ним встреча не состоится. Встреча, которую я последнее время с таким нетерпением ждал. Черт возьми, если герцог сегодня не появится, то завтра на этой земле восьмью мерзавцами станет меньше, клянусь честью!

Он спустился в траншею под мост. Его глаза начинали привыкать к темноте, и он кое-что уже мог различить. Недавно загроможденное сеном пространство после налета фуражиров было расчищено и показалось Лагардеру вполне подходящей площадкой для встречи на шпагах. Однако, кроме предстоящей дуэли мысли шевалье были направлены на решение другой важной задачи: во что бы то ни стало проникнуть в неприступную цитадель в замок Келюса Засова. Так он был устроен, этот шевалье де Лагардер. Если уж что надумал, то не успокоится, пока не достигнет цели. Толстые стены, замки и запоры, вооруженные охранники ему нипочем, точнее, они исполняют лишь роль дополнительной приманки, без которой исчезает риск, главная изюминка любой авантюры.

– Так. Осмотрим местность, – почти весело произнес Лагардер. – Конечно, герцог, если он отважится появиться, будет не на шутку разъярен. Но бой придется вести наугад. Ни черта не видно.

Что же делать? Подожду еще полчаса. Если он не придет, попробую проникнуть в замок. Но как? Что, если начать с дымохода? Для этого нужно взобраться на крышу. Чтобы на нее влезть по стене, помогая себе лишь кинжалом, потратишь не один час. Впрочем, если хорошо поднапрячься, можно справиться быстрые.

Лагардер принялся ощупывать под мостом часть стены.

– Ух ты! Окно! – воскликнул он. – Значит, если останусь в живых после встречи с Невером, сегодня же повидаюсь с гордой красавицей. Что же я ей скажу? Что скажу?.. Представляю, как она гневно сверкнет прекрасными черными очами, как с негодованием сдвинет брови...

Шевалье с восторгом предвкушения потер руки.

– Т-с-с! – приказал он сам себе. – Как будто ша... Неужели Невер? Ну и молодчина!

Лагардер напряженно вслушивался. К нему по верхней кромке рва приближались шаги двоих человек, судя по звону шпор, аристократов.

– Неужели мэтр Кокардас был прав, сказав, что мсьё герцог прибудет не один?

Шаги стихли. У ниши в стене над мостом тусклый светильник выхватил из темноты две покрытые плащом мужские фигуры. Мужчины напрягли зрение, буравя взглядом темноту на дне рва.

– Никого не видно, – тихо произнес первый.

– Нет, кто-то есть, вон там, около окна, – ответил его спутник, и чуть наклонившись, осторожно окликнул:

– Кокардас?

Лагардер не шевелился.

– Фаёнца? – опять позвал второй. – Это я, – мсьё де Пейроль!

– Где то я уже слышал имя этого типа, – подумал Лагардер.

Пейроль позвал в третий раз.

– Паспуаль? Штаупиц?

– А может, кто-нибудь чужой? – пробормотал первый.

– Исключено, – отозвался Пейроль. – Это я приказал, поставить здесь часового. Черт, как темно. Наверное, это Сальданы. Сальданы?

– Я! – отозвался Лагардер басом, тут же взвившимся на тирольский фальцет, которым, произнося односложные фразы, постоянно пользуются испанцы.

– Вот видите? – обрадовался Пейроль. – Я же знаю. Спустимся по лестнице... так... сюда... осторожно, первая ступенька.

– Черт возьми, – подумал Лагардер. – Кажется, я влип в какую-то незапланированную авантюру.

Двое стали спускаться в ров. Спутник Пейроля был плотно укутан плащом. Он обладал прекрасными сложением и осанкой и, не смотря на то, что говорил мало и тихо, Лагардер в его речи заметил изящную итальянскую напевность.

– Говорите потише, пожалуйста, – сказал он Пейролю, осторожно передвигая ноги по ступенькам узкой крутой лестницы.

– Нет нужды, монсиньор, – ответил тот.

– Ясно. Значит один из них монсиньор, – подумал Лагардер.

– Нет нужды, – продолжал пояснять фактотум. – Этим канальям известно имя человека, который им платит.

– Ценная информация, – заметил себе парижанин.

– Как я ни пытался им втолковать, что заказчик – старый маркиз, они этому не поверили.

– А вот это уже бесценная информация, – подумал Лагардер. – Ясно, что эти двое – отъявленные негодяи.

– Ты заходил в церковь? – спросил тот, кого называли «монсиньор».

– Я опоздал, – удрученно ответил Пейроль.

Хозяин гневно топнул ногой.

– Бестолочь! – крикнул он.

– Я сделал все, что в моих силах, монсиньор: отыскал регистрационную книгу, где отец Бернар записал бракосочетание мадемуазель де Келюс с мсьё де Невером, а так же рождение их дочери.

– Ну, и...?

– Страницы вырваны.

Лагардер весь превратился в слух.

– Они успели раньше нас, – прорычал хозяин. – Но кто именно? Аврора? Конечно Аврора. Она надеется сегодня ночью встретиться с Невером. Она хочет передать ей ребенка вместе с подтверждающими его рождение документами. Мадам Марта мне этого не могла сказать, так как сама не знала. Я это вычислил.

– Не все ли равно? – сказал Пейроль. – В любом случае мы в порядке. Если Невер умрет...

– Если Невер умрет, – перебил хозяин, – наследство по закону переходит к ребенку.

Они замолчали.

Лагардер затаил дыхание.

– Ребенок... – шепотом начал Пейроль.

– Ребенок исчез, – перебил монсиньор, – я отдал бы многое, чтобы избежать крайней меры. Но, если придется, я не остановлюсь даже перед этим. А что за тип этот твой Сальданы?

– Совершенный негодяй.

– Но можно ли ему довериться.

– Если хорошо заплатить, то вполне.

Хозяин задумался.

– Я бы предпочел, – сказал он, – в это дело вообще никого не посвящать. Но ни ты ни я не похожи на Невера.

– Да. Вы слишком высокий, а я чересчур худой, – согласился Пейроль.

– Темно, хоть глаз выколи, – продолжал хозяин. – А этот Сальдань, как будто, смахивает фигурой на Невера. Позови – ка его.

– Сальдань! – окликнул Пейроль.

– Я, – во второй отозвался Лагардер.

– Подойди!

Лагардер приблизился; воротник его накидки был поднят, а глубоко натянутая шляпа закрывала лицо.

– Хочешь заработать пятьдесят пистолей, сверх того, что уже получил? – спросил хозяин.

– Пятьдесят пистолей? А что нужно сделать?

Отвечая парижанин во все глаза всматривался, пытаясь различить черты своего собеседника; но напрасно, тот был так же хорошо задрапирован, как он сам.

– Как тебе он? – тихо совещался по поводу Сальданя монсеньор с Пейролем.

– По-моему, хочет, – ответил тот.

– Ну что, рискнем?

– Думаю, стоит. Но у герцога есть пароль.

– Мадам Марта мне его назвала. Это девиз Неверов.

– «Adsum»? – спросил Пейроль.

– Он обычно произносит его по – французски «Я здесь».

– Я здесь! – помимо воли повторил Лагардер.

– Ты произнесешь эти слова перед окном, – наставлял монсеньор, – ставни откроются изнутри, в комнате у окна появится женщина, она с тобой заговорит, но ты не произноси ни слова, а лишь прижми палец к губам. Понял?

– Дать ей знать, что за мной следят? Да. Понимаю.

– Он явно не глуп, этот паренёк, – прервав инструктаж, заметил хозяин, и тут же продолжил. – Женщина тебе вручит сверток, ты, молча его возьмешь и потом передашь мне...

– И вы мне отсчитаете 50 пистолей?

– Да.

– Я согласен.

– Т-с! – Пейроль приложил палец к губам. Все трое прислушались. В отдалении послышался какой-то шум.

– Расходимся! – сказал хозяин. – Где твои соратники?

Лагардер, не колеблясь, указал вдаль траншеи, туда, где ров за мостом изгибался в сторону лё Ашаза.

– Там, они спрятались в снопах.

– Хорошо. Пароль не забыл?

– «Я здесь».

– Действуй. Желаю удачи. До встречи!

– До встречи!

Пей роль со своим шефом поднимались по лестнице. Лагардер, проводив их взглядом, отер рукавом со лба обильный пот.

– Господь в день Страшного Суда взыщет с меня за то, что я сейчас не проткнул шпагой этих негодяев. Но, как говорится, попал в стаю, лай не лай, хвостом виляй. Нужно играть до конца. По крайней мере, все узнаю.

Обхватив руками голову, он лихорадочно пытался навести порядок в мыслях. Ничуть не погреша перед истиной, заметим, что теперь он совершенно не думал ни о своей встрече с Невером, ни о недавно волновавшей его идее проникнуть в замок ради любовного приключения.

– Так, что же делать? Взять девочку? Конечно, в свертке будет ребенок. А потом что? Кому ее доверить? В этих краях я не знаком ни с кем, кроме Каррига с его волонтерами. Да уж, не лучшие гувернантки для столь юной мадемуазель. Все равно, ребенка надо взять. Обязательно надо. Иначе эти ублюдки убьют девочку, как намереваются поступить и с ее отцом. Господи! Зачем я сюда пришел?

В страшном волнении он расхаживал широкими шагами между снопами. Остановился перед низким окном, пытаясь понять, не открыты ли ставни. Ничего не разглядел, но услышал донесшийся из помещения шорох. Это отодвинулась поставленная на шарниры охранявшая окно изнутри решетка.

– Adsum? – раздался дрожащий от волнения голос молодой женщины. Лагардер ногой отшвырнул мешавший ему сноп и, в один прыжок приблизившись к окну, тихо произнес:

– Я здесь!

– Слава тебе, Господи! – ответила женщина и со скрипом отворила управляемые изнутри посаженные на толстые поржавевшие от времени стержни дубовые ставни. Была темная ночь. Но глаза парижанина давно приспособились к темноте. В выглянувшей в окно женщине он без труда узнал Аврору де Келюс, как всегда прекрасную, но теперь дрожащую от тревоги. Если бы кто-нибудь отважился сказать, что в это мгновение Лагардер еще помышлял о том, чтобы ради любовного приключения проникнуть в замок, он был бы не прав. Ох, как не прав. У низкого окна стоял суровый решительный и вместе с тем мудрый человек. Может быть, именно сейчас в душе разудалого шевалье зарождался истинный рыцарь. Аврора тщетно пыталась что-нибудь разглядеть.

– Ничего не вижу, – сказала она. – Филипп, ты где?

Лагардер протянул ей через окно руку, которую она жадно прижала к груди. Лагардер не мог сдержать дрожи. Он почувствовал, как к его горлу подкатил комок.

– Филипп, Филипп, – произнесла бедная женщина, – тебя никто не заметил? Нас предали. Нас предали. Кругом измена.

– Держитесь, держитесь, мадам, – пробормотал парижанин.

– Господи, что это со мной? Уже, наверное, схожу с ума. Я не узнаю твоего голоса.

В одной руке она держала сверток, а другой, помогая себе собраться с мыслями, потирала лоб.

– Я так много хотела тебе сказать, а теперь не знаю, с чего начать.

– У нас нет времени, – тихо произнес Лагардер, чувствуя неловкость от того, что ему возможно придется узнать тайны чужой личной жизни. – Нужно торопиться, мадам.

– Отчего вдруг такой холодный тон? «Мадам»? Почему ты не говоришь как всегда, «Аврора»? Ты на меня за что-то сердишься?

– Нужно спешить, Аврора, нужно спешить.

– Понимаю, Филипп, любимый мой. Я всегда тебе подчиняюсь. Если ты так говоришь, значит это нужно. Вот наша милая крошка; возьми ее. Со мной ей оставаться опасно. Там есть записка. Из нее все поймешь. Какой ужас! Вокруг нас грязный заговор.

И она протянула через окно завернутого в просторную шелковую мантилью мирно спящего ребенка. Лагардер молча его принял.

– Когда еще я смогу поцеловать мою девочку? – женщина захлебывалась слезами. – Увижу ли ее когда-нибудь снова?

Лагардер почувствовал в руке еще какой-то бумажный пакет. Он боялся говорить. Бумаги находились в конверте с печатью приходской церкви Келюсов.

В этот момент откуда-то из долины прозвучал поданный в рог горного козла долгий и печальный сигнал.

– Это должно быть какой-то условный знак наших врагов, – воскликнула мадемуазель де Келюс. – Спасайся, Филипп, спасайся!

– Прощай, – сказал Лагардер, играя свою роль до конца, чтобы не разбить сердце молодой матери.

– Ничего не бойся, Аврора, твой ребенок в безопасности.

Она прижала к губам его руку и горячо поцеловала.

– Я люблю тебя! – произнесла она сквозь рыдания и, закрыв скрипучие ставни, исчезла.

Глава 7. Двое против двадцати

Это действительно был сигнал. На дороге из Аржелеса по маршруту, которым предстояло следовать герцогу де Неверу, спешившему к замку Калеса, куда его умоляла в письме приехать молодая жена, и куда недвусмысленно вызывал шевалье де Лагардер, были расставлены три дозорных с пастушьими рожками. Первому постовому надлежало затрубить, когда Невер переберется через Кларабиду, второму, когда он въедет в лес, и третьему, – когда Невер окажется на окраине деревни Таррид. На этом пути попадалось достаточно глухих безлюдных мест, где было нетрудно совершить убийство. Но Филипп Гонзаго избегал открытого нападения. Задуманное им злодеяние требовалось хорошо замаскировать. Убийство Невера должно было выглядеть мстью, так или иначе приписанною Келюсу Засову.

Но вернемся к нашему Лагардеру Красавцу, неисправимому забияке, первому клинку Франции и Навары со спокойно спящим на его руках двухгодовалым ребенком. Неожиданно свалившаяся на него роль няни казалась ему необычайно трудной, можете в том не сомневаться. Великолепно натренированный атлет, сейчас он потел, пыхтел и напрягался не меньше, чем приходской нотариус, если бы тому довелось взять в руки шпагу. Он укачивал ее неумелыми непривычному к такому делу руками. Ничто на свете его сейчас не волновало. Только бы не разбудить малышку.

– Баю – бай, – едва слышно бормотал он, улыбаясь сквозь набегавшие слезы, и то и дело опуская голову, чтобы ненароком не споткнуться и тем не потревожить спящую.

– Хорошо, – думал он, – если бы сейчас у меня в каждой руке было по ватной подушке.

Прозвучала жалобная нота второго более близкого сигнала рожка.

– Какого черта они дудят?

Лагардер опять перевел взгляд на маленькую Аврору. В темноте он плохо различал черты ангелочка, но чувствовал и слышал его дыхание, нежное и чистое, как весенний ветерок.

– Какой счастливый, какой безмятежный у ребенка сон. Его мать сейчас заливается слезами, а отец... О – о! Нет. Это в корне меняет дело. Дуэли не будет!

Лагардеру доверена судьба маленького существа. Несколько минут назад бесшабашный искатель приключений теперь стал другим человеком. В его сознании отчетливо прозвучала простая мысль:

– Я ведь никогда в жизни не держал на руках ребенка!

В это мгновение за околлицей Таррида пропел третий рожок. Снова вздрогнув, Лагардер словно очнулся от грез, в которых он представлял себя отцом. За трактиром «Адамово яблоко» послышались быстрые шаги. Их нельзя было спутать с походкой некоторое время назад пивших здесь вино солдафонов. При первых же их звуках Лагардер понял:

– Это он.

Невер видимо оставил своего коня на опушке леса.

Через какую-то минуту Лагардер успев догадаться, что сигналы в долине, в лесу и за деревней подавались по поводу Невера, увидел, как тот прошел перед лампадой, освещавшей

статую Пречистой Девы. На мгновение мерцающий огонек выхватил из темноты погруженное в раздумье лицо молодого аристократа, потом мелькнул неясный силуэт его высокой осанистой фигуры, – мелькнул и исчез. Невер спуускался по ступенькам узкой крутой лестницы в траншею. Достигнув дна, он со звоном выдернул из ножен шпагу и пробормотал.

– Пара горящих факелов не помешала бы.

И двинулся вперед на ощупь, спотыкаясь о разбросанные там и сям снопы сена.

– Этому шевалье, видно, вздумалось поиграть со мной в жмурки! Эй! Есть тут кто-нибудь?

– Есть. Это я, Лагардер, – отозвался парижанин, – и, слава Богу, что здесь нет никого другого.

Невер, словно не расслышав второй половины фразы, устремился на голос.

– За дело, шевалье, – воскликнул он. – Протяните ко мне кончик шпаги, чтоб я понял, где вы есть. Разговор у нас будет короткий.

Левая рука парижанина по – прежнему исполняла роль колыбели, где мирно посапывала малышка.

– Но прежде мне необходимо вам сказать, мсьё герцог... – начал он.

– Никаких разговоров, – перебил Невер, – после того пояснения, что я получил от вас сегодня утром, быть не может. Так. Вот я вас уже чуть – чуть вижу. К бою!

Лагардер не собирался драться. Его шпага, которая обычно в мгновение ока взлетала в воздух, сейчас так же, как и ангелочек в его левой руке, тихо дремала в своих ножнах.

– Отправляя утром вам письмо, я не знал того, что мне стало известно вечером.

– Как же, понимаю, – с насмешкой ответил молодой герцог. – Нам не по нраву вести бой в темноте, не так ли? – и он сделал шаг вперед с поднятой шпагой. Лагардеру волей неволей пришлось отскочить назад и обнажить оружие.

– Только выслушайте!

– Чтобы вы снова оскорбляли мадемуазель де Келюс? – голос герцога дрожал от гнева.

– Нет же, нет. Клянусь. Я должен вам сказать. Ах ты дьявол! – Он прервал сам себя отбивая первую атаку Невера. – Осторожнее же!

Услышав эти слова и решив, что шевалье над ним потешается, разъяренный Невер со всем пылом ринулся на противника и стал ему наносить удар за ударом с той ловкостью, которая успела прославить клинок герцога во всей Франции. Парижанин, впечатав ноги в землю, искусно отбивая все атаки, но не переходил в контрнаступление. Немного спустя шевалье все – таки пришлось отступить; при этом, парируя удары Невера: отбивая его шпагу то вправо, то влево, с каждым звоном клинков он неустанно повторял:

– Послушайте же! Послушайте! Послушайте!

– Нет! Нет! Нет!

Отвечал Невер и каждое свое слово сопровождал новой стремительной эстокадой. Вынужденный отступить, парижанин оказался прижатым спиной к стене. В его висках и ушах неистово пульсировала кровь. Еще бы! Столько времени только лишь отбиваться и ни разу не позволить себе нанести нападающий удар. Это истинный героизм.

– Выслушайте же! – прокричал он в последний раз.

– Нет! – был ответ Невера.

– Вы же видите, что мне больше некуда отступить! – воззвал к противнику Лагардер с отчаянием, которое могло показаться комичным.

– Тем лучше! – неумолимо стоял на своем Невер.

– Черт вас подери! – от безрезультатных увещаний голос шевалье охрип, терпение иссякло. – Неужели вам нужно обязательно раскроить череп, чтобы вы не убили собственного ребенка?!

Невер застыл, словно пораженный молнией. Его шпага упала на землю.

– Что? Что вы сказали? Мой ребенок? У вас на руках моя дочь?

Лагардер поверх укутавшей дитя пелерины обернул еще полу своего плаща. Весь этот бесценный сверток Невер принял за обыкновенный тряпичный щит, (прием, которым в боевых схватках пользуются многие мастера шпаги). Он вспомнил о страшных ударах, с которыми только что бросался на шевалье, и его кровь застыла в жилах от ужаса, который мог бы произойти, благодаря его же, (Невера), клинку.

– Шевалье, – произнес он, наконец. – Вы безумец. Как я и многие другие. Честь и мужество порой лишают нас рассудка. Если бы кто-то мне сказал, что вы продались маркизу де Келюсу, я бы не поверил.

– Очень признателен, – ответил парижанин, дыша как лошадь, только что завоевавшая первый приз на скачках. – Какой град ударов! Вы просто мельница для серийного производства блистательных фехтовальных эстокад, мсье герцог!

– Дайте мне мою дочь.

Невер хотел сам развернуть окутавший дитя плащ Лагардера. Но тот, аккуратно отстраняя его руку, сказал:

– Осторожно! Иначе вы ее разбудите.

– Говорите же, расскажите, наконец, как все произошло, как у вас оказался мой ребенок.

– Надо же? Только что вы не давали мне и слова сказать, а теперь, вижу, готовы меня слушать сколько угодно. Сейчас, сейчас разверну. Так, молодой отец, берите ее. Аккуратно, аккуратно. Двумя руками. Теперь можете ее поцеловать. Только очень осторожно.

Невер, как замороженный беспрекословно следовал советам Лагардера.

– Приходилось вам когда-нибудь в фехтовальном зале наблюдать подобный поединок? – как-то совсем по – ребячески хвалился Лагардер. – Отразить атаку самого Невера, разгневанного Невера, ухитриться не нанести ни одного ответного удара и при этом укачивать младенца, который во время боя даже не проснулся!

– Прошу вас, ради всего святого! – с мольбой произнес герцог.

– Но согласитесь хотя бы с тем, что уход за ребенком трудная работа. Посмотрите. Видите, с меня льет в три ручья. Хорошо. Пока что хватит поцелуев. Давайте – ка мне ее опять. Я заверну ее в плащ. Ничего. Мы уже с ней подружились. Ваша малышка и я. Могу побиться об заклад в сто пистолей и, клянусь, не проиграю, что, проснувшись, она мне улыбнется.

Сняв плащ, Лагардер укутал в него спящего младенца с такой заботой, которой могла бы позавидовать любая кормящая мать, и бережно уложил под мостом на сено.

– Мой герцог, – продолжал он, снова взяв серьезный тон. – Что бы ни случилось, я готов положить жизнь за вашу дочь. Хочу надеяться, что это может искупить мою вину, за то, что по недоумению я легкомысленно отзывался о ее матери, которая на самом деле прекрасная, благородная женщина и верная супруга.

– Вы разрываете мне сердце, – простонал Невер. – Вы видели Аврору?

– Видал.

– Где?

– Здесь, у этого окна.

– И она вам отдала ребенка?

– Она думала, что отдает его вам.

– Ничего не понимаю.

– Ах, милый герцог. Здесь происходят более, чем странные вещи. Вы не зря прибыли сюда в боевом настроении. Боюсь, у вас сейчас будет повод его проявить на всю катушку.

– Что, на меня кто-то хочет напасть? – удивился Невер.

Парижанин опустил ухо и приложил ухо к земле:

– Думаю, они скоро появятся.

– О наемниках солдафонах, которым заплатили за то, что они вас убьют, – и шевалье в нескольких словах передал герцогу подслушанный им разговор мсье де Пейроля с неизвестным, появление в окне Авроры и все, что успело произойти потом. Невер слушал в величайшем изумлении.

– К тому же сегодня Пейроль и его шеф обещали мне пятьдесят пистолей за услугу, которую, знаю точно, я не исполню.

– Этот Пейроль, – задумчиво произнес Невер, будто обращаясь к самому себе, – доверенное лицо Филиппа де Гонзаго, моего кузена, моего лучшего друга. Он сейчас должен находиться в замке, чтобы мне помочь.

– Не имел чести встречаться с мсье принцем де Гонзаго, – ответил Лагардер, – поэтому не знаю, был ли это он; – я говорю о том господине, которого Пейроль называл «монсиньор».

– Он? Да вы что? – воскликнул Невер. – Это невозможно! Пейроль действительно хитрая лиса. На нем давно пробы негде ставить. Я могу допустить, что его подкупил Келюс Засов.

Лагардер полой камзола натирал клинок.

– Это был не Келюс, можете не сомневаться, – убежденно произнес он. – Это был молодой человек. Но не будем терять времени на пустые домыслы. Кем бы ни был этот подлец, он решительный малый и все продумал в деталях. Он даже знает ваше тайное слово. Благодаря ему я ввел в заблуждение Аврору де Келюс. Вам можно позавидовать. Как эта женщина вас любит! Поверьте, в раскаянии за мое прежнее неуместное на ее счет бахвальство я теперь готов целовать землю, по которой она ступает... все ли я вам сказал? Ага, вот еще одна важная вещь. Под пелериной, в которую завернута девочка, есть запечатанный пакет. В нем листки из регистрационной книги, где помечено имя и дата рождения ребенка, а также акт вашего бракосочетания с мадемуазель Авророй. Так, так, моя серебряная, моя золотая, моя бесценная подружка, – говорил он, обращаясь словно к живой, к своей шпаге, которая теперь натертая войлоком камзола шевалье переливалась призрачными отблесками лампы. – Мы с тобой сегодня уже достаточно поваляли дурака. Наст пора приняться за настоящее дело. Ты уж постарайся, не подведи меня.

Невер взял его за руку.

– Лагардер, – произнес он очень взволнованно. – Я вас не знал. У вас истинно благородное сердце.

– А я, – смеясь, ответил не совсем в попад парижанин, – теперь мечтаю только об одном: поскорее жениться, чтобы у меня тоже был такой светлый ангелочек, как у вас, чтобы мне было о ком заботиться, кого любить... Но т-с!

Он быстро опустил на колени и опять прислушался к земле.

– Теперь уже точно слышно, – сказал он.

Невер тоже прижал ухо к земле.

– А я не слышу ничего, – сказал он.

– Это потому, что вы герцог, – улыбнулся парижанин, и поднимаясь на ноги, прибавил:

– Ползут с двух сторон: там внизу со стороны лё Ашаза, и здесь с запада.

– Если бы можно было дать знать Гонзаго, в какую я попал передрыгу, – подумал вслух Невер. – У нас было бы на один клинок больше.

Лагардер покачал головой.

– А я бы предпочел иметь здесь Каррига и всех остальных вместе со шпагами и заряженными карабинами, – ответил он; потом внезапно себя прервав, спросил:

– Вы прибыли один?

– С мальчиком. Его зовут Беришон. Это мой паж.

– Знаю. Уже видел. Толковый и ловкий малыш. Если бы было можно как-нибудь его сюда позвать.

Невер вставил в рот пальцы и издал два коротких свистка и тут же из-за трактира «Адамово яблоко» послышались точно такие же свистки.

– Только бы ему до нас добраться! – прошептал Лагардер, словно заклинание.

– Если надо, он пролезет в игольное ушко, – заверил Невер.

И действительно несколько мгновений спустя над кромкой рва появилась голова Беришона.

– Молодчина, парень, – с восторгом произнес Лагардер и протянул к мальчику руки.

– Скорее бегите! – испугано тараторил паж. – Сюда лезут со всех сторон. Больше всего сверху. Через минуту все тропы будут перекрыты.

– Я услышал, как они надвигаются снизу, – удивился Лагардер.

– Они везде.

– Как так везде? Ведь их всего восемь?

– Их не меньше двадцати. Когда они поняли, что вы вдвоем, они себе в помощь взяли еще контрабандистов из Миалата.

– Эх, право, – сказал Лагардер. – В конце концов какая разница: восемь или двадцать?

Вот что, малыш. Давай быстро на лошадь и скачи во весь опор в деревню Го. Там мои люди. Самое позднее, через полчаса они должны быть здесь во всеоружии. Ты должен справиться. Ну, с Богом!

Обхватив мальчика ниже колен, он приподнял его, и тот, вытянув руки, зацепился за верхнюю кромку рва. Прошло несколько секунд, и послышался, на этот раз немного подальше, знакомых знакомый свист. Беришон подавал сигнал, что благополучно добрался до лошади и теперь, минуя все тропы, поскачет напрямик через лес.

– Ничего страшного! – бодро произнес Лагардер. – Мы прекрасно устоим вдвоем в течение получаса. Нужно только немного укрепить наши позиции.

– Смотрите! Что это?

Невер показал на какой-то подрагивающий предмет, тускло мерцавший с противоположной стороны моста.

– Это шпага брата Паспуаля. Храбрый тип. Его клинок не заржавеет. С ним где-то поблизости должен быть и его мэтр Кокардас. Эти двое против меня не пойдут. Сейчас, пока не началось, нам нужно немного поднапрячься.

На дне рва, кроме там и сям разбросанных снопов валялся всякий хлам: доски, брусья, сухие ветки; а еще стояла наполовину загруженная сеном двухколесная тележка, забытая работниками Келюса, в панике разбежавшимися, когда на них обрушился десант Каррига. Приняв ее за центр, за основную точку опоры и уложив на нее спящую девочку, Лагардер и Невер оперативно соорудили систему импровизированных баррикад, чтобы разорвать линию атаки врагов, которые вот – вот должны были нагрянуть.

Работой руководил парижанин. Конечно, воздвигнутые ими заградительные сооружения были во всех отношениях далеки от совершенства, – но зато построены в течение одной минуты. Лагардер сгребал со всех сторон брусья, доски и сухие сучья, а Невер собирал в кучи снопы сена, выстраивая их в настоящие боевые фашины. Кроме того оставались свободными небольшие участки, по которым предполагалось в крайнем случае спастись бегством. Сам Вобан позавидовал бы этой наспех сооруженной цитадели. Пол часа. Нужно во что бы то ни стало продержаться полчаса.

Ни на миг не прерывая работы, Невер сказал:

– Значит, вы решили, шевалье, сражаться за меня против целой своры моих врагов?

– Если быть точным, мсье герцог, то не столько за вас, сколько за вашу малютку.

Возведение укреплений было закончено. Конечно, получилось не Бог весть что, но в темноте они могли значительно осложнить задачу нападавших. Во всяком случае, двое осажден-

ных очень на то надеялись. Но еще больше они надеялись на свои острые клинки и боевое искусство.

– Шевалье, – сказал Невер. – Я никогда этого не забуду. Отныне мы с вами вместе на жизнь и на смерть.

Лагардер протянул ему руку. Герцог привлек шевалье к себе, и они крепко обнялись.

– Брат, – сказал Невер, – если я останусь жить, все, что принадлежит мне, будет принадлежать и Вам. Если я умру...

– Вы не умрете, – перебил парижанин.

– Если я умру... – повторил герцог.

– Если так случится, то клянусь небесами, – вдохновенно воскликнул Лагардер, – я буду для нее отцом.

Они простояли несколько мгновений обнявшись. Еще никогда и ничьи два отважных сердца не стучали так слаженно в такт. Наконец Лагардер, освобождаясь от объятия произнес:

– За оружие брат! Они уже здесь!

Где-то совсем близко явственно было слышно с каждым мгновением усиливавшееся шуршание ползущих по земле тел. Лагардер и Невер стояли в правой руке шпаги наголо, а левыми скрепя последнее перед боем рукопожатие.

И вдруг, словно налетел шквал. Местность огласилась лихими криками, боевыми кличами смешанными с разноязыкими ругательствами, и на осажденных со всех сторон, как сорвавшиеся с цепи псы, свистя клинками, обрушились наемные убийцы.

Глава 8. Бой

Их было не меньше двадцати. Паж не солгал. Наемники Пейроля завербовали в свои ряды не только контрабандистов из Миалата, но еще с пол дюжины вооруженных шпагами дезертиров, – по окончании войны с Испанией их много слонялось в Лурронской долине. На вербовку ушло некоторое время, и поэтому нападение немного задержалось. Мсьё де Пейроль нашел свое войско укрывшимся в засаде, где к своему величайшему изумлению обнаружил и Сальдана.

– Почему ты не на своем посту? – спросил фактотум.

– На каком посту?

– Разве не с тобой я недавно разговаривал на дне рва?

– Со мой?

– Я тебе пообещал пятьдесят пистолей...

– Мне?

Недоразумение оказалось налицо. Когда Пейроль понял, что его провели и когда узнал имя того, кому он доверился, им овладел страх. Уверения мастеров шпаги в том, что Лагардер здесь для того, чтобы встретиться с Невером на шпагах, и что этот поединок должен быть не на жизнь, а на смерть ничуть не успокоили Пейроля. Он инстинктивно чувствовал, как действует на благородное сердце шевалье весть о том, что герцог предан, и его замышляют убить. Конечно, Лагардер в этой ситуации из противника Невера превратится в его союзника. А потом все станет известно Авроре. Лишь одно в поведении парижанина Пейролю было неясно. Он не понимал, зачем Лагардер оставил при себе ребенка. Зачем он ему понадобился тогда, когда с минуты на минуту должно было начаться сражение, о котором шевалье наверняка догадывался. Отослав Штаупица, Пинто, Матадора и Сальдана вербовать рекрутов, Пейроль вернул, чтобы обо всем предупредить своего шефа и следить за Авророй де Келюс. В те дни в пограничных районах легко можно было найти «рыцарей», охотно готовых подвизаться в любом предприятии, лишь бы им заплатили. Поэтому упомянутая четверка вскоре возвратилась в сопровождении значительного подкрепления.

Но как найти слова, чтобы поведать о жестоких угрызениях совести, о ни с чем не сравнимых душевных страданиях, которые теперь приходилось переживать мэтру Кокардасу Младшему и его alter ego брату Паспуалю! Разумеется, не станем вводить читателя в заблуждение относительно их морали. Да. Они убивали за деньги. Их шпаги мало чем отличались от кинжалов разбойников с большой дороги. Но как бы то ни было, наши негодяи применяли их не по злобе души, а лишь для того, чтобы заработать на жизнь. Таковы были времена, таковы нравы, и все волей-неволей к ним приспособлялись. Кокардас и Паспуаль искренне любили и гордились своим учеником Маленьким Парижанином, ныне во всем превосшедшем своих учителей. Даже в порочных душах иногда пробуждается бескорыстная привязанность и симпатия, и эти простые человеческие чувства всегда истинны и прочны. Кроме того, если даже оставить в стороне восхищение Лагардером Кокардаса и Паспуалья, мотивы которого нам уже известны, их душевным устремлениям отнюдь не были чужды добрые начала: устройство судьбы сироты из полуразрушенного особняка Лагардер было не единственным их в этом мире благодеянием. Но сегодня злой рок понудил их подняться против своего любимца шпагу. Не было никакой возможности этого избежать, отказаться от участия в нападении. Их оружие теперь принадлежало Пейролю, который им заплатил. Нарушить деловое обязательство, за которое заплачены деньги, для наемного мастера шпаги всегда считалось позорным нарушением профессиональной чести. И вот сейчас они уже около часа понуро стояли возле траншеи, погруженные в тягостное молчание. Кокардас будто забыл о своих «приперченных» словечках вроде: «крапчатый туз», «серп вам в жатву» и прочих в том же духе. Оба время от времени лишь тяжело вздыхали и бросали друг на друга исполненные страдания взгляды. Перед самой атакой они обреченно пожали друг другу руки, и Паспуаль произнес:

– Что поделаешь? Раз приходится, будем драться.

Но Кокардасу пришлось на ум какое-то решение.

– Нет, брат Паспуаль. Нет. Смотри и делай, как я.

Он вытащил из кармана тупой стальной наконечник, которым пользовался во время уроков в фехтовальном зале, и укрепил его на кончике своей шпаги. Паспуаль сделал то же, после чего оба с облегчением вздохнули. Наемники и их новые союзники разделились на три группы. Первая пошла с западной стороны траншеи, вторая заняла позицию со стороны моста, третья, в основном состоявшая из дезертиров и контрабандистов под командой Сальдана должна была проникнуть в ров по лестнице и первой начать атаку. Лагардер и Невер их хорошо видели в отсветах лампы и даже могли сосчитать, когда они один за другим спускались по лестнице в ров.

– Значит так, – сказал Лагардер. – Стоим, прижавшись друг к другу спиной, а кусок сбоку, – впритык к стене. За ребенка можно не беспокоиться, он надежно заслонен опорами моста. Будем сражаться в сомкнутом строю, господин герцог. Предупреждаю, что эти шакалы могут применить ваш же коронный удар. Они его знают. И, увы, опять же по моей вине. Теперь ничего не поделаешь. Главное – не падать духом. Что касается меня, то моя шкура слишком груба для их ржавых иголок.

Если бы не наспех сооруженные заграждения, по первая же атака наемников могла отказаться для наших осажденных роковой. Нападавшие, набычив шеи, и устремив вперед низкие лбы, всем скопом ринулись в бой, устрашающе вопя:

– Вперед! Бей Невера!

В этом диком хоре отнюдь не терялись голоса гасконца и нормандца, – их радовало то, что в свирепом боевом кличе не упоминалось имя их бывшего ученика.

Атаковавшие совершенно не ожидали на своем пути искусственных препятствий. Эти заграждения, сколь бы примитивными они не были, сразу же себя оправдали. Солдаты удачи, в увесистом обмундировании и со своими длинными рапирами с треском натыкались грудью на кучи брусьев и досок, а сапогами вязли в сене. Лишь очень немногим удалось добраться к оса-

жденным настолько близко, чтобы скрестить шпаги. Невер и парижанин великолепно отразили этот первый наскок. После нескольких минут грохота, треска, звона шпаг и яростных воплей на землю свалился один другу дезертир. Потом очень, очень медленно началось отступление. Невер и его союзник мало – помалу переходили в контратаку.

– Я здесь!

– Я здесь! – подбадривали они себя, порой крича в унисон, и производили виртуозные эстокады, приносившие превосходящему в численности врагу неизменный урон. Парижанин первым ударом сразил одного дезертира, другим – второго; отбросив шпагу назад, проткнул руку одному контрабандисту и, оказавшись слишком близко перед четвертым противником, не имея времени на то чтобы размахнуться шпагой, разбил ему голову эфесом. Этим четвертым неудачником оказался немец Штаупиц. После удара Лагардера он грузно грохнулся о землю спиной. Невер тоже, не покладая рук, разил налево и направо. Кроме одного дезертира, которого он бросил под колеса тележки, его шпагой были ранены Матадор и Жоэль де Жюган. Герцог уже было собрался этого прикончить, но вдруг заметил, как вдоль стены траншеи, стараясь держаться незамеченными, в сторону моста скользят чьи-то два силуэта. Оставив Жоэля, Невер кинулся им наперерез, на ходу крича:

– Ко мне, шевалье, ко мне!

– Я здесь! Я здесь!

Лагардеру понадобилось всего полсекунды, чтобы нанести рубящий удар Пинто, после чего тот навсегда остался без левого уха.

– Боже Всемогущий! – воскликнул парижанин, приблизившись к Неверу. – Я совсем оставил без внимания нашего светлокудрого ангела, нашу любовь и надежду!

Две тени, изменив направление, пустились наутек. На дне рва наступила тишина. От того момента, когда Беришон ускакал за подмогой прошла четверть часа.

– Надо поскорее собраться с силами, господин герцог, – сказал Лагардер. – Эти ублюдки не позволят нам долго прохлаждаться. Вы ранены?

– Небольшая царапина.

– Где?

– На лбу. Вот здесь, как раз посередине.

Парижанин молча стиснул кулаки. Вот он, налицо результат его болтливости, единственного урока фехтовального мастерства, который он преподавал наймитам Пейроля. Прошло две – три минуты, и начался второй штурм. На этот раз лихих криков было поменьше, но действия атаковавших были слаженными и продуманными. Они наступали двумя рядами, аккуратно обходя заграждения.

– Теперь вести бой будет труднее, – вполголоса говорил Лагардер. – Постарайтесь защитить лишь себя, господин герцог. Я прикрою ребенка.

Вокруг осажденных, в зловещем молчании сжималась цепь нападавших. Со звоном взметнулось ввысь десять шпаг.

– Я здесь! – выпалил парижанин и сделал внезапный выпад. Матадор испустил крик и грохнулся на тела рук двух сраженных раньше дезертиров. Наемники отступили, но всего на несколько футов. При этом они, почти не умолкая, орали:

– Бей Невера! Бей Невера!

Распаленный боем Невер тоже не лез за словом в карман.

– Я здесь, мои хорошие, я здесь. Вам мало? Так получайте же еще! Еще! Еще!

После каждого «еще» его шпага покрывалась багровой влагой. Что и говорить. Двое сражались на славу.

– Вот тебе, синьор Сальданы! – кричал парижанин. – Этому удару я тебя уже обучал в Сегорбе! А это тебе, Фаёнца! Но подходите же поближе, не стесняйтесь! До вас иначе, как кафедральной алебардой не достать.

И он без устали колот и рубил. Из тех рекрутов, которые пошли в атаку первыми, на ногах уже не стоял никто.

За закрытыми ставнями низкого окна кто-то находился. Но, увы, на этот раз не Аврора де Келюс. Со стынувшей в жилах кровью и со вспотевшими лбами к тому, что происходит на дне траншеи, прислушивались двое. Это были господин Пейроль и его хозяин.

– Жалкие хлюпики! – презрительно бросил тот. – Вдесятером не могут одолеть двоих! Видимо придется в дело вмешаться мне самому.

– Осторожно, монсиньор, это опасно!

– Куда больше опасно, если хоть один из двоих останется в живых.

– Я здесь! Я здесь! – не умолкало в траншее.

Оцепление теперь значительно поредело. Наемники явно проигрывали схватку. К тому же полчаса почти прошло. До прибытия подкрепления парижанину и Неверу оставалось продержаться каких-то несколько минут. Лагардер даже не был задет, а у Невера была лишь незначительная царапина на лбу. В создавшемся положении двое могли держаться еще хоть час. Но их начало одолевать радостное волнение от наступавшей победы. Незаметно для себя они все чаще стали оставлять свои безопасные позиции у стены и наносить контратаки. Во множестве валявшиеся кругом убитые и раненые представляли убедительное свидетельство превосходства нашей боевой пары. Это столь сильно вселяло в них чувство торжества над врагом, что мало – помалу они начали терять обязательную во всяком бою бдительность. В пылу кажущегося триумфа они перестали правильно оценивать настоящую опасность. В основном побеждены были лишь вновь набранные рекруты, а мастера шпаги пока в своем большинстве оставались на ногах. Только Штаупиц лежал на спине, но и он был не убит, а, лишь оглушенный эфесом Лагардера, потерял сознание. Наемники держались на расстоянии и выжидали удобного для новой атаки момента. Они между собой решили:

– Их только нужно друг от друга оторвать, и тогда, если они живые существа из плоти и крови, а не дьяволы из преисподней, мы их одолеем.

Усилия мастеров шпаги сводились сейчас к тому, чтобы заманить вперед одного, а второго оставить прижатым к стене. Дважды раненый Жоэль де Жюган, Фаёнца, Кокардас и Паспуаль следили за Лагардером, в то время как трое испанцев наступали на Невера. Первая группа должна была разыграть отступление, завлекая за собой Лагардера, а вторая, напротив, всеми силами удерживать Невера у стены.

При первом же ударе Кокардас и Паспуаль стали отступать. Жоэль и итальянец, получив сапогом парижанина по пинку, последовали за ними. В тот же момент, стремительно развернувшись, Лагардера нанес ранение в лицо Матадору, который ухитрился подойти слишком близко к Неверу. И тут раздался заранее заготовленный крик:

– Спасайся, кто может!

– Вперед! – клюнул на приманку распаленный удачей парижанин.

– Вперед! – поддержал его герцог.

И затем оба в один голос.

– Я здесь!

– Я здесь!

Враги побежали. Лагардер устремился за ними и в мгновение ока оказался в конце траншеи. Герцог хотел последовать за ним, но на своем пути встретил препятствие из трех испанских шпаг. Искусно орудуя клинком, Невер сумел продвинуться на несколько шагов вперед. Сражаясь против троих, он ранил Пинто и Сальдана. Еще немного, и он присоединится к Лагардеру. В этот момент за низким окном отодвинулась металлическая решетка, вслед за чем раскрылись ставни. Невер находился в нескольких шагах от окна, но в пылу боя не услышал и не заметил, как раскрылось окно, как на дне траншеи один за другим появились двое муж-

чин. Каждый из них держал обнаженную шпагу. Лицо того, что был выше ростом, укрывала черная маска.

– Победа! – разогнав врагов, воскликнул парижанин. Ему в ответ раздался предсмертный крик Невера. Один из двоих, вновь оказавшихся в траншее, тот кто был выше ростом и чье лицо укрывала маска, пронзил его шпагой сзади. Герцог рухнул, как подкошенный. Смертельный удар был нанесен, как тогда говорили, «по – итальянски», то – есть со знанием дела, с хирургически точным расчетом. Нанесенные вслед за первым еще два удара были уже не нужны. Падая, Невер еще смог повернуть голову. Взгляд умирающего остановился на человеке в маске. Лицо Невера исказилось от страдания смешанного с изумлением. Из – за замка медленно всплывала полная луна; она была еще скрыта за башнями, но ее свет немного рассеял темноту.

– Ты?!.. Это ты?!.. – с трудом пробормотал Невер. – Ты... Гонзаго..., мой друг, мой брат, за кого я сотню раз был готов отдать жизнь!..

– Для меня достаточно и одного раза, – холодно процедил человек в маске. Голова молодого герцога откинулась.

– Этот готов, – сказал Гонзаго. – Теперь за другим!

Но бросаться в погоню не пришлось. Лагардер пришел сам. Услышав предсмертный хрип герцога, он жутко зарычал и бросился к товарищу. На его пути возникли успевшие поменять позицию наемники. Но бравые можно остановить разъяренного льва. Одним махом повалив на сено двоих, Лагардер прорвался. Когда он приблизился к Неверу, тот из последних сил приподнял голову и едва слышно простонал:

– Брат... не забывай меня... И отомсти...

– Клянусь Всевышним! – воскликнул парижанин. – Все, кто здесь сейчас есть, умрут от моей руки!

Под мостом, словно сквозь сон, почувствовав смерть отца, всхлипнуло дитя. Его слабого крика никто не услышал.

– Вперед, на него! Убейте его! – кричал человек в маске.

– Изо всех, кто здесь есть, я не знаю только тебя, – сказал Лагардер, обращаясь к маске. Теперь шевалье остался один против всех.

– Я дал клятву. И когда наступит час, мне придется тебя узнать.

Между говорившим и человеком в маске теперь стояла преграда из пяти мастеров шпаги и мсьё Пейроля. Но все они боялись оставшегося в одиночестве Лагардера. Схватив сноп сена, и прикрываясь им, как щитом, он ринулся вперед и, протаранив собой, как ядром, живую цепь оказался перед последним заслоном, состоявшим из Пейроля и Сальдаля, – заслоном, прикрывавшим человека в маске. Тот с обнаженной шпагой встал наизготовку. Просвистев между Сальданем и Пейролем, клинок Лагардера рассек кисть человека в маске, и тот выронил оружие. В это мгновение раздался слабый крик младенца, которого никто не услышал кроме шевалье. Быстро отступая, он прокричал:

– Теперь ты меченый!

И в три прыжка оказался под мостом. Над башнями, наконец, взошла луна, и при ее свете все увидели, как шевалье взял на руки сверток.

– За ним, за ним, негодяи! – задыхаясь от гнева, вопила маска. – У него дочь Невера! Захватить дочь Невера любой ценой!

Но наемники теперь напоминали загнанных, вконец, измученных охотничьих псов. Пройдя с неохотой несколько шагов, они остановились. Мэтр Кокардас с мрачной рассудительностью изрек:

– А ведь он нас сейчас всех прикончит!

Это замечание окончательно сломило дух мастеров шпаги. Лагардер почти беспрепятственно добрался до лестницы. Атаки остававшихся на ногах наемников были настолько

вялыми, что ему оставалось лишь чуть – чуть взмахнуть сверкавшей в лунных лучах шпагой и выкрикнуть: «дорогу, уроды!», и все расступились, напоминая скорее почетный караул, чем группу захвата. Лагардер выбрался так изо рва. За деревней послышался топот лошадей Каррига. Пришла, наконец, подмога. Луна осветила лицо Лагардера. Девочка открыла глаза и улыбнулась.

– Да, – прокричал он. – Это дочь Невера. Попробуй ее у меня отнять. Ты, мерзавец, заказавший убийство и собственноручно его исполнивший предательским ударом в спину! Кто бы ты ни был, теперь у тебя на руке моя метка. Я тебя знаю. И когда наступит час, если ты не придешь к Лагардеру, то Лагардер придет к тебе!

Часть II. Дворец Невера

Глава 1. Золотой дом

Прошло два года после смерти Людовика XIV. Он ушел в мир иной, пережив два поколения наследников: дофина, (так назывался старший сын царствующей особы, который по традиции пользовался преимущественным правом наследования престола), и его сына своего внука герцога Бургундского. Трон перешел к правнуку усопшего монарха Людовику XV, которому к тому времени едва исполнилось 5 лет. Посмертная судьба великого французского короля, (при жизни его называли король Солнце), оказалась более незавидной, чем судьба любого из его подданных. Ведь никому из них по крайней мере не было отказано в исполнении последней воли по завещанию. Конечно, намерение посредством рукописного акта распорядиться судьбами почти тридцатимиллионного населения могло показаться непомерным. В то время как живой Людовик XIV мог позволить себе и большее, письменное распоряжение короля, умершего, превратилось в ни к чему не обязывающий клочок бумаги, который мог разорвать любой, кому заблагорассудится. Королевское завещание, похоже не интересовало никого, кроме его легитимных детей.

Племянник короля Филипп Орлеанский во время царствования дяди при дворе исполнял, как некогда Брут, роль шута. Едва из спальни, где размещалось смертное ложе, глашатай возвестил традиционное: «Король умер! Да здравствует король!», Филипп Орлеанский сбросил маску. Регентский совет мало – помалу сошел на нет. У власти фактически остался один регент, он же герцог Филипп Орлеанский.

Принцы крови подняли крик недовольства. Сильнее других возмущались герцог мэнский и его супруга. Но большинство французского населения, которому, в общем-то не было дела до этих высокопоставленных байстрюков, пребывало в спокойствии. Если не брать в расчет скандала с заговорщиком Челламаре, скандала урегулированного Филиппом Орлеанским сугубо политическим путем, то можно заключить, что регентство оказалось относительно мирным периодом в истории Франции. То было поистине удивительное время. Увы, мало что можно возразить, тем серьезным историкам, и просто досужим писателям мемуаров, которым сегодня угодно представлять описываемую эпоху черными красками. Никогда еще человек, вылепленный Создателем из кучки грязи, не демонстрировал своего исходного материала со столь удручающей убедительностью. Франция все ниже склонялась перед кумиром наживы; темой и смыслом жизни обывателей всех уровней сделались чревоугодие и разврат. Когда читаешь о денежной лихорадке, в связи с выпуском ассигнаций Лоу, невольно приходят на ум финансовые катаклизмы наших дней.

Компания «Миссисипи» была приманкой особого рода. Сегодня на нас расставляют другие наживки. В то, теперь уже, отдаленное время финансово – коммерческая деятельность еще не была отлажена. Биржевые и финансовые спекуляции находились на, так сказать, детской стадии развития. Но этот «ребенок» проявлял задатки вундеркинда.

Итак, сентябрь 1717 года. От тех событий, что описывались на первых страницах нашего повествования, прошло 19 лет. Талантливый первопроходец, (точнее проходимец), основавший в Париже «Банк Луизианы» сын ювелира Джон Лоу Лористон находился в зените славы и в расцвете деловых полномочий. Выпуск государственных ассигнаций, создание национального банка и наконец «Западной Компании», вскоре переименованной в «Индийскую» сделали его фактически министром финансов королевства, хотя формально портфель принадлежал мсье д'Арженсону.

Регент, чье сознание изрядно было подпорчено поначалу дурным воспитанием, затем разного рода излишествами, легко попал, как говорится, в ловушку заманчиво прекрасных миражей финансовой поэмы. Лоу, казалось, сам возник из золота и был способен все превращать в золото. Одним из важных психологических рычагов, которыми Лоу воздействовал на умы французов, был созданный им миф о том, что в Луизиане, (Северная Америка) имеются несметные залежи драгоценных металлов. В действительности же несколько времени спустя однажды настал день, когда каждый финансово зависимый от Лоу человек, будь то биржевой спекулятор, или просто владелец ассигнаций, акций и т. п. оказался сидящем на сундуке набитом ценными бумагами, при этом не зная, на что купить хлеба. Этаким Мидас XVIII века.

Однако наш рассказ не дойдет до того момента, когда случится кризис порожденный пресловутым шотландцем, кстати сказать не играющим никакой роли в данном повествовании. Как бы то ни было, пока что деятельность Лоу протекала блестяще. В сентябре 1717 вновь выпущенные акции «Индийской Компании», (их называли «дочками», в отличие от выпущенных ранее и носивших название «матери»), продавались по пятьсот ливров при номинале сто. Появившиеся несколькими днями позднее «внучки» имели не меньший успех. Наши предки оспаривали друг у друга право за 500 ливров звонкой монетой купить пачку невзрачных сереньких кредиток, в сумме составлявших всего одну тысячу. Тогда еще никто не знал, что через три года эти чванливые бумажки будут продаваться по 15 су за сотню. Из них сделают бигуди и какая-нибудь модница, желая иметь прическу а – ля болонка, накрутит себе перед сном и укроет ночью чепцом эдак с полмиллиона бумажных ливров.

Филипп Орлеанский проявлял к Лоу удивительную терпимость. Впрочем, мемуаристы утверждают, что терпимость эта была небескорыстной. Каждый новый выпуск акций Лоу сопровождал приношением жертвы, то есть отдавал изрядный куш в пользу королевского двора. Высшие вельможи с тошнотворной алчностью оспаривали один у другого эту подачку. Аббат Гийом Дюбуа, (в то время он еще не был архиепископом Камбрейским(1720 г.), и пока не стал кардиналом и академиком (1722 г.), но уже был назначен послом в Англию (1717 г.)), просто обожал акции Лоу; не важно, были они «матерями», «внучками» или «дочками».

Не будем останавливаться на нравах того времени. О них и так сказано достаточно. Упомянем лишь о том, что двор и столица с каким то неистовым легкомыслием стремились наверстать упущенное за последние годы царствования Людовика XIV, годы, отмеченные напускной строгостью и аскетизмом.

Париж как будто превратился в одно гигантское увеселительное заведение: некую помесь кабаре, казино и всего прочего. Если только великую нацию можно очернить, то нет более удобного способа, чем вспомнить об этом дурнославном периоде регентства. В дальнейшем понадобились действительно великие свершения, чтобы память о грязных пятнах на репутации державы постепенно поблекла.

Итак, было осеннее утро. Хмурое и холодное. По улице Сэн Дени группами двигались разнорабочие. Здесь были плотники, столяры, каменщики, – все они несли на плечах свои инструменты и необходимое для дела снаряжение. Они шли из квартала Сэн Жак, заселенного в основном мастеровым людом и все или почти все сворачивали в улочку Сэн Маглуар. В ее середине, почти напротив церкви того же имени, (некогда возведенная в центре приходского кладбища, она сохранилась и по сей день), раскинулся величавый портал. С обеих сторон к нему примыкали высокие каменные прорезанные узкими бойницами стены. Их вершину укрывала двухскатная, обитая медными листами, крыша, на которой через равные промежутки были укреплены гипсовые скульптуры.

Пройдя через ворота, рабочие оказывались на просторном вымощенном камнем дворе, спереди, слева и справа ограниченном богатым аристократическим особняком. Некогда он назывался Лотарингский дворец. Во времена католической Лиги, ведшей борьбу против Генриха Наваррского будущего короля Генриха IV, дворец принадлежал возглавлявшему Лигу

герцогу Эмануэлю де Меркёру (1558–1602). Начиная с правления Людовика XIII, его владельцем сделалась фамилия герцогов де Неверов. Теперь же этот роскошный особняк уже называли дворец Гонзаго, так как в нем с некоторых пор поселился Филипп Мантуанский принц Гонзаго, – после регента Филиппа Орлеанского и финансиста Лоу самый богатый человек в государстве. Гонзаго пользовался бывшими владениями Неверов на двух основаниях. Во – первых – как родственник и возможный наследник, и во – вторых, как нынешний супруг вдовы последнего из Неверов, урожденной мадемуазель де Келюс. Этот брак принес Гонзаго огромное состояние Келюса – Засова, который уже перешел в мир иной, чтобы там соединиться с обеими своими женами. Если читатель удивится этому браку, то предложу ему вспомнить о печальной участи обитательниц уединенного замка Келюса. Две женщины умерло там от тоски и одиночества. Да. Что и говорить, достопочтенный Засов для достижения цели всегда действовал напрямик, не считаясь ни с чем и ни с кем, тем паче с женщинами. Принца Гонзаго в сравнении с Келюсом можно назвать образцом обходительности. Вот уже восемнадцать лет, как вдова Невера стала мадам Гонзаго. За это время она ни разу не сняла с себя траур. Не сняла даже тогда, когда по воле отца отправилась с Гонзаго под венец.

Когда в ночь после венчания принц вошел в спальню жены, она, лежа на постели, одной рукой указала ему на дверь, а другой приставила к своей груди кинжал.

– Я живу только ради дочери Невера, – сказала она. – Но моя способность к самопожертвованию не безгранична. Если вы сделаете еще хотя бы шаг, то я отправлюсь дожидаться дочери туда, где ждет ее отец.

Гонзаго жена была нужна только, чтобы сделаться совладельцем богатств маркиза де Келюса.

Почтительно поклонившись, он покинул спальню.

С той поры в присутствии супруга из уст принцессы никогда не слетало ни слова. Он с ней держался предупредительно, галантно, ласково. Она оставалась холодна и нема. Каждый день перед завтраком Гонзаго отправлял к жене с соответствующим сообщением своего управляющего. Он никогда не садился за стол, не исполнивший этой формальности, – настоящий синьор, что и говорить, – и всякий раз первая камеристка принцессы докладывала, что госпожа нездорова и просит господина принца разрешить ей не выходить к столу. И так 365 раз в году в течение 18 лет. Гонзаго не упускал случая, чтобы в любом разговоре так или иначе, с неизменным уважением упомянуть имя супруги. Для это он пользовался фразами вроде: «Госпожа принцесса мне сказала», или «Я сказал госпоже принцессе». Конечно, свет не настолько глуп, насколько это многим бы хотелось. Впрочем, он порой почему-то таковым притворяется. Видимо ему, (свету), тоже по душе иногда сыграть шута на потеху сильных духом. Гонзаго как раз и был одним из таких сильных, своенравных, хладнокровных, уверенно шагающих к цели людей. Его несколько театральные манеры несли печать элегантно свойственной многим итальянцам гордыни. Он никогда не обманывал без необходимости, но если приходилось, то лгал с наглостью, граничащей с героизмом. И, не взирая на то, что, по сути, являлся прожженным придворным повесой, каждое его слово произнесенное на людях было исполнено подкупающего достоинства. Регент называл его своим лучшим другом. Многие знали, сколько принц приложил усилий, чтобы отыскать дочь несчастного Невера, третьего Филиппа, некогда тоже бывшего близким другом регента. Поиски не принесли результатов. Но поскольку наряду с тем не был установлен и факт ее смерти, то Гонзаго предназначалась роль опекуна ребенка, (которого возможно уже не было в живых), и в этом качестве он пользовался доходами от имущества Неверов. Если бы подтвердилось предположение, что Аврора младшая мертва, принц сделался бы законным наследником всего состояния герцога де Невера. Однако пока его вдова, хотя и вышла по воле отца замуж за принца, в вопросах, связанных с интересами дочери проявляла непоколебимую твердость. Вступая в брак с Гонзаго, она публично заявила, что делает это, лишь подчиняясь отцу, и при условии, что всегда будет себя считать вдовой Невера, не сни-

мать по нему траур, и что дочь Невера, судьба которой неизвестна, будет вписана в брачный контракт. Гонзаго оказался достаточно неглупым, чтобы принять все эти условия. В течение 18 лет он, так же как и принцесса, неустанно разыскивал ее дочь. Правда, при этом им руководили мотивы, как уже нам ясно, совершенно иные. Как бы там ни было, до сих пор от хотя бы напасть на след младшей Авроры никому не удалось.

В конце этого лета Гонзаго впервые отважился заговорить о том, что пора бы собрать семейный совет, для того чтобы урегулировать все финансовые, а также связанные с наследством Невера вопросы. Но пока, как говорится, не доходили руки, – ведь он был очень богатым, преуспевающим, а значит и очень занятым неотложными делами хозяином.

Вот и сегодня все эти рабочие, которых мы недавно видели входившими во двор бывшего дворца Неверов, прибыли по вызову Гонзаго. Плотникам, столярам, каменщикам, землекопам, слесарям предстояло переделать дворец и примыкавший к нему с тыла сад, – одним словом, поставить все с ног на голову. Это было великолепное, удивительное сооружение жилищной архитектуры. Не зря когда-то Меркёр, затем Неверы, а после них и сам Гонзаго не жалели сил и средств, чтобы сделать его еще краше. Оно состояло из трех жилых корпусов: главного и двух крыльев, на уровне первого этажа обрамленных по всему периметру пирамидальными аркадами несущими в форме буквы «П» беломраморный портик, над которым, образуя второй этаж, тянулась галерея, украшенная изящными лепными узорами, – свидетельство изысканной роскоши, которая могла бы заставить устыдиться ажурные гирлянды дворца Ключи и начисто превосходила красоту фризов дворца де ла Треймуль. Три главные двери, расположенные по центру и обрамленные одной большой пирамидальной аркой обычно держались открытыми, и в их проемы можно было видеть восстановленные Гонзаго в флорентийской манере внутренние перестили. Они состояли из потрясающих взор колонн красного мрамора, установленных на массивных прямоугольных цоколях, по углам которых в вальяжных позах застыли каменные львы, и увенчанных сверху капителями, украшенными причудливым узором из розовых кустов и запутавшихся в них змей. Над фасадной галереей возвышался главный жилой корпус. По бокам широкого и высокого портала с регулярными промежутками располагались в два яруса окна. В крыльях же здания, хотя они имели ту же высоту, что и главный корпус, окна были установлены в один ярус. Зато все они были спаренными и в два раза выше. Каждое крыло венчала отдельная четырехгранная островерхая покрытая жестью крыша. Непосредственно под ней находились уютные мансарды, где обитала многочисленная прислуга. Главный корпус имел двухскатную крышу. Причем ее передний откос был прорезан чопорным белокаменным бельведером, который словно несли на руках три мраморных сирены, чьи рыбы хвосты обвивали и скрывали его пьедестал.

Вот так выглядел этот маленький шедевр готического искусства, истинное сокровище резьбы по камню. Ухоженный постоянно поддерживаемый в идеальном состоянии интерьер ничуть не уступал внешнему великолепию.

Гонзаго был не только богачом, но и человеком, обладавшим отменным вкусом.

Самым старинным во всем сооружении считался задний фасад. Он был возведен не позднее пятнадцатого столетия. С этой стороны здание выдвигало широкий массивный портик, подпираемый круглыми гранитными колоннами в итальянском стиле, как это делают во многих монастырях. Вдоль основного корпуса на уровне второго этажа шел выложенный мрамором балкон. С задней же стороны к дому примыкал старый тенистый сад; его аллеи во многих местах украшали мраморные и гипсовые скульптуры. Сад имел узорную чугунную ограду. С востока она шла вдоль улицы Кенкампуа, с юга по Орби лё Бушер и, наконец, западную часть сада ограничивала улица Сэн Дени. Во всем Париже невозможно было сыскать дворец, великолепнее этого. Что же вдруг заставило надменного эстета Гонзаго по своей воле нарушить эту красоту?

Попробуем разобраться.

Однажды, после ужина пребывая в благодушном настроении, регент предоставил принцу де Кариньяну разрешение учредить в своем дворце крупную биржевую контору. Эта милость на многих подействовала, как землетрясение. Поползли слухи, что отныне мсьё де Кариньян способен де наложить вето на любую сделку по акциям, если она произведена не в его доме. Гонзаго, разумеется, взревновал. Чтобы его утешить регент после очередного ужина наградил Гонзаго исключительным правом производить в своем дворце прямой обмен акций на товары. Вот уж поистине королевский подарок! Он сулил золотые горы.

Но нужно было, прежде всего, освободить место для всех желающих. Потому что все желающие вести торги согласны были платить за место и платить очень много. На следующий день после того, как Гонзаго принял решение сдать внаем все возможные площади и помещения всего дворца, сюда прибыла армия разрушителей. Начали с сада. Во – первых – скульптуры. Они занимают место и не платят ни су. Скульптуры убрали. Затем деревья. Эти тоже ничего не платят, но отнимают пространство. Их вырубали.

В увешанной гобеленами спальне второго этажа у окна замерла одетая в траур женщина и печально глядела на работу разрушителей. Она была очень красива, но так бледна, что рабочие, заметив ее со двора через стекло, могли подумать, что на них из покоев взирает привидение. Кто – кто кому-то пояснил, что это вдова герцога де Невера жена принца Гонзаго. Она долго неподвижно стояла, напоминая недавно снесенные изваяния. Перед ее окном рос огромный вяз. Наверное, ему было более ста лет. В его листве по утрам и летом и зимой пели с птицы. Когда ветвистый великан под ударами топора рухнул, женщина в трауре задернула тяжелые шторы, и больше ее в окне не видели. Дальше закипела работа, напоминая светопреставление: везде рубили, пилили, долбили, крушили. Исчезли тенистые аллеи. На их перекрестке была розовая клумба, где в центре красовалась гигантская античная ваза. Цветы выкорчевали, землю распахали граблями, а вазу оттащили на мебельный склад. Все это занимало место. А место стоило денег, и притом больших, прошу не забывать. Теперь здесь будут выстроены деревянные бараки, которые Гонзаго сдаст внаем биржевым игрокам. Кто бы мог подумать, до каких фантастических величин поднимутся цифры, определяющие плату за наем. В этих сараях будут производиться те биржевые сделки, что нигде, кроме как на территории дворца Гонзаго осуществлять нельзя. А потому найм любой клетушки в бывшем саду будет обходиться нанимателю не дешевле чем, если бы он брал в аренду площадь внутри самого дворца. Тем же наблюдателям, которые взирали на эту разруху со скептическим недоумением, (впрочем, таких было очень немного), Гонзаго снисходительно пояснял:

– Через пять лет у меня будет два или три миллиарда. Я куплю замок Тюильри у его величества Людовика XV, который к тому времени будет королем, но королем разорившимся.

Этим утром, когда мы с вами впервые оказались во дворце, перестройка подходила к концу. Вокруг двора параллельно положению дворца в три этажа были сооружены дощатые бараки, напомилавшие не то летние загоны для свиней, не то курятники. Вестибюли главного здания тоже были переоборудованы под конторы. Сейчас строители заканчивали сколачивать деленные на узкие отсеки бараки на территории парка. Двор был переполнен нанимателями. Оно и понятно. Ведь именно на сегодня была назначена сдача в аренду площадей в «Золотом доме», как теперь окрестили дворец Гонзаго. Сегодня ворота были широко открыты для всех. Любой или почти любой мог войти во дворец. Весь первый этаж и второй за исключением личных апартаментов принца и принцессы ждали своих покупателей и покупательниц. От смолянистого запаха свежеструганной сосны першило в горле. Повсюду грохотали молотки и визжали пилы. Слуги очумело носились взад – вперед, не зная кого слушать. Покупатели нервничали и дергались, словно умалишенные.

На главном крыльце над толпой стоявших на ступеньку ниже будущих биржевых маклеров, возвышался облаченный в шелка и бархат аристократ. Его подбородок подпирало пышное белоснежное жабо восьмерками, на каждом пальце сверкали драгоценными камнями перстни.

На шее повисла массивная золотая цепь. Это был Пейроль, доверенное лицо, личный советник и фактотум хозяина дома. Он не сильно постарел. Такой же поджарый, сухой, немного сутулый. Теперь он, правда, не шурился, – с возрастом близорукость исчезла. Большие пронзительные, словно выслеживающие жертву глаза. У него давно уже есть свои почитатели и лизоблюды. Он их заслужил. Ведь Пейроль весьма богатый человек. Гонзаго щедро ему платит.

Часов около девяти, когда людской наплыв немного поредел, (что поделаешь, даже усердные биржевые маклеры иногда нуждаются в коротком перерыве, чтобы утолить голод), через парадные ворота на некотором расстоянии один за другим во двор вошли два человека, чья наружность совершенно не походила на внешность финансистов. Хотя вход был свободным, казалось, оба они чувствовали себя здесь не в своей тарелке. Первый пытался растерянность спрятать за нарочитой развязностью, другой, напротив, старался держаться как можно скромнее. На поясах у обоих в такт походке телепались шпаги, те самые длинные клинки, по которым за версту можно узнать профессионального мастера шпаги. Следует отметить, что после смерти Людовика XIV эта профессия вышла из моды. Регентство искоренило наемных убийц. Теперь если в высших кругах кого-нибудь и убивали, то это происходило не на открытой дуэли, а при помощи каких-нибудь ухищрений: например подсыпался яд в еду, одежду и т. п., – моральный прогресс, как видите, налицо.

Вновь прибывшие втиснулись в толпу. Первый усердно распахивал всех локтями, второй, наоборот, струился юрким ручейком, каким-то чудом ухитряясь продвигаться через толпу, ни с кем, ни приходя в соприкосновение. Бравый наглец, попиравший дырявыми локтями, окружавшие его новые кафтаны и камзолы, имел внушительные завитые кверху усы; на голове его сидела потерявшая форму фетровая шляпа, она съехала так низко, что почти закрыла ему глаза. Его широкие плечи и слегка выпирающий живот покрывал кожаный кафтан – безрукавка. На нем были штаны, изначальный цвет которых определить уже было невозможно. Ржавая рапира во время ходьбы задирала полу наброшенного поверх всего плаща, наверное, с плеча самого дона Сезара де Базана, из чего мы справедливо заключим, что наш герой прибыл из Мадрида. У второго же, того что вел себя смиренно, шляпа была совсем без полей, – она прикрывала ему голову, как гасильник свечу. Под его длинным носом очень неуверенно пробивались на поверхность несколько белесых волосинок, которые видимо, надлежало почитать усами. Очень поношенный, на груди вместо пуговиц скрепленный кожаными штрипками кафтан, заплатка на заплатке штаны, сапоги с полуоторванными подметками, – вот и весь его наряд. Конечно, к такому одеянию куда больше пришлась бы подстать висящая на поясе чернильница, нежели шпага. И все – таки у него была шпага, которая словно подражая робким манерам хозяина, так же застенчиво шлепала его во время ходьбы по лодыжкам.

Перейдя двор, два молодца почти одновременно оказались перед дверью главного вестибюля; и, взглянув друг на друга краем глаза, каждый о другом, подумал одно и то же:

– Нет, этому оборванцу, золотой дом не продадут.

Глава 2. Два призрака

И оба были правы. Если бы достославные Робер Макар и Бертран, нарядившись в костюмы мастеров шпаги времен Людовика XIV, проделали долгое, изнуряющее, полное опасностей, лишений, голода, столкновений с грабителями и прочих невзгод путешествие, они имели бы такой же жалкий, обшарпанный вид. Макар с нескрываемым сочувствием взирал на своего коллегу, который поднял до подбородка воротник, тщетно пытаясь скрыть отсутствие рубашки.

– Совсем дошел до ручки несчастный, – подумал он.

В свою очередь Бертран, плохо видевший лицо неизвестного собрата из-за его густых давно нечесанных косм, с искренним состраданием заключил.

– Этот бедолага позорит имя христианина. Горько сознавать, что человек, носящий шпагу, мог так опуститься. Уж я то, по крайней мере, выгляжу в границах приличия.

И он не без гордости окинул взглядом свое тряпье.

А Макар тем временем подумал:

– Я то, хотя бы, не вызываю к себе жалости, – и горделиво расправил плечи.

На пороге вестибюля появился с наглой, как и подобает, физиономией лакей.

Двое прибывших в унисон подумали:

– Конечно, этого бедолагу лакей не пропустит.

Макар подошел к дверям первый. Выпятив грудь и держа руку на эфесе шпаги, он надменно произнес:

– Я пришел покупать, оболтус!

– Покупать что? – лакей не расслышал последнего слова.

– Что мне понравится, охламон. Посмотри на меня хорошенько. Я друг твоего хозяина и чертовски богат. Усек?

Он взял лакея за ухо и оттащив его в сторону, уверенно прошел в здание. Когда лакей, потирая ухо, вернулся к дверям, перед ним предстал Бертран, с изысканной учтивостью взметнувший свою бесполоую, похожую на детский горшок шляпу.

– Миленький мой, – Бертран доверительно понизил голос. – Я друг твоего хозяина, пришел к нему по вопросу... финансов.

Еще не вполне опомнившийся после общения с предыдущим посетителем лакей пропустил в дом и второго. Макар уже прошел в залу и, свысока поглядывая на обстановку, рассуждал:

– Да уж, славненько, видать, здесь живется!

Вошедший следом Бертран восхищенно пробормотал:

– А ведь мсьё Гонзаго совсем неплохо устроился. Совсем не плохо, хоть и итальянец!

Посетители находились в разных концах залы. Макар заметил Бертрана.

– Надо же! – недоумевал он. – Этого малого пропустили? Удивительно. Пресвятая сила!

До чего же он страшон.

И Макар разразился смехом.

– Неужели сей оборванец, надо мой смеется? – опешил Бертран. – Кто бы поверил?

И он, придерживая бока, тоже засмеялся.

– Бесподобный чудак!

Заметив его смех, Макар подумал:

– Нет, тут что-то не так. Может быть, этот прохвост уже успел в темном переулке кого-нибудь обчистить, и теперь в его карманах звенят экую. Черт возьми, не худо бы с ним познакомиться!

– Как знать, – думал в эти мгновения Бертран. – Сегодня здесь можно встретить кого угодно. Нельзя судить по одежке. А что, если этот здоровяк кого-то вчера уколошил, и его мошну теперь распирают луидоры. Надо бы его немного прощупать.

К Бертрану приблизился Макар.

– Мое вам почтение! – сказал он, с достоинством кивнув головой.

– Мое почтение, мсьё! – почти одновременно с ним произнес Бертран и отвесил глубокий до пола поклон, после чего оба, как сжатая пружина, распрямились. Южный акцент Макара потряс Бертрана, в то время как тут его гундосого, будто помеченного хроническим насморком выговора в свою очередь задрожал Макар. Задрожал всем телом от головы до пят.

– Силы небесные! Возможно ли? Неужели это ты, милый плутишка Паспуаль?

– Господи, Твоя воля! Кокардас! Кок – к – к – ардас... Мла – а – адший! – заикаясь от нахлынувших чувств, произнес нормандец, и его глаза по обыкновению увлажнились. – Не могу поверить такому счастью! Неужели это, ты, ты, дорогой мэтр?

– Как видишь, собственной персоной и со всеми, как говорится, потрохами. Ах ты, крапленый туз, да обними же меня, дружище!

Он широко распахнул свои огромные руки. Паспуаль кинулся к старому другу и оба застыли в объятиях, напоминая две большие кучи тряпья. Их чувства были глубоки и искренни.

– Ну, хватит же! – сказал, наконец гасконец. – Подумать только, я опять слышу твой голос, мой милый шалопай!

– Девятнадцать лет разлуки! Не шутка, – бормотал Паспуаль, вытирая глаза рукавом.

– Святые угодники! – воскликнул гасконец. – Как ты обнищал. У тебя даже нет носового платка, неряха!

– Должно быть в проклятой толчее его у меня украли, – не моргнув глазом симпровизировал Паспуаль. Кокардас порылся в своих карманах и, конечно, ничего там не найдя, с напускным возмущением заметил:

– Эх, серп им в жатву, этот мир просто кишит ворюгами. Эка незадача, мой любезный. Да. Девятнадцать лет! Как молоды были мы с тобой тогда!

– Не говори, возраст для безумств любви! А знаешь, в душе я по – прежнему молод!

– А я как и тогда так же лихо выпиваю.

Они помолчали, пристально глядя друг другу в глаза.

– Увы, дорогой мэтр Кокардас, – нарушил молчание Паспуаль, – прошедшие годы не пошли тебе на пользу.

– Честно говоря, старина Паспуаль, – ответил гасконец, в жилах которого к тому же пульсировала и кровь провансальца, – мне грустно это видеть, но ты еще больше подурнел.

Паспуаль, озарясь загадочной улыбкой, в которой одновременно читались скромность и гордость, ответил:

– Женщины думают иначе. Впрочем, не смотря на возраст, ты прекрасно выглядишь, все тот же твердый шаг, косая сажень в плечах, грудь колесом, живой взгляд. Только что тебя увидев, я подумал: «Черт побери, вот настоящий благородный господин!»

– То же самое подумал о тебе и я! – не на йоту не смутившись, заверил приятеля Кокардас.

– Это все благодаря женщинам! – зарделся польщенный нормандец. – Ты просто не представляешь, до чего благотворно они на меня влияют.

– Чем же ты, мой голубчик, занимался все время после... после того дела?

– После того... в траншеях замка Келюса? – повторил Паспуаль, и голос его задрожал. – Эх, лучше об этом не говорить. У меня перед глазами до сих пор горит взгляд Маленького Парижанина.

– Точно. Его глаза сверкали таким гневом, что казалось, озаряют ночную тьму.

– Как он со всеми расправился!

– Пресвятая сила! Какой град ударов, просто загляденье! Когда я думаю о той ночи, то чем дальше, тем больше осознаю, что нам следовало тогда бросить деньги в лицо Пейроля и стать на защиту Лагардера, так нам должна была повелеть честь мастера шпаги. Невер был бы сейчас жив! Но, видать, не судьба!

– Конечно, – тяжело вздохнул Паспуаль. – Именно так мы и должны были поступить.

– Не надевать тупые наконечники на шпаги, а грудью встать на защиту Лагардера, нашего лучшего воспитанника.

– А потом и нашего учителя! – дополнил Паспуаль, невольно снимая с почтением шляпу.

Гасконец с чувством пожал своему товарищу руку, и оба замолчали.

– Теперь поздно сокрушаться, – произнес, наконец, Кокардас. – Что упало, то пропало. Не знаю, как сложилась жизнь у тебя, мой дорогой, но у меня, если говорить честно, – неважно. Когда по нам стали палить из карабинов архаровцы Каррига, я через баню проник в замок, а ты

куда-то исчез. Пейроль не взял нас, как накануне обещал, на службу к Гонзаго, а на следующий день всех отпустил, пояснив это тем, что наше пребывание в стране усилит подозрения против Принца, которые уже тогда у многих начали возникать. Пейроль кое-что нам еще заплатил, (меньше, конечно, чем обещал), и мы разбежались, кто куда. Перейдя границу Франции, я долго пытался набрести на твой след, – и все – безуспешно, как тебе известно. Сначала я прибыл в Памплону, затем в Бургос, потом в Саламанку, наконец, добрался до Мадрида.

– Испания дивная страна! – мечтательно заметил Паспуаль.

– Да перестань ты! Что там хорошего? Вместо благородной шпаги, повсюду сверкает разбойничий кинжал. Точно так же, как, увы, и в Италии. Вот там действительно благословенный край. Если бы не варварский обычай вести бой ножами, Италия была бы настоящим земным раем. Ну, хорошо. Короче, из Мадрида я перебрался в Толедо, из Толедо в Квидад – Реаль, потом Кастилью; – там мне пришлось поиметь несколько пренеприятнейших столкновений с местными алькальдами, после чего я ушел в Валенсию. Крапленый туз! Вот уж поистине роскошного вина попил я на Мальорке и в Сегрбе. Оттуда перекочевал в Каталонию, (меня нанял на службу один отставной офицер, он с моей помощью избавился от своего кузена). Тоже, скажу тебе, забавный край, – эта испанская провинция Каталония. На дорогах Тортозы, Таррагоны и Барселоны встречается много благородных господ, но у всех длинные клинки и тощие кошельки. В конце концов, поняв, что в моих карманах больше не осталось мараведи, я пересек Пиренеи в обратную сторону. Потянуло, понимаешь, на Родину. Вот вкратце и все, голубчик.

Гасконец вывернул свои дырявые карманы и показал брату Паспуалю их удручающую пустоту.

– Ну а ты-то как, рыбка моя?

– Я? – ответил нормандец, – улепетывал от кавалеристов Каррига до самого Баньер де Лушона. Поначалу я тоже намеревался попасть в Испанию, но повстречался с одним бенедиктинским священником, который, прельстясь моей благообразной внешностью, решил взять меня к себе на службу. Он направлялся в город Кель на Рейне, куда хотел доставить свои немалые сбережения в пользу общины бенедиктинцев. Я должен был нести его свертки и чемодан. Поначалу мы с ним двигались по одной дороге. Но потом получилось так, что я пошел своей собственной дорогой.

– А его багаж и деньги, небось, остались с тобой?

В ответ брат Паспуаль потупил взор и густо покраснел.

– Ты неисправимый плут, – с нежностью заключил гасконец.

– Ну, значит, добрался я до Германии. Вот уж где настоящий разбойничий вертеп. Ты говоришь, в Испании и Италии в моде кинжалы. Они хотя бы из металла, – и то хорошо. Немцы же дерутся пивными кружками. В Майенсе хозяйка гостиницы, где я остановился мало – помалу, освободила меня от дукатов бенедектинца. Она была так нежна и очень меня любила. И это, заметь, при живом-то муже! Ах, черт возьми, – прервал рассказ нормандец, – ну почему я так нравлюсь женщинам? Если бы не они, я давно бы уже имел свой домик в деревне, где было бы мне место в старости приклонить голову, маленький садик, с усеянными маргаритками лужайками. Поблизости журчит речушка. На берегу стоит моя мельница...

– А мельницей управляет розовощекая мельничиха, – вставил гасконец. – Ты по – прежнему горяч, как раскаленный металл.

Паспуаль с силой ударил себя кулаком в грудь.

– Проклятая страсть! – воскликнул он, молитвенно воздевая взгляд к небесам. – Она не дает человеку жить, мешает сколотить хоть немного денег на черный день!

Сформулировав свое философское кредо брат Паспуаль продолжал:

– Я, как и ты, бродил из города в город. Преподавал фехтование. При этом ни одного способного ученика. Скучная страна: все какие-то сытые, глупые, завистливые. Бездарные, ничего

кроме луны, не способные воспеть поэты. В костелах не поют мессы, женщины... Впрочем о женщинах не буду, хотя их чары постоянно совращают меня с истинного пути и губят мою карьеру; наконец эта жесткая говядина, которую не разгрызть даже моими зубами; а вместо ароматного вина какая-то горько кислая пена, которую они называют пивом.

– Крапленый туз! – с решимостью произнес Кокардас. – Никогда не поеду в эту пакостную страну.

– Я побывал, – заканчивал рассказ брат Паспуаль, – в Кельне, Франкфурте, Вене, Берлине, Мюнхене и в разных других городах. Потом, как и ты, затосковал по родине, пересек Фландрию и вот, как видишь, здесь.

– Да здравствует Франция! – воскликнул Кокардас. – Нет на свете страны лучше нашей Франции, мой милый!

– Благородная страна!

– Родина лучших вин!

– Земля любви!

Немного успокоившись после патриотического дуэта, брат Паспуаль серьезно спросил:

– Но только ли отсутствие мараведи вкупе с тоской по родине заставили тебя пересечь обратно границу, любезный мой мэтр?

– А ты, сам-то, почему вернулся? Неужели только из-за ностальгии по Парижу? – вопросом на вопрос отозвался гасконец.

Паспуаль отрицательно покачал головой, а Кокардас удрученно опустил глаза.

– Есть и другая причина, – после короткого молчания пояснил он. – Однажды вечером на перекрестке улиц я лицом к лицу натолкнулся... угадай на кого?

– Понимаю, – Паспуаль побледнел. – Такая же встреча произошла и у меня в Брюсселе, после чего я бегом покинул бельгийскую столицу.

– Увидев его лицо, милый мой, я понял что в Каталонии мне больше делать ничего. Ничего не попишешь, дружок. В конце концов уступить дорогу Лагардеру не позорно!

– Не только не позорно, мэтр, но и в высшей степени благоразумно! Ты помнишь слова Лагардера тогда на дне траншеи у Келюса? – нормандец невольно понизил голос.

– Конечно, помню, – ответил гасконец. – Он сказал: «Все вы умрете от моей руки!»

– Так вот, уже началось. Нас в траншее было девять, если учитывать Лоррена, командира дезертиров. О его людях я не говорю.

– Девять прекрасных мастеров клинка, – задумчиво произнес Кокардас. – В конце боя они все остались на дне траншеи, – избитые, раненые, изуродованные, – но живые.

– Именно, так. И вот по прошествии лет первым покинули этот мир Штаупиц и Лоррен. Не смотря на угрюмый мужланский вид, Штаупиц имел семью. Лоррен, в прошлом человек военный, и испанский король пожаловал ему должность командира полка. Однажды Штаупица нашли мертвым под стеной его собственного дома в Нюрнберге. В его голове во лбу посредине было отверстие от шпаги, – и брат Паспуаль показал на себе соответствующее место.

Невольно повторив за нормандцем указующий жест, Кокардас подхватил:

– Полковник Лоррен умер в Неаполе, сраженный ударом клинка в лоб как раз между глазами. Те, кто знают и помнят страшную ночь в траншее, должны понять, что этот удар шпагой в середину лба – знак мести, о которой было объявлено.

– Все участники нападения на Невера разбрелись в разные стороны и в конце концов неплохо устроились, – вел дальше Паспуаль, – господин Гонзаго не обошел своей милостью никого, кроме нас с тобой. Пинто женился в Турине, Матадор открыл школу фехтования в Шотландии, Жоэль де Жюган, купив титул графа, поселился где-то в Нижней Бретони.

– Так, так, – подтвердил Кокардас. – Они были беззаботны и беспечны. А потом Пинто был убит в Турине, а Матадор в Глазго.

– Жоёля де Жюгана порешили в Морле, – продолжал брат Паспуаль, – и все, все убиты одним приемом.

– Удар Невера!

– Грозный удар Невера!

Они помолчали.

Кокардас тыльной стороной ладони откинул назад шляпу, чтобы утереть со лба пот.

– Остается Фаёнца, – вновь заговорил он.

– И Сальдань, – прибавил брат Паспуаль.

– Гонзаго этих двоих наградил особо щедро. Фаёнца получил дворянский титул «шевалье».

– А Сальдань – барона. Но придет и их черед.

– Рано и поздно, – пробормотал гасконец, – придет и наш с тобой.

– И наш тоже, – повторил, дрожа, Паспуаль.

Кокардас вдруг распрямился.

– И все – таки, – решительно произнес он. – Знаешь что? Когда, сраженный его справедливым возмездием, я с дыркой во лбу упаду на землю, если Всевышний оставит мне немного сил, я скажу Лагардере, как когда-то: «Эй, малыш, ну протяни же мне руку, и чтобы я со спокойной душой протянул ноги, прости старого Кокардаса!» Господи, Твоя воля! Больше мне ничего не надо.

В глазах Паспуаля появились слезы и он сказал:

– Я тоже буду умолять его о прощении, но постараюсь сделать это чуть раньше, чем он нанесет мне свой страшный удар.

– Что ж, в добрый час, дружок! Как бы то ни было, пока что дорога во Францию для Лагардера закрыта. По крайней мере, в Париже его нет.

– Конечно, нет, – повторил нормандец не очень уверенно.

– На худой конец, на всем свете здесь как раз то место, где менее всего можно опасаться его встретить. Поэтому я сюда и пришел.

– Я – тоже.

– Кроме того, не мешает напомнить о себе принцу Гонзаго.

– По-моему, он нам кое-что задолжал.

– Сальдань и Фаёнца могут нам составить протекцию.

– И мы сделаемся такими же сиятельными синьорами как они.

– Конечно, дружок, мы с тобой будем шикарными аристократами.

Гасконец снял шляпу и, будто шутя, виртуозно исполнил перед другом приветственный реверанс, в ответ на что, нормандец серьезно заметил:

– Я умею достойно носить костюм дворянина.

– Когда я постучал в новый дом Фаёнца, – перевел на другое Кокардас, – слуга мне доложил: «Господин шевалье, утомился и сейчас отдыхает». Каково? – Кокардас подернул плечами, – «Господин шевалье», видите ли, «отдыхает». Ведь было же время, когда он стелился передо мной, так трава!

– А когда я пришел к Сальданю, – поведал в свою очередь Паспуаль, – выряженный, как король, метрдотель, окинув меня презрительным взглядом сообщил: «Господин барон не принимает».

– Серп им в жатву! – ухмыльнулся Кокардас. – Когда мы с тобой обзаведемся настоящими лакеями, я возьму такого надменного, какие бывают только у палачей!

– Эх, – вздохнул Паспуаль, – иметь хотя бы горничную!

– Эх, крапленный туз! Все придет в свое время, мой дорогой. Если я верно понял, ты еще не виделся с мсьё де Пейролем?

– Я хочу встретиться лично с принцем.

- Говорят, он очень богат. Будто у него миллионы!
- Миллиарды! Дворец, где мы с тобой находимся, называют золотой дом. Так-то. Знаешь, дорогой мэтр, я – не гордый: если мне представится возможность, я не прочь сделаться финансистом.
- Фу, какая гадость! От тебя ли, истого мастера клинка я это слышу?
- Последние слова мэтра Кокардаса Младшего вырвались у него из глубины души. Но, быстро взяв себя в руки он тут же прибавил:
- Грустно, конечно. Но что поделаешь? Если правда то, что здесь можно сколотить состояние, голубчик, ...то...
- Еще какая правда! – с пылом воскликнул Паспуаль. – Ты просто еще ничего не знаешь!
- Да нет, кое-что слышал, но, видишь ли, я уже вышел из возраста, когда верят в сказочные чудеса.
- Тут не сказки, мэтр. Однако, настоящие чудеса, и им нельзя не верить. Ты что-нибудь слышал о горбуне с улицы Кенкампуа?
- О том, что профессор предлагает свой горб в виде пюпитра при подписании сделок?
- Да, предлагает, но не бесплатно. Он его сдает в аренду, и за два года, таким образом, приобрел, если верить слухам, полтора миллиона ливров.
- Веселенькая байка! – захохотал гасконец.
- Разумеется, не грустная, так как теперь он намеревается жениться на графине.
- Полтора миллиона с одного горба! Боже Всемогущий!
- Друг мой, – с жаром заговорил Паспуаль. – Скитаясь у черта на рогах, мы потеряли лучшие годы нашей жизни. Но теперь настал наш звездный час. Понимаешь, перед нами несметные сокровища, – и требуется лишь поклониться, чтобы их поднять. Завтра луидоры превратятся в ничто, – их место займут кредитные билеты. По дороге сюда я видел, как мальчишки играют в бушон, для фишек используя монеты в шесть ливров.
- Кокардас облизал пересохшие губы.
- Ну и дела, – с досадой заметил он. – Во времена молочных рек с кисельными берегами, кто оценит искусство настоящего мастера клинка, владеющего точным виртуозным ударом? Серп им в жатву!
- Он расправил грудь и топнул ногой так, что по зале прокатилось эхо. Паспуаль зажмурился.
- Не шуми же так! Слышишь? Сюда, кажется, идут. – И, припав к уху старого друга, прибавил шепотом:
- Думаю, что наше мастерство, еще кое-что будет стоить, и, смею надеяться, стоить немало. Но об этом можно узнать только от самого мсьё де Гонзаго.

Глава 3. Торги

Зала, где после долгой разлуки произошла счастливая встреча двух старых друзей, занимала центральную часть интерьера главного корпуса особняка Гонзаго. Затянутые тяжелыми шторами голландского сукна окна выходили на узкий огражденный решеткой газон. Принц решил его не разрушать и отныне называть: «собственный сад госпожи принцессы». В отличие от других комнат второго и первого этажей, где сейчас полным ходом шла перестройка, тут пока что все осталось нетронутым. Просторное величественное помещение, обставленное добротной, но строгой мебелью представляло не только место для балов и развлечений. Рядом с облицованным русским малахитом камином возвышались укрытые длинноворсными турецкими коврами подмостки, вроде тех, что устанавливаются в залах судебных заседаний государственного значения. Так оно и было. В разные эпохи по торжественным случаям здесь собирались вместе со своими родственниками главы таких знаменитых фамилий как: Лотарринги,

Шеврё, Жуайо, Омали, Эльбёфы, Неверы, Меркёры, Мейены и Гизы. И лишь, благодаря возникшему в последние дни по меркантильным причинам хаосу во дворце, нашим бродягам удалось сюда проникнуть. Как бы то ни было, оказавшись в доме Гонзаго, они могли чувствовать себя здесь, по крайней мере, еще в течение суток, в большей безопасности, чем где бы то ни было. Сегодня тут должен был состояться важный семейный совет, и лишь с завтрашнего дня зала переходила в распоряжение строителей, которым было поручено перекрыть пространство, соорудив необходимые для коммерческих операций огражденные дощатыми перегородками каморки.

– Скажи, – дождавшись, пока шаги в коридоре утихли, произнес Кокардас. – Когда ты увидел в Брюсселе Лагардера, он был один?

– Нет, не один, – ответил брат Паспуаль. – А когда по дороге в Барселону его увидел ты...?

– И тогда он был не один.

– С кем же?

– С какой-то девушкой.

– Красивой?

– Очень красивой.

– Удивительно! Во Фландрии он тоже был с девушкой, необыкновенно красивой. Кстати, как выглядела та, что ты видел с ним в Испании, – во что одета?

– Как выглядела? Во что одета? Обворожительная испанская гитана. А твоя?

– Скромная, тихая, прекрасная, как ангел небесный, благородная барышня.

– Удивительно! – в свою очередь изумился Кокардас. – А возраст? Сколько ей на вид было лет?

– Наверное, столько же, сколько было бы ребенку, которого в ту с ночь он унес.

– И гиганта того же возраста... Знаешь, о чем я вдруг подумал, когда только что ты и я прикидывали в уме имена кандидатов в покойники, мы назвали нас с тобой, потом шевалье Фаёнца и барона Сальданя, но почему-то не учли принца Гонзаго и его подручного Пейроля.

В это время раскрылась здесь из вестибюля, и Паспуаль, быстро прошептав в ответ:

– Поживем – увидим, – затих.

В зале появились облаченный в длинную ливрею метрдотель, а за ним двое мастеров с линейками и мелками. Вошедшие были настолько заняты своим делом, что даже не взглянули в сторону наших знакомых, и те, вспрыгнув на невысокий подоконник, успели укрыться за шторой.

– Поживее, пожалуйста! – давал распоряжение рабочим метрдотель. – Всю площадь нужно расчертить на равные участки по четыре квадратных фута. И поторопитесь, чтобы завтра, а еще лучше, сегодня можно было приступить к работе.

Мастера немедленно взялись за дело. Один замерял и прижимал к полу линейку, второй по ней чертил мелом и затем по центру квадрата ставил номер. Первая очерченная клетка имела номер 927, остальные шли в возрастающем порядке.

– Что эти черти тут чертят? – глядя в щель между шторами, спросил у товарища гасконец.

– Разве ты не понял? Каждый квадрат означает место, на котором завтра выгородят деревянную клетушку. Судя по цифрам, у принца Гонзаго уже выстроено без малого тысяча таких закутков.

– Но зачем они нужны?

– Чтобы делать золото.

Кокардас удивленно расширил глаза, и брат Паспуаль поведал ему о том грандиозном подарке, которым Филипп Орлеанский недавно наградил своего друга принца Гонзаго.

– Как? – едва не в голос воскликнул гасконец. – Каждая крошечная кабинка здесь стоит, столько же, сколько целая ферма в деревне? Просто великолепно! Надо во что бы то ни стало устроиться на службу к столь состоятельному синьору мсье де Гонзаго!

Тем временем продолжались работы по разметке. Метрдотель был недоволен.

– Номера 935, 936, 937 у вас получились слишком большими. Не забывайте, что каждый дюйм стоит золота.

– Выходит, что эти неказистые серые ассигнации действительно чего-то стоят! – сказал Кокардас.

– Так же действительно, как и то, что золото и серебро скоро превратятся в кучу мусора.

– Плохо дело, – серьезно заметил Кокардас. – Крапленный туз! Не знаю, может быть, сегодня это старомодно, но я грешным делом всегда уважал и уважаю звенящие пистолы.

– Номер 941, – объявил метрдотель.

– Кабина будет неполной, – сказал державший мел мастер. – Всего 2,5 квадратных фута. Больше не позволяют стены.

– Достанется какому-нибудь тощему доходяге, – усмехнулся Кокардас.

– Как только здесь закончится совет, пришлите сюда столяров. Сразу же. Ясно? – показал метрдотель.

– Какой еще совет? – не понял Кокардас.

– Постараемся узнать. Когда ты в курсе всех дел, легче справиться и со своими собственными.

Услышав столь взвешенное рассуждение, Кокардас ласково, как отец любимого сына, потрепал ладонью брата Паспуаля по подбородку. Лакей и разметчики ушли. Внезапно из вестибюля донесся шум приближавшейся толпы. Послышались крики:

– Мне!

– Нет, мне! Я записан раньше. Никаких привилегий!

– Это что-то новое, – прошептал гасконец. – Интересно из-за чего сыр бор?

– Не шумите! Не шумите! Спокойствие! – покрывая шум, в дверях прозвучал властный голос.

– Это мсье де Пейроль, – сказал брат Паспуаль. – Нельзя, чтобы он нас увидел.

Они еще глубже отодвинулись в оконный проем, и пошире затянули за собой шторы.

В это время в залу входил преследуемый, а точнее стиснутый толпой конкурентов господин де Пейроль. Эти люди представляли необычный тип просителей, готовых заплатить большие деньги за ничто.

На Пейроле был роскошный по последней моде, что называется «с иголочки» костюм. Его сухощавые запястья окаймляли пышные гофрированные жабо, скрепленные сверкавшими бриллиантами запонками.

– Спокойно, спокойно, господа! – урезонивал он шумевших, обмахиваясь надушенным носовым платком, не без удовольствия ощущая свое превосходство над этими людьми. – Не надо так напирать, – соблюдайте приличия.

– Ах гад! Он просто великолепен! – прошептал гасконец.

– Да уж, умеет править бал, – согласился брат Паспуаль.

Справа и слева от Пейроля находились два, вооруженных заточенными карандашами и большими блокнотами секретаря.

– Не теряйте голову и чувство собственного достоинства, – продолжал настаивать Пейроль, с изысканной брезгливостью сбивая щелчком со складок своего воротника крупинки нюхательного табака. – Ишь как вас залихорадила жажда наживы.

И он развел руками с таким неподдельным сожалением, что укрывшиеся за шторой мастера шпаги насилию сдержали аплодисменты. Однако покупатели не желали внимать заключенному в словах Пейроля здравому смыслу.

– Мне!

– Нет. Я раньше! Моя очередь! – продолжались крики.

Горделиво распрямившись и подбоченясь фертотом, Пейроль заявил:

– Господа! – установилась тишина. – Я уполномочен перед вами представить интересы его высочества принца де Гонзаго. Я управляющий его делами. Почему некоторые позволяют стоять передо мной в шляпе?

Все кроме дам, немедленно сняли головные фетры.

– Вот так-то будет лучше, – продолжал Пейроль. – А теперь, внимание, господа!

– Да замолчите же вы, наконец. Дайте послушать.

– Сами и замолчите! – переговаривались в толпе.

– Завтра в этой зале, – говорил Пейроль, – будут выстроены и сданы внаем тем из вас, кто пожелает заплатить назначенную цену, конторки для совершения коммерческих операций.

– Браво!

– Здесь последняя, пока не сданная в наем площадь. Все остальное, за исключением личных покоев их высочеств принца и принцессы, уже имеет новых хозяев. Теперь слово за вами.

Толпа опять заволновалась.

– Мне! Мне! Я записан и никому не уступлю свою очередь.

– Не толкайтесь! Как не стыдно? А еще мужчина! Никакого уважения к женщине!

Да, среди просителей были и дамы. Наверное, прабабушки нынешних неприглядных представительниц прекрасного пола, что в будние дни пополудни, пугая прохожих, толпятся у здания биржи.

– Мужлан!

– Грубиян!

– Хам!

В ход пошла ругательства покрепче и женский визг. Кто-то кому-то вцепился в волосы. Кокардас и Паспуаль чтобы увидеть потасовку немного высунулись из-за штор.

В этот момент в стене за укрытыми коврами подмостками широко распахнулась двустворчатая дверь.

– Гонзаго! – прошептал гасконец.

– Миллиардер! – прибавил Нормандец.

И оба опять спрятались за шторой.

Действительно на подмостках в компании двух молодых аристократов появился сам Гонзаго. Не смотря на то, что его возраст приближался к пятидесяти, он по – прежнему был красив. Его высокая фигура сохранила юношескую гибкость. На лбу ни морщинки. Густая, тяжелая, немного умощенная бриллиантом черная как смоль шевелюра блестящими кольцами опускалась на воротник бархатного кафтана самого простого покроя. Роскошь наряда принца не имела ничего общего с костюмом Пейроля. Подпирившее подбородок Гонзаго жабо само по себе стоило не меньше пятнадцати тысяч ливров. Свисавшую с шеи золотую цепочку украшали бриллианты общей стоимостью не менее миллиона, но она почти целиком укрывалась жилеткой из ослепительно белого сатина.

Двое сопровождавших принца господ: его кузен по линии Неверов повеса Шаверни и Навай младший пудрились и украшали лица рисованными мушками. Это были очаровательные молодые люди, – немного женоподобные, немного развязные. Невзирая на ранний час, они были уже навеселе, успев изрядно хлебнуть шампанского. Свои шелка и бархат они носили с очаровательной небрежностью. Навай был лет двадцати пяти, маркизу де Шаверни, недавно исполнилось девятнадцать. Увидев собравшуюся в зале толпу, они, на мгновение раскрыв рты, застыли, а затем разразились веселым смехом.

– Господа, господа! – призывал Пейроль, снимая шляпу. – Проявим уважение к мсье принцу!

Разгоряченная, готовая уже было вступить друг с другом в рукопашную толпа покупателей мгновенно, как по мановению волшебной палочки успокоилась. Все кандидаты в наниматели будущих контор одним движением склонили головы, а дамы шаркнули ножками в приветственном реверансе. Гонзаго чуть заметно кивнул всем рукой и обратился к своему управляющему.

– Поторопитесь, Пейроль. Скоро эта зала мне понадобится.

– Какие очаровашки! – произнес сквозь смех юный Шаверни, в упор лорнируя толпу.

– Они просто прелесть! – поддержал его Навай, у которого от смеха выступили слезы.

Пейроль приблизился к Гонзаго и, понизив голос, доложил:

– Они созрели, доведены до белого каления, – заплатят, сколько бы с них не потребовали.

– А почему бы не начать торги! – воскликнул Шаверни. – Вот уж, полагаю, будет забавно!

– Помолчите! – оборвал его Пейроль. – Мы пока не за обеденным столом, чтобы валять дурака, господин шут.

Но идея начать торги ему понравилась, и, обращаясь к Гонзаго и его свите, он спросил:

– С какой цены будем начинать?

– Пятьсот ливров в месяц за четыре квадратных фута! – зубоскалил Навай, полагая, что названная им цифра во много раз превосходит все разумные пределы.

– Тысячу ливров в неделю! – поддержал шутку приятеля Шаверни.

– Начни с полутора тысяч, – совершенно серьезно произнес Гонзаго.

– Господа наниматели! – обратился к толпе Пейроль. – Поскольку последние свободные площади занимают лучшие во дворце места, то мы намерены их сдать внаем, по самой высокой цене. Итак – № 927 – полторы тысячи ливров.

По толпе пронесся шепот, но в голос никто не отозвался.

– Черт возьми, кузен, – оживился Шаверни, – сейчас я вам помогу.

И громко выкрикнул:

– Две тысячи ливров!

Покупатели растерянно переглянулись.

– Две тысячи пятьсот! – прибавил Навай, гордясь своим широким жестом.

Ошеломленные претенденты молчали.

– Три тысячи, – сдавленным голосом вдруг из толпы выкрикнул торговец шерстью.

– Продано! – поспешил Пейроль.

Гонзаго метнул в сторону своего управляющего злобный взгляд. Пейроль мыслил слишком узко, видимо опасаясь, что людская глупость не безгранична.

– Не хрена себе! – прошептал Кокардас.

Паспуаль, стиснув руки, застыл в напряженном внимании.

– № 928! – продолжал управляющий.

– Четыре тысячи ливров, – небрежно бросил Гонзаго.

– Это слишком много! – робко пыталась возразить одна посетительница. Недавно за двадцать тысяч ливров она на улице Кенкампуа купила большую лавку, где теперь продавала лучшие в Париже подвенечные наряды.

– Беру! – крикнул аптекарь.

– Даю четыре тысячи пятьсот, – перебил цену аптекаря торговец скобяными товарами.

– Пять тысяч!

– Шесть!

– Продано! Номер 929! – и под сверлившим его взглядом Гонзаго Пейроль прибавил: – Десять тысяч ливров!

– За четыре квадратных фута! – ошалело прошептал Паспуаль.

– Меньше, чем занимает могила, – задумчиво заметил Кокардас.

Торги набирали обороты. У продавцов и покупателей от азартных страстей кружились головы. Судьба площадки № 929 решалась с обеих сторон такой самоотверженностью, как будто от этого зависела чья-то жизнь. Когда Гонзаго за следующий номер назначил пятнадцать тысяч, это никого не удивило. Расплата производилась на месте, звонкой монетой и государственными кредитками. Один из секретарей Пейроля получал деньги, а второй вписывал в блокнот имя купившего. Шаверни и Навай больше не зубоскалили.

– Идиотизм! – сказал маркиз.

– Просто глазам не верю! – соглашался Навай.

Гонзаго высокомерно усмехался. Даже в решительные минуты он не терял игривого тона.

– Да, господа, Франция поистине дивная страна! – и тут же решительно прибавил. – Все остальные площадки пойдут по двадцать тысяч ливров.

– За четыре квадратных плевка! – не переставал изумляться юный Шаверни.

– Мне!

– Мне!

– Мне! – орали в толпе.

Между мужчинами начались драки. Некоторые женщины, не выдержав сутолоки, падали одна на другую, но даже при этом, потирая ушибленные места, визгливо вопили:

– Мне!

– Мне!

– Мне!

Все смешалось в беспорядочную массу: люди, монеты, бумажки, крики восторга, крики гнева, крики отчаяния. Золотые монеты сыпались потоком на приставленную к подмосткам лестницу, служившую расчетным прилавком. Удивительно было наблюдать ту поспешность, с которой люди опорожняли толстые кошельки и карманы. Получившие квитанцию, победно размахивали ими над головой, и уходили пьяными от счастья. Те, кому не досталось, рвали на себе волосы.

– Мне!

– Мне!

– Мне!

Пейроль с секретарями не знали, кого слушать. Началась групповая истерия. На последних клетушках паркет был испачкан кровью. Самая последняя неполная площадка под номером 942, та которая занимала всего два с половиной квадратных фута, была продана за двадцать восемь тысяч ливров, и Пейроль, с шумом захлопнув блокнот прокричал:

– Господа, торги закончены!

Наступила тишина. Новоиспеченные хозяева квадратов очумело взирали друг на друга, не веря своему счастью.

– Надо освободить помещение от людей, – понизив голос, сказал Гонзаго Пейролю. Но в этот момент из вестибюля в залу вошла еще одна группа. Это были приближенные к принцу аристократы, они здесь появились, чтобы его поприветствовать. Заметив, что у Гонзаго люди, они немного растерялись.

– Входите, входите же, господа! – обратился к вошедшим принцу. – Эти люди сейчас уйдут.

– Смелее, не робейте! – вставил Шаверни. – Они не прочь вам уступить свое приобретение за двойную цену! Ха – ха – ха...

– И еще продешевят! – дополнил Навай. – А – а! Привет, Ориоль!

– Так вот оказывается, где золотое дно! – произнес Ориоль, опустив голову в приветственном поклоне перед Гонзаго. Этот Ориоль был молодой подающий большие надежды откупщик.

Среди вновь прибывших выделялись Альберт и Таранн, – оба финансисты, прибывши из Германии в погоне за развлечениями в Париж барон Батиц, виконт де ла Фар, Монтобер, Носе, Жирон, – все великосветские повесы, все дальние родственники Неверов, или юридические поверенные в их делах. Всех их Гонзаго пригласил на семейный совет, который вскоре должен был состояться в этой зале, тот самый совет, о котором говорил метрдотель, отдавая распоряжения мастерам.

– Как торги? – спросил Ориоль.

– Не ахти! – с холодком ответил Гонзаго.

– Ты слышал? – прошептал в своем углу Кокардас, утирая с лица пот, Паспуаль сказал:

– Он по – своему прав. Эти полоумные готовы были ему отдать все до последней нитки.

– Не поверю, чтобы вы, господин Гонзаго могли допустить промашку в делах! – Ориоль провоцировал принца на откровенность.

– Судите сами, я сдал последние квадраты по двадцать три тысячи ливров.

– В год?

– В неделю?

Вновь прибывшие смотрели на расчерченный мелом паркет, на покупателей, на принца, видимо соображая, не разыгрывают ли их. Но лица Гонзаго и Пейроля были серьезны.

– 23 000 ливров! – повторяли гости в крайнем изумлении.

– С этой цифры надо было начинать, – досадовал Гонзаго. – Всего на территории дворца и сада около тысячи таких отсеков. За сегодняшнее утро я мог бы выручить, чистоганом 23 000 000 ливров. На самом же деле получилось намного меньше.

– Но ведь это безумие!

– Именно, – хладнокровно согласился принц. – Массовый психоз на почве наживы. То ли еще будет! Вначале я сдал двор, потом вестибюль, лестницы и лестничные площадки, конюшни, каретные сараи, чердаки с мансардами, людские, – словом все. Сам я пока имею здесь спальню, но, право, подумываю, не перейти ли на время в гостиницу.

– Кузен, – оживился Шаверни. – Сегодня, если хочешь, я тебе сдам свою спальню.

– Чем меньше остается пригодный к найму площади, тем сильнее разгораются страсти у покупателей, – продолжал Гонзаго. – Похоже, больше ничего не осталось.

– Подумай хорошенько, кузен, – не унимался Шаверни. – Может быть вспомнишь о чем-нибудь еще, что можно продать.

При слове «продать» те, кому не повезло на торгах; подошли поближе.

– Нет. Ничего, – повторил принц, а потом прибавил: – Разве что...

– Разве что, что? – закричали со всех сторон.

– Разве что сдать конуру моего пса.

Группа пришедших позднее разразилась смехом, но покупатели по-прежнему оставались серьезными.

– Вы полагаете, я шучу? – пожал плечами Гонзаго. – Могу побиться об заклад, что если захочу, то получу за нее 10 000 экю.

– 30 000 ливров за собачью будку!

Смех разрастался.

Но вдруг из толпы, пройдя между хохотавшими громче остальных Навайем и Шаверни появилась неизвестная фигура. Это был горбун. Длинные спутанные волосы парика лежали на его неестественно вздернутых плечах. Высоким скрипучим голосом уродец заявил:

– Я покупаю собачью конуру за 30 000 ливров.

Глава 4. Щедрость Гонзаго

Несмотря на желание за столь непомерную цену на недельный срок приобрести собачью будку, (вот уж поистине безумное расточительство), горбатый наниматель отнюдь не казался безумцем. Живой пронзительный взгляд, орлиный нос, из – под гротескно взлохмаченных косм пробивался высокий лоб. Загадочная улыбка, с которой он взирал на окружающих, казалось, прикрывает затаенную в глубине природы злость дьявола, – словом – настоящий горбун. Сам горб был крупным, располагался посередине спины и вздымался почти до затылка, отчего голова постоянно склонялась вперед, так что подбородок касался груди. У него были кривые, но совсем не тощие, как у большинства горбунов, ноги. Странный тип был безукоризненно одет: черный бархатистый кафтан, муслиновые жабо и манжеты сверкали белизной. Ко всему, он совершенно не смущался под многочисленными взглядами.

– Bravo, Эзоп. Умница! – воскликнул Шаверни. – Из тебя, вижу, получится рискованный и ловкий биржевой маклер!

– Рискованный, – пожалуй, – на мгновение пронзив юношу взглядом, отозвался Эзоп, – но «ловкий» ли, – поживем – увидим, – его голосок дрожал, срывался, скрипел и трещал, как погремушка. Окружавшие вслед за Шаверни повторяли:

– Bravo, Эзоп. Молодец!

Затаившиеся в оконном проеме Кокардас и Паспуаль, казалось, уже утратили способность удивляться. Однако гасконец спросил у нормандца.

– Мы прежде никогда не встречали этого горбунка, а?

– Да нет, как будто.

– Боже правый! Мне мерещится, что эти глаза я где-то видел.

Гонзаго тоже пристально изучал странного покупателя.

– Друг мой, – сказал он. – Здесь расплата наличными, вам это известно?

– А как же? Всенепременно! – охотно отозвался Эзоп, которого мы отныне так и будем называть.

Шаверни, по своему обыкновению слегка комикуя, вызвался при сделке исполнять роль поручителя со стороны покупателя. Эзоп извлек из кармана пухлый бумажник и, отсчитав из него 60 банкнот по 500 ливров, вручил их Пейролю. Все с любопытством пожирали глазами купюры, будто опасались, что они сейчас превратятся в сухие листья, – inferнальной казалась внешность того, кто их принес. Все сошло, однако благополучно. Ассигнации оказались настоящими.

– Попрошу квитанцию! – проскрипел Эзоп.

Пейроль, словно очнувшись, вручил ему расписку. Эзоп сложил ее вдвое и засунул в бумажник, в котором только что находились банкноты. Потом, удовлетворенно похлопав по нему ладонью, он многозначительно усмехнулся:

– Хороша сделка, не правда ли? До свидания, синьоры!

Почтительно поклонившись Гонзаго и компании, Эзоп направился к выходу. Толпа расступилась, давая ему дорогу. Оставшиеся все еще смеялись и обменивались шутками в адрес странного покупателя, но в то же время по зале, казалось, пронесся какой-то едва заметный холодок тревоги. Гонзаго задумался. Пейроль с официозной вежливостью, граничившей с хамством выпроваживал покупателей, которым предстояло ждать еще сутки начала действия недавно приобретенных лицензий. Окружавшие принца соратники машинально провожали взглядом толпу, освобождавшую помещение через ту самую дверь, в которой только что исчез загадочный наниматель собачьей будки.

– Господа! – обратился к соратникам принц. – Пока эту залу будут готовить к предстоящему семейному совету, прошу вас пройти за мной в мои апартаменты.

– Пошли! – сказал своему другу Кокардас. (Они все еще скрывались за оконными шторами.) – Сейчас, или никогда. Пошли!

– Как-то неловко, – ответил застенчивый нормандец.

– Не дрейфь! Я пойду первым.

И одной рукой увлекая за собой Паспуаля, а другой на ходу снимая шляпу, гасконец решительно направился вслед за Гонзаго.

– Черт возьми! – обрадовался первым увидевший их Шаверни. – Похоже, кузен решил нас сегодня изрядно поразвлечь. Смотрите, – новый маскарад! Горбун был великолепен. Но эти двое, – о – о, браво принц! Я в жизни не встречал более живописной пары головорезов!

Навай, Ориоль и все остальные образовали в арьергарде наших знакомых полукруг напминавший эскорт зевак, идущих по пятам за чудотворцами.

– Не забывай об этикете! – нашептывал на ухо другу Паспуаль.

– Крапленный туз! – отозвался тот. – Неужели эти несчастные никогда не встречали двоих достойных уважения джентльменов.

– Этот высокий с усами просто бесподобен! – восхищался Навай.

– А мне больше нравится маленький, – возразил Ориоль.

– Интересно, что им здесь понадобилось. Ведь помещение уже все сдано, вплоть до собачьей будки, – рассуждал Носсе.

Наконец они достигли Гонзаго. Тот, увидев их, вздрогнул. Справившись с мимолетным малодушием, принц осведомился:

– Чего хотят эти храбрецы?

Гасконец поклонился принцу и окружению с благородной грацией, которой он прекрасно владел, (поклоны, реверансы, приветственные жестом являлись обязательным ритуалом, – азами фехтовальной науки, магистром которой Кокардас Младший являлся уже не один десяток лет); то же, и с не меньшим изяществом, проделал и брат Паспуаль. Затем, окинув взглядом компанию зубоскалящих расфуфыренных щеголей, мастер шпаги звонко отчеканил:

– Этот господин и я являемся старыми знакомыми его высочества принца. Мы пришли, чтобы засвидетельствовать ему наше почтение!

– А-ах! – вырвалось у Гонзаго.

– Однако, если монсиньор в настоящую минуту занят неотложными делами, – виртуозно исполнив еще один поклон, продолжал гасконец, – то мы придем в любое время, которое ему будет угодно нам назначить.

– Именно так, господа! – превозмогая застенчивость, поддержал друга Паспуаль. – Мы будем рады прийти в другой раз, если так угодно монсиньору.

Лихо отработав третий поклон, гасконец и нормандец внезапно выпрямились, расправили грудь и, сверкнув глазами, одновременно опустили руки на эфесы шпаг.

– Пейроль! – позвал Гонзаго.

Только что спровадивший последнего нанимателя управляющий поспешил к своему господину.

– Помнишь этих молодцов? – сказал Пейролю Гонзаго. – Твои люди, не так ли? Отныне они у нас на службе. Отведи их в твою контору. Пусть им там дадут хорошо поесть и выпить. Распорядись, чтобы их переделали во все новое. Пусть немного отдохнут и ждут моих распоряжений.

– О – о! Монсиньор! – воскликнул Кокардас.

– Покорнейше благодарим за вашу милость! – прибавил Паспуаль.

– В добрый час! Отправляйтесь! – приказал Гонзаго.

Пятясь, озираясь, отвешивая один за другим низкие поклоны, широко отводя в сторону замусоленные шляпы, которыми они в глубоких реверансах буквально мели пол, Кокардас Младший и брат Паспуаль удалились. Едва принц и его окружение исчезли из вида, гасконец

выпрямился, расправил плечи и нахлобучил свою чудовищную шляпу. Подражая мэтру, то же проделал и брат Паспуаль. Идя за Пейролем, они с горделивым недоумением провожали взглядом попадавших навстречу рабочих и слуг, которые, завидев столь странную процессию, (еще бы, – ее возглавлял элегантный фактотум принца Гонзаго, а за ним по-хозяйски мерили шаг двое оборванцев с непомерно длинными шпагами), пугливо шарахались и жались по углам. Последовав долгими анфиладами, с расчерченным мелом паркетом, а кое-где пробираясь узкими, едва позволявшими марки протиснуться коридорчиками, так как окружающее пространство здесь уже было застроено крошечными деревянными кабинками, напоминающими пчелиные соты, они добрались наконец до конторы Пейроля. Здесь было просторно и светло. У левой стены стоял большой обеденный стол. Отдав распоряжения поварам и гардеробщикам, Пейроль покинул контору. Гасконца и нормандца пригласили к столу, и они набросились на еду и вино с жадностью, удивившей весь персонал.

– Так-то, дружок, – с добродушной укоризной делился с помощником своими соображениями мэтр Кокардас. – Главное произошло. Наконец-то мы поймали за хвост птицу счастья. Теперь наше дело в шляпе.

– На все Божья воля! – с полным ртом смиренно бормотал брат Паспуаль, никогда не предававшийся, как чрезмерной радости, так и отчаянию.

– Забавно! – сказал Шеверни причину, когда Пейроль увел мастеров шпаги. – С каких таких пор ты пользуешься услугами подобных ископаемых?

Словно не слыша вопроса, Гонзаго сделал несколько неуверенных шагов к окну и невидящим взглядом в задумчивости уставился на ограду «собственного сада госпожи принцессы».

Все эти, сгруппировавшиеся вокруг, напрягали голоса, ибо каждому хотелось, чтобы принц их услышал. Они неустанно по любому поводу, соревнуясь друг с другом, пели ему дифирамбы. Все принадлежали к рафинированной когорте финансистов. Кто-то больше преуспел, кто-то меньше. В послужном списке каждого имелись профессиональные злоупотребления. Нет, они не являлись преступниками. Ни один из них не совершил ничего, что впрямую нарушало закон. Но у каждого было немного, как говорится «рыльце в пушку». Все они, от первого до последнего нуждались в Гонзаго: один по одной причине, другой по иной. Гонзаго являлся для них настоящим синьором и королем. Они тоже были ему нужны. Во – первых, потому что король без своего двора не король, а ему эта роль была по душе. Кроме того он любил их слабости, пороки, их проблемы. Его самолюбию льстило то, что он мог оказать своим приближенным помощь, поддержку, дать разумный совет, или одарить какой-нибудь другой милостью. Была впрочем, и еще одна причина, по которой Гонзаго нуждался во всех этих людях. Но в чем она заключалась, станет ясно из нашего дальнейшего повествования. Единственным человеком, которому удавалось оставаться в компании принца и при этом сохранять свою независимость, оказался молодой маркиз Шаверни. Он был чересчур простодушным, чтобы хитрить, и слишком самолюбивым, чтобы плясать под чью – либо дудку.

– Все наперебой восторгаются золотыми приисками на Перу, – пользуясь тем, что Гонзаго отошел в сторону и его не слышит, сказал толстяк Ориоль. – Один дом господина принца стоит не меньше, чем все Перу с его приисками.

Весьма колоритной фигурой являлся этот откупщик Ориоль: гладкий и круглый, как шарик бильбоке. Его пухлые щеки касались жабо, и часто донимала одышка. Мадемуазели, с которыми он нередко встречался в опере, частенько над ним подтрунивали, при этом не упуская возможности поживиться за его счет. Он обладал щедрой натурой.

– Право же, – заметил Таранн, жилистый худощавый финансист, – здесь настоящее Эль-дorado.

– Золотой дом! – прибавил мсье Монтобер. – Я бы даже сказал, бриллиантовый.

– Йа! – вставил Батц. – Йа пы таше скасаль приллянтофыхххх.

– Я знаю одного вполне состоятельного синьора, который со всеми домочадцами и прислугой живет целый год на те средства, что принц Гонзаго тратит за неделю, – позавидовал Жирон.

– Да уж, – заключил Ориоль, – наш Гонзаго – богач над богачами.

– Гонзаго, кузен мой! – с напускной встревоженностью окликнув стоявшего у окна принца Шаверни. – Ради всего святого, попроси у своих присных пощады, иначе их назойливые осанны не смолкнут до завтра.

– Господа! – наконец очнувшись от своих раздумий, сказал Гонзаго. – Попрошу вас пройти за мной в мои апартаменты. Нужно освободить эту залу.

Когда все разместились в кабинете хозяина, он сказал:

– Вам известно, господа, почему я вас пригласил?

– Я слышал что-то о семейном совете, – ответил Навай.

– Не просто совет, господа, а торжественная ассамблея всей фамилии, призванная рассмотреть вопросы, государственная важность которых будет подтверждена присутствием высших сановников двора его высочества регента: президента Ламуаньона, маршала Вильруа и вице – президента д'Аржансона.

– Фю – и – и – ть! – свистнул Шаверни. – Никак речь пойдет о наследовании престола?

– Маркиз, – осадил кузена принц. – Мы намерены говорить о серьезных вещах, и ваши шутки здесь совершенно неуместны.

– В таком случае, кузен, – подавляя зевоту, вставил Шаверни, – может, у вас найдется какая-нибудь книжка с картинкой, чтобы я не скучал, пока вы будете говорить о серьезном?

Гонзаго, наконец, заставил себя улыбнуться. Он видимо понял, что иначе заставить Шаверни замолчать ему не удастся.

– Так о чем же идет речь, принц? – поинтересовался Монтобер.

– Речь идет о том, что скоро вам всем предстоит на деле доказать вашу мне преданность, господа.

При этих словах все в один голос прокричали:

– Всегда готовы, принц!

Принц прижал ладонь к груди и, с признательностью кивнув, продолжал:

– Я пригласил вас; а именно: вас, Навай, Жирон, Шаверни, носе, Монтобер, Шуази, Лавалад, – как членов фамилии Неверов; вас, Ориоль, как поверенного в делах нашего кузена де Шатийона, вас, Таранн и Альбрет, – как представителей фамилии Шатлю.

– Если предметом обсуждения не будет наследство Бурбонов, – стало быть речь пойдет о наследстве Неверов, – опять встрял Шаверни.

– Будут решаться проблемы имущества фамилии Неверов и некоторые другие, – оповестил принц.

– А на кой ляд вам, мой кузен, понадобилось имущество Неверов, вам, который выручает миллионы ливров в час?

Гонзаго, недолго помолчав, спокойно ответил:

– Разве я пекусь о себе? Разве не на мне лежит забота о вашем будущем, о будущем всех, кто здесь сейчас присутствует?

Лица находившихся в кабинете, осветились неподдельной признательностью.

Навай: – Вам известно, принц, мое к вам отношение. Вы можете на меня рассчитывать всегда!

Жирон: – И на меня!

– И на меня!

– И на меня!

– И на меня тоже, черт возьми! – после других заявил Шаверни. – Я хотел бы только знать...

Но Гонзаго не дал ему договорить.

– Ты не в меру любознателен, кузен, – когда-нибудь тебя это погубит. Все, кто со мной, запомни это, должны следовать за мной без оглядки, – неважно, по каким тропам проляжет путь, прямым или окольным.

– Но в таком случае...

– Таково мое условие. Каждый волен выбирать: идти или не идти. Но кто не пошел, тот теряет со мной связь, – он мне больше не нужен. Тот же, кто со мной должен смотреть моими глазами, слышать моими ушами, думать моими мозгами. За все отвечаю я. Понятно, маркиз? Иные друзья мне не нужны.

– Мы не хотим ничего, кроме того, чтобы наш сиятельный родственник верил нам и вел за собой.

– Сиятельный кузен, – сказал Шаверни. – Но будет ли мне дозволено с надлежащим смирением вас спросить, что должен я делать?

– Пока помолчать, а на совете отдать голос в мою пользу.

– Не знаю, не оскорблю ли я своим голосом трогательную преданность наших друзей. Право же, сам я ценю свой голос не больше, чем звон пустого бокала, но...

– Никаких «но»! – опять прервал его Гонзаго.

– Никаких «но», – заорали все.

– Сплотим ряды вокруг монсиньора! – провозгласил Ориоль.

– Наш монсиньор никогда не обходит своей милостью тех, кто ему верно служит.

Присовокупил Таранн финансист шпаги. Намек был грубоват, но, по крайней мере, понятен. На мгновение возникала тишина. Каждый на всякий случай напустил на себя мину холодного безразличия, чтобы не показаться сообщником Таранна. Шаверни с торжествующей улыбкой посмотрел на кузена. Тот в ответ погрозил ему пальцем, словно урезонивая непослушного ребенка. Похоже, Гонзаго уже не сердился на маркиза.

– Я особо ценю преданность Таранна, – заметил принц с грустинкой. – Таранн, друг мой, отныне вы владелец фирмы в Эперне.

– О – о, принц...! – подобострастно прошептал финансист.

– Не надо благодарить, – прервал его Гонзаго. – Прошу вас, Монтобер, откройте окно. Мне что-то душно.

Все бросились к окну. Гонзаго побледнел: на лбу выступил пот. Он смочил свой носовой платок в стакане, протянутом Шаверни, и отер лицо. В это мгновение юный маркиз оказался возле принца первым.

– Ничего, – сказал принц, – уже все прошло. Это просто усталость. Прошлую ночь я не спал, так как мне довелось дежурить у кровати его величества в ожидании его утреннего пробуждения.

– Зачем же так себя истязать, кузен? – недоумевал Шаверни. – На кой ляд сдался вам король? Что для вас король? Что для вас сам Господь Бог?

Последний упрек был явно не по адресу. Если Гонзаго порой случалось проводить бессонные ночи, то отнюдь не в молитвах, уж за это можно поручиться.

Принц с чувством пожал руку маркиза, – его вопрос видимо пришелся ему по душе.

– Ты несправедлив! – с укором произнес Гонзаго. – Разве я хлопочу для себя?

Наперсники принца застыли в подобострастном восторге, готовые упасть перед своим кумиром на колени. Шаверни молчал.

– Ах, господа, до чего же очаровательный ребенок наш юный король. Он всех вас знает по именам и при нашей встрече всякий раз расспрашивает о ваших делах. В королевской спальне кроме его величества было четверо: его высочество регент со своей матерью мадам Палатин, гувернер короля Флери и я. Когда юный Луи поднял свои прекрасные, как лепестки розы, веки, всем нам почудилось, что взошла аврора.

– Аврора с розовыми пальчиками ...? – не унимался неисправимый Шаверни. Остальные бросали на маркиза уничтожающие взгляды. Была бы воля, они побили бы его камнями.

– Юный король, – продолжал Гонзаго, – протянул руку к его высочеству регенту; потом, заметив меня, сказал: «Доброе утро, принц, вчера я вас видел во дворце в окружении друзей. Будет хорошо, если вы отдадите ко мне на службу мсье де Жирона. Он блистательный дворянин».

Жирон с признательностью прижал ладонь к груди. Остальные напряженно застыли, покусывая губы.

– «Мне также нравится мсье де Носе. – Гонзаго продолжал цитировать слова его величества. – А этот мсье де Сальданы, ей – богу, лучший воин, из всех, что я знаю».

– К чему говорить о Сальдане? – шепнул на ухо принцу Шаверни. – Ведь его сейчас здесь нет.

И действительно, со вчерашнего меня никто не встречал ни барона де Сальданы, ни шеваляе де Фаёнца. Не обратив внимания на замечание Шаверни Гонзаго продолжал:

– Потом его величество говорил мне о вас, Монтобер, о вас Шуази, и о других.

– А удостоил ли его величество своим августейшим вниманием благородного мсье де Пейроля? – опять вставил юный маркиз.

– Его величество, – холодно отозвался Гонзаго, – удостоил вниманием всех, кроме вас.

– Вот – незадача! – огорчился Шаверни. – Впрочем, нет худа без добра, – это меня немного воспитает.

– При дворе известно о ваших финансовых операциях, Ориоль, – продолжал Гонзаго. – «Ваш Ориоль, – сказал мне с улыбкой король, – говорят, скоро сделаться богаче меня!»

– Какой ум! Какого блистательного короля посылает нам судьба! – раздались восторженные крики.

– Но, – продолжал с многозначительной улыбкой Гонзаго, – мой визит к его величеству не ограничился одними разговорами. Есть результаты и посущественнее. Сообщаю вам Альбрет, что ваша концессия на разработку рудников в ближайшее время по указу регента будет подписана.

– Отныне ради вас я готов на все, принц! – воскликнул счастливый Альберт.

– Ориоль, – вел дальше принц, – вам обещан дворянский титул. Можете заказать себе герб. В качестве эмблемы вам дозволено взять чулок.

И без того круглый откупщик покраснел, надулся еще больше и от радости едва не упал в обморок.

– Ориоль! – заметил Шаверни. – Теперь ты – кум королю. Правда, случилось это после того, как ты успел породниться с улицей Сен Дени. Я придумал, как должен выглядеть твой герб: на золотом фоне изящный горельеф, изображающий ажурные чулки. Два дамских, – по бокам, один – мужской – посредине, сверху ночной чепец и над всем – девиз: «Приятное с полезным».

Все, кроме Ориоля и Гонзаго засмеялись. Ориоль появился на свет в трикотажной лавке на углу улиц Моконсей и Сен Дени. Если бы Шаверни приберег свою шутку до ужина, его ожидал бы потрясающий успех.

– Вам назначен пенсион, Навай, – сообщил Гонзаго, принявший сегодня образ воплощенного благодетеля. – Монтобер, вы получите диплом бакалавра; Носе, с завтрашнего дня вы будете ездить в собственной именной карете, Жирон, о том, что мне удалось выхлопотать для вас, я вам сообщу наедине.

Жирон заранее был благодарен. Гонзаго неустанно налево и направо расточал милости, которые ему ничего не стоили. Никто не был забыт, даже немецкий барон Батц.

– Поди – ка сюда, маркиз! – принц обратился, наконец, к Шаверни.

– Я? – удивился тот.

– Да, да, ты, капризный мальчик.

– Кузен, я уже предчувствую приговор, – продолжал дурачиться маркиз. – Наверное, меня приказано посадить на хлеб и воду. Просто беда, ведь я так люблю шампанское и сладкие рогалики. Однако, что поделаешь, видимо заслужил.

– Гувернер короля мсье де Флэри присутствовал во время пробуждения его величества, – сказал Гонзаго.

– Разумеется, – ответил маркиз, – такова его обязанность.

– Мсье де Флэри был суров.

– Это его профессия.

– Мсье де Флэри, увы, наслышан о твоих похождениях у Фёйантинов с мадемуазель де Клермон.

– Ай-ай-ай, – сказал Навай.

– Ай-ай-ай, – повторили за ним Ориоль и остальные.

– И тебе удалось выхлопотать отмену моей ссылки из Парижа, кузен? Что же, премного благодарю.

– Речь шла не о ссылке, маркиз.

– Тогда, о чем же?

– О Бастилии.

– И ты меня избавил от Бастилии. В таком случае благодарю вдвойне.

– Я сделал для тебя больше.

– Еще больше? Может быть тебе угодно, чтобы я сейчас распростерся перед тобой ниц?

Я не против, если хочешь.

– Твоя земля в Шаней при прежнем короле была конфискована?

– Да. По Нанскому эдикту.

– Она приносила большой доход, – эта земля в Шаней, не так ли?

– 20 000 экю в год, кузен. Я был вы готов продаться всем чертям за вдвое меньшую сумму.

– Твоя земля в Шаней будет возвращена.

– Это правда? – воскликнул маркиз и, протянув к принцу руку, прибавил с пугающей серьезностью:

– Что ж, слово – не воробей, – придется отдать себя чертям.

Гонзаго нахмурился. Все замолчали в предчувствии скандала. Шаверни, окинув окружающих критическим взглядом, тихо и убежденно сказал:

– Кузен, я никогда не желал и не желаю вам ничего худого. Но если, упаси Бог, придет беда, если паче чаяния вы разоритесь, – все от вас разбегутся. Я никого не хочу обидеть. Но такова жизнь. Так вот, тогда вас все покинут, я, пусть даже один, – останусь.

Глава 5. Почему не пришли Фаёнца и Сальдань

Раздача милостей подходила к концу. Носе обдумывал, какой ему завтра надеть костюм перед тем, как он сядет в карету. Пять минут как дворянин Ориоль пытался вспомнить своих предков со времен Людовика Святого.

– Кузен, – обратился к принцу молодой маркиз, – после такого щедрого благодеяния мне неловко о чем – либо просить, но...

– Ну, что там у тебя еще?

– Не знаю, почему, возможно из-за моих приключений с мадемуазель Клермон, но Буа Розе не дал мне приглашения на праздник в Пале-Рояль. Он сказал, что все билеты уже розданы.

– Еще бы! – оживился Ориоль. – Сегодня с утра на улице Кенкампуа их продавали по 10 луидоров за штуку. На этих пригласительных карточках Буа Розе выручит не меньше полмиллиона ливров!

– Разумеется, половину он отстегнет своему шефу аббату Дюбуа.

– Десять луидоров! – чуть не возмутился Альберт. – Да я своими глазами видел как их продают по пятьдесят!

– Мне даже за шестьдесят не удалось купить, – добавил Таранн.

– Это потому, господа, что празднество, которое развернется сегодня вечером в королевском дворце, будет во всех отношениях, грандиозным. Для тех, кто на него сможет попасть откроются пути к богатству и дворянскому титулу. Не думаю, чтобы достопочтенному регенту взбрело на ум наживаться на пригласительных карточках, но ничего не поделаешь, такова сегодня жизнь. В конце концов не так уж страшно, если этот Буа Розе или аббат немного погреют руки на таких пустяках.

– Значит, покои Пале-Рояля сегодня заполнят маклеры и торгаши? – удивился Шаверни.

– Сегодня торгами, а завтра – аристократическая элита нации, – вразумил несмышленного кузена принц.

– Полагаю, однако, им никогда не сравниться в благородстве с истинным дворянским сословием прошлого и настоящего, хотя бы, например, с тобой, любезный Ориоль, не так ли? – подтрунивал благодушного толстяка маркиз.

Нужно сказать несколько слов о предстоящем празднестве. Его идейным вдохновителем и меценатом был шотландец Лоу. На него он из собственного кармана пожертвовал фантастически огромную сумму. Мероприятие должно было символизировать триумфа, как тогда говорилось, «системы», обеспечивающей полную победу бумажных денег над монетами. Чтобы придать всей акции должную значимость Лоу получил от Филиппа Орлеанского разрешение использовать в дни празднества залы и сады Пале-Рояля. Ко всему прочему приглашения подписывались именем регента, и значит придуманный Лоу спектакль приобретал масштаб общенационального праздника. Сказочно богатый благодетель Лоу не жалел средств на то, чтобы ошеломить, поразить, ослепить приглашенных во дворец расточительной роскошью. Гвоздем программы планировался грандиозный фейерверк, – за его организацию отвечал кавалер Жойа. Из праздничных огней предполагалось воспроизвести очертания гигантского дворца, который через год – другой Лоу обещал по своему проекту построить на берегах Миссисипи. Считалось, что это восьмое чудо света затмит семь, уже известных. Здание будет возведено из розового мрамора, обильно инкрустированного серебром и золотом, которые к тому времени вытесненные из обращения более совершенными и перспективными кредитными бумажками, утратят эталонные свойства драгоценных металлов. Кроме фейерверка в программе ожидался балет, где фигурки танцовщиц должны были олицетворять банкноты, в чьей власти положить конец всем человеческим бедам: нищете, голоду, болезням, распрям и войнам. Посетившие празднество должны были увериться в том, что кредитные ассигнации – новый мессия, присланный к человеку Богом Милосердным, чтобы построить земной рай. После Пале-Рояля каждому надлежало уразуметь, что кредитная система – та благодать, в честь которой необходимо соорудить храм. Благо, жрецы уже имелись.

Регент установил число приглашенных в 3 000. Дюбуа его утроил. Буа Розе, церемониймейстер, втайне удвоил и эту цифру.

Если в сознание людей вселяется дух наживы, то он распространяется со скоростью чумной эпидемии, поражая все сословия от низов до королевского дворца. В те дни в торговых кварталах можно было, например, наблюдать маленьких, едва ставших на ноги ребятишек, торгующих между собой игрушками. Еще не научившись говорить, они уже осваивали азы спекуляции, превращая в товар пряники, бумажные змеи, цветные лоскуты, стеклянные шарики. Подрастая, они научатся продавать все, что попадет в их распоряжение: пропуск в модный

ресторан, билеты в театральную ложу, места на церковных скамейках. Когда Гонзаго произнес: «Не так уж странно, если Буа Розе или аббат немного погреют руки на таких пустяках», он этим высказал то, что у многих было на уме.

– Пейроль мне сообщил, – сказал Гонзаго, вынимая бумажник, – будто за пачку пригласительных билетов, что его высочество герцог Орлеанский соблаговолил мне прислать, ему предлагают 3 000 ливров. Но мне такие деньги не нужны. Лучше я бесплатно раздам билеты друзьям.

В ответ раздались благодарные возгласы. У многих из этих господ уже имелись приглашения, но запас никогда не вредит, особенно, если за штуку к вечеру можно было выручить сто пистолей. Да уж, похоже в этот день не было человека, щедрее, чем принц Гонзаго. Он открыл бумажник и выбросил на стол пачку розовых карточек. На их лицевой стороне в окружении ангелочков, возносящих на крыльях виньетки из пальмовых гирлянд, изображался прекрасный юноша, – державший в руке рог изобилия сам его Всемогущий Кредит.

Все брали по несколько штук: для себя и для друзей, – все, кроме Шаверни. В нем еще сохранялись понятия чести, не позволявшие продавать то, что было получено даром. У новоиспеченного дворянина Ориоля, по – видимому, было много друзей, так как карман, в который он положил билеты, заметно вздулся.

– Господа! – предупредил Гонзаго. – Надеюсь, вы не забудете оставить два приглашения для Фаёнцы и Сальдана... Весьма странно, что они до сих пор не явились.

Действительно, такого еще не было, чтобы эти преданные служаки не прибыли на вызов хозяина.

– Я рад, – говорил принц, глядя на то, как быстро исчезали со стола пригласительные карточки, – я рад, что успел перехватить для вас эти приглашения. Запомните одно: всюду, где пройду я, пройдете и вы. Вы – мой черный легион, роковая гвардия, моя слава, и мой позор. Ваша задача – идти за мной по пятам; моя – видеть в толпе ваши лица.

Навай: – Мы готовы!

Жирон: – Все, как один!

Круглый, как мяч, Ориоль, по – кавалерийски щелкнул каблуками, воскликнул:

– Хоть в пекло!

Внезапно рьяные изъявления преданности стихли. Что-то, как порыв свежего ветра, заставило всех на мгновение замолчать. Юный Шаверни, раскрыв рот и уставившись на дверь, ведущую из кабинета Гонзаго в спальню, замер на месте. В кабинете появилась очаровательная девушка. Она видимо не ожидала здесь застать столько людей. На ее юном нежном личике играла озорная усмешка. Шагнув через порог, она уже приоткрыла рот, чтобы заговорить с принцем, но, обнаружив в комнате посторонних, смутилась, опустила вуаль и застыла, как изящное изваяние. Шаверни не мог оторвать от нее глаз. Остальные, хоть и с усилием, но не проявили к неожиданной гостье интереса. Гонзаго приблизился к пришедшей, взял ее руку и поднес к губам, напоминая скорее галантного наставника, нежели влюбленного поклонника. Девушка молчала.

– Прекрасная затворница! – прошептал Шаверни.

– Испанка! – в свою очередь проявил осведомленность Навай.

– Так вот почему мсьё принц держит теперь на замке дверь своего особняка за церковью Сен – Маглуар! – заключил Носе.

И они, как специалисты, (кем действительно и являлись), принялись со знанием дела оценивать ее гибкий благородный стан, стройные щиколотки над изящными, как у лесной феи, ножками, роскошную копну густых шелковистых блестящих иссиня черных волос.

На незнакомке было не крикливое, но добротное платье. Оно прекрасно на ней сидело, не стесняло движений, – словом, все говорило о том, что пришедшая, не смотря на молодость, настоящая совету дама.

– Господа, – сказал принц, – я намеревался сегодня вам представить это юное и дорогое для меня дитя. Именно так, – она мне дороже титула. Но я не предполагал, что она здесь появится так рано. В данный момент, не могу вас с ней познакомить. Не пришло время. Попрошу пока не расходиться. Скоро вы нам понадобится.

Взяв красавицу под руку, он увел ее к себе в спальню, и затворил за собой дверь. Едва Гонзаго покинул кабинет, компания заметно преобразилась. Те, кто стоял, опустились в кресла. Горевшие огнем преданности глаза, будто потускнели. Напряженные лица расслабились, многие расплылись в улыбке. Позы приобрели вальяжность, – словом они теперь напоминали школьный класс, который ненадолго покинул строгий учитель. Один лишь Шаверни сохранил торжественную серьезность, – от его устремленного на закрытую дверь спальни взгляда казалось, вот – вот начнется пожар.

– Попутного ветра! – обрадовался Жирон.

– Наконец-то можно немного передохнуть! – с облегчением вздохнул, вытирая пот и обмахиваясь платком Монтобер.

– Господа! – оживился Носе. – Некогда точно так же удалился от своего ближайшего окружения Великий Людовик XIV с мадам де Монтеспан. Да, да, на глазах у всего двора..., Шуази, я это, между прочим, вычитал в мемуарах твоего достопочтенного дядюшки. Так вот, там были: мэр Парижа, государственный канцлер, принцы крови, три кардинала и две аббатисы, не говоря уже о личном духовнике короля отце Летелье. Король и госпожа маркиза должны были публично сказать друг другу «прощай» и возвратиться в лоно добродетели. Мадам де Монтеспан и Великий Людовик, – оба плакали, а затем исполнили перед distinguished собранием общий прощальный реверанс.

– Как она красива! – мечтательно бормотал Шаверни.

– Мать честная! Эврика! – вдруг воскликнул Ориоль. – Знаете, что мне взбрело на ум? Может быть предстоящий семейный совет нужен принцу для развода с Авророй де Келюс?

В кабинете зашумели. Многим предположение Ориоля показалось резонным, так как присутствовавшим была известна отчужденность между Гонзаго и супругой.

– Он хитер и изворотлив, как дьявол, – сказал Таранн. Способен развестись с женой и при этом оставить за собой ее приданое.

– И за это нам предстоит проголосовать, – предположил Жирон.

– А ты что скажешь, Шаверни? – спросил толстый Ориоль.

– Скажу, что вы были бы негодьями, если бы не ваша дремучая глупость.

– Эй, кузенок! – вспыхнул Носе. – Ты уже в том возрасте, когда за слова принято отвечать! Я могу...

– Ну, ну! – поспешил уладить скандал благодушно настроенный Ориоль. – Не стоит дергаться из-за пустяков.

Шаверни не замечал Носе.

– Как она хороша! – повторил он.

– Да наш Шаверни влюблен! – слышались голоса.

– Только поэтому я ему прощаю, – предупредил Носе.

– И все – таки, – поинтересовался Жирон, – кому-нибудь что-нибудь известно об этой девушке?

– Ничего, кроме того, что господин де Гонзаго тщательно ее скрывает, и, что Пейролю поручено удовлетворять все капризы этой милой особы.

– А Пейроль не проговаривается?

– Пейроль никогда не проговаривается.

– За это его и держат на службе.

– Она в Париже не больше двух недель, – размышлял Носе, – ведь в прошлом месяце полновластной хозяйкой особняка нашего дорогого принца была Нивель.

- Верно. И с того времени мы ни разу не ужинали в том доме.
- Домик охраняется, – сообщил Монтобер. – В саду постоянно несут караульную службу, сменяя друг друга, Фаёнца и Сальдань.
- Сплошные загадки и тайны!
- Наберемся терпения. Сегодня должно все проясниться. Эй, Шаверни!
- Маркиз вздрогнул, будто очнулся.
- Шаверни, о чем задумался?
- Что молчишь, как в рот воды набрал?
- Говори, говори, маркиз, – без твоих замечаний скучно. Валяй, режь, правду – матку. Не церемонься! Чай, голова от этого ни у кого не свалится.
- Вы, господа, по несколько раз в день готовы терять голову из-за хрустящих банкнот. Я же ради этой девушки готов потерять голову всего один раз. Раз и навсегда.

Оставив в своей конторе за обильной трапезой Кокардаса Младшего и Амабля Паспуаля, мсье де Пейроль покинул территорию дворца через садовые ворота. Последовав по улице Сен Дени, он обогнул церковь Сен-Маглуар и, оказавшись за ней, остановился перед калиткой дру-гого сада с оградой, почти затерявшейся под нависшими тяжелыми ветвями вязов. У Пейроля имелся ключ к этой калитке. Он вошел. В саду не было ни души. В конце тенистой аллеи, над которой сплошным сводом распростерлись кроны вязов, что придавало месту атмосферу тревожной таинственности, виднелся новый особнячок в греческом стиле. Его нарядный фасад украшал портик с рифлеными колоннами, перед каждой из которых застыла мраморная статуэтка какого-нибудь античного божества. Словом не домик, а загляденье, – последняя работа архитектора Оппенора. Мсье де Пейроль направился вдоль аллеи, и пройдя ее до конца, вошел в здание. В вестибюле находились несколько облаченных в ливреи лакеев. При виде управляющего они вскочили и вытянулись.

– Где Сальдань? – осведомился тот у мажордома.

В ответ мажордом лишь развел руками.

– А Фаёнца?

Та же растерянность, и никакого ответа. На худошавом лице управляющего появилась тревога, и он, будто от холода, поежился. Больше ни о чем не спрашивая, фактотум кликнул горничную и поинтересовался, можно ли войти к мадемуазель. Горничная исчезла, через несколько секунд вернулась и доложила, что молодая госпожа ожидает мсье де Пейроля в своем будуаре.

– Я не спала всю ночь! – едва завидя вошедшего, воскликнула она. – Не могла сомкнуть глаз. Не желаю больше жить в этом ужасном доме. Здесь кругом какой-то разбойничий вертеп! Ночью на улице жуткие крики, бряцание оружия!

Произносившая негодующий монолог была той самой красавицей, с которой мы, немного нарушив последовательность, успели познакомиться в кабинете принца. В утреннем неглиже она была еще очаровательнее, чем в выходном наряде. Белоснежный легкий, свободный пеньюар лишь подчеркивал совершенные черты ее фигуры: гибкий упругий стан; распущенные черные волосы, густыми волнами укрывавшие плечи, изящные босые ножки, подрагивавшие в просторных сафьяновых шлепанцах. Находится столь близко от такой красоты и не прельститься ее чарами мог лишь человек, с каменным сердцем. Именно таким человеком являлся Пейроль, суровый, исполнительный, проверенный не одним испытанием фактотум. Если требовалось, он мог сохранять хладнокровие лучше, чем Месрур, главный евнух сераля Гарун аль Рашида. Вот и теперь, не обращая внимания на красоту юной госпожи, он с места в карьер перешел к делу:

– Донья Круц, мсье принц желает вас видеть сегодня до полудня в своем дворце.

– ...Что? Возможно ли? Какое чудо! – воскликнула девушка. – Мне разрешат покинуть эту тюрьму, пройти по улице! Не разыгрываете ли вы меня, мсье де Пейроль?

Она испытующе посмотрела на управляющего, потом расхохоталась и, не в силах сдержать радости, закружилась по комнате.

Пейроль продолжал:

– Мсье принц желает, чтобы вы к нему явились в выходном наряде.

– Я, – в выходном наряде! – опять воскликнула юная красавица. – Пресвятая Дева! Не могу поверить, что это не сон.

– Я говорю совершенно серьезно, донья Круц. Самое большое, через час вы должны быть готовы.

Донья Круц посмотрелась в зеркало, опять рассмеялась, затем, внезапно прекратила смех и, вспыхнув, как рождественная хлопушка, звонко прокричал:

– Анжелика! Жюстина! Мадам Ланглуа! До чего же неповоротливы эти француженки!

Донья Круц сердилась на служанок за то, что те не появились раньше, чем она их позвала!

– Мадам Ланглуа! Жюстина! Анжелика!

– Не нервничайте мадемуазель, – заметил флегматичный фактотум. – Им нужно несколько секунд, чтобы добежать.

– Можете идти! – щебетала донья Круц. – Вы исполнили поручение. Я приду одна.

– Нет, я буду вас сопровождать, – уточнил Пейроль.

– Какая жалость! Святая Мария! – вздохнула донья Круц. – Если бы вы знали, как вы мне надоели, любезный мсье де Пейроль.

В этот момент в будуаре появились мадам Ланглуа, Анжелика и Жюстина, – три служивших здесь горничными парижанки. Донья Круц уже успела о них позабыть.

– Я не желаю, слышите, мсье де Пейроль, не желаю, чтобы эти двое оставались ночью в моем доме! Я их боюсь!

Она говорила о Фаёнца и Сальдане.

– Так угодно монсеньору, – пояснил управляющий.

– Разве я рабыня? – опять вспылила девушка. От гнева на ее щеках появился румянец. – Разве я просила меня сюда привозить? Если я узница, то оставите за мной по крайней мере право выбрать тюремщиков. Пообещайте, что больше я не увижу этих стражников! Пообещайте, иначе не пойду во дворец!

Старшая горничная мадам Ланглуа тихо подошла к Пейролю и что-то прошептала ему на ухо. И без того бледное лицо фактотума побелело, как у покойника.

– Вы уже их видели? – спросил он дрожащим голосом.

– Видела, – ответила горничная крикнул.

– Когда?

– Только что. Их недавно обоих нашли.

– Где?

– На улице, в траве у ограды, – шагах в десяти от садовой калитки.

– Я не люблю, когда при мне шепчутся! – возмутилась донья Круц.

– Прошло прощения, барышня, – отозвался управляющий. – Могу вас заверить, что этих двух стражников вы больше не увидите.

– Давайте же поскорее одеваться! – приказала горничным юная госпожа.

– Вчера поздно вечером они вдвоем ненадолго покинули сад, чтобы поужинать в ресторане; в том, что в начале улицы Сен Дени, – рассказывала мадам Ланглуа Пейролю, провозая его по лестнице. – Свободный от службы Сальдань, после ужина видимо решил проводить до сада Фаёнцу, которому предстояло вести нести караул. Внезапно мы услышали с улицы звон клинков.

– Да. Донья Круц мне об этом говорила, – пробормотал Пейроль.

– Шум продолжался недолго, – рассказывала дальше горничная. – Вскоре все стихло. И вот сейчас, минут десять назад выбежавший за провизией поваренок Анри наткнулся на два трупа. Он вернулся, заикаясь от страха, все рассказал мажордому, и тот, опознав покойных, велел их перетащить в сад.

– Ланглуа! Ланглуа! – позвала в этот момент горничную прекрасная узница.

– Идите прямо, мсье де Пейроль. Они там под деревом.

Указав управляющему место, старшая горничная вернулась в будуар, и все три камеристки начали облачать донью Круц в праздничный наряд. Девушка, не отрываясь, гляделась в зеркало, и ее лицо расцветало довольной улыбкой.

– Наконец-то, – проносилось в ее сознании, – принц надумал сдержать обещание. Наконец я своими глазами увижу Париж, о котором мне так много говорили, и в котором я пока знаю только этот нарядный скучный дом с таким же тоскливым садом.

В радостном порыве она вырвалась из рук одевавшихся и весело закружилась по комнате.

Пейроль, оставшись один, прошел в глубину сада. Там под старым вязом на куче сухих листьев укрытые плащами лежали два тела. Дрожа, Пейроль приподнял один плащ, потом второй. Под первым оказался Фаёнца, под вторым – Сальдань. У обоих во лбу, точно посередине зияли отверстия. Не в силах унять дрожь собственных зубов, Пейроль отпустил конец плаща.

Глава 6. Донья Круц

Столь трогательная, сколь, увы, и банальная история о судьбе бедной сиротки, в раннем детстве покинутой матерью герцогиней и воспитанной шотландскими джипси, калабрийскими цингари, рейнскими ромами, испанскими гитанами или венгерскими цыганами, – тема, которую не удалось обойти ни одному романисту. Мы не знаем и не станем утруждаться домыслами, была ли донья Круц украденная герцогиня или истинное дитя богемы. Известно лишь то, что все предыдущую жизнь она провела в среде испанских гитан, – скитаясь с ними из города в город из поселка в деревню, за несколько марведи развлекая народ танцами на площадях. Упомянем и о том, как она оставила это вольное, но малоприбыльное занятие, и оказалась в Париже в особнячке мсье де Гонзаго.

Через полчаса после того, как с помощью камеристок был закончен туалет, мы ее увидели в его спальне.

– Где Пейроль? – была его первая фраза. – Разве он вас не проводил?

– Ваш Пейроль, – ответила девушка, – за время, когда я одевалась к выходу, умудрился потерять дар речи. Пока я занималась прической, он вышел прогуляться в сад и вскоре вернулся. Пресвятая Дева! Он выглядел так, будто его поразили гром небесный: лицо бледнее мела, челюсть трясется, безумные глаза рыщут по сторонам, будто кого-то высматривают. Потом ему сделалось дурно, и он едва не упал на паркет. Мадам Ланглуа протянула ему мензурку с каплями красавки, но он при их виде скривился и, сказав что лучше выпьет бокал бургундского, направился в буфетную. Я поняла, что от такого провожатого толку мало; когда всем было не до меня, улизнула из комнаты и отправилась к вам одна, без конвоя. Может быть, он заболел и заразен. Однако, монсеньор, – прервала свой рассказ девушка. – Вы меня пригласили ведь, не для разговоров о вашем Пейроле. Не так ли?

– О, нет, – ответил Гонзаго, искусно скрывая за улыбкой тревогу, вызванную известием о внезапном недомогании управляющего, – вовсе не для этого.

– Тогда для чего? Скорее говорите! Не мучайте меня!

Гонзаго в раздумье пристально ее изучал: «Как же долго я искал; вряд ли можно найти что-нибудь лучшее. Право же, она действительно на нее похожа. Я не ошибся».

– Ну, говорите же, говорите, наконец! – с нетерпением настаивала донья Круц.

– Присядьте, милое дитя! – Гонзаго все еще собирался с мыслями.

– Мне предстоит вернуться в мою камеру – будуар?

– Ненадолго.

– Это ужасно! Уж лучше на эшафот. Сегодня в первый раз при свете дня я увидела маленькую частичку Парижа улицу Сен Дени. Теперь я больше чувствую свою неволю.

– Но здесь мы не в Мадриде. Нужно соблюдать осторожность.

– Но почему, почему? Чего мне бояться? Почему нужно меня укрывать, я ведь ничего не украла?

– О, нет. Разумеется, нет, донья Круц. Но...

– Послушайте теперь меня вы, монсиньор, – прервала принца гостя. – У меня тоже есть немало, чего вам сказать. Нет нужды не напоминать, что мы не в Мадриде. Я это ощущаю больше, чем вы. Да. Там я была бедная, беспризорная, покинутая сирота. Но зато – свободна, как весенний ветер!

Она ненадолго замолчала, затем, слегка нахмутив тонкие темные брови, продолжала:

– Вы помните, монсиньор, о ваших мне обещаниях, – их было так много.

– Все, что было обещано, я исполню. Все, и даже больше.

– Это новое обещание. А им я уже не верю. – На ее лице появилось выражение мечтательной грусти, и она сказала. – Меня знали простые люди и знатные синьоры. Когда я перед ними появлялась, отовсюду неслись крики: «Скорее, скорее сюда. Сейчас гитанка будет плясать огневой танец Кадикса бамболео!» И всякий раз, когда я прибежала на площадь Плаца – Санта, что за дворцом Альказар, с опозданием, там меня с нетерпением дожидалась толпа благодарных зрителей. Даже теперь во сне я нередко вижу этот прекрасный дворец, окруженный апельсиновым садом, наполняющим воздух нежным пьянящим ароматом. Увы, теперь Испания для меня лишь сон, лишь сладкая мечта. Мое сердце осталось там. Здесь в тени вязов и платанов я дрожу от холода и тоски.

Она опустила подбородок на сцепленные замком кисти. Гонзаго ее не перебивал. Устремив взор вдаль, он будто не слушал.

– Вы помните тот вечер? – продолжала она. – Уже стемнело, а я все танцевала на углу улицы, что ведет к храму Успения Богородицы. Вдруг появились вы. Сначала я испугалась. А потом, когда вы заговорили, к страху примешались непонятное волнение и надежда. От вашего голоса, такого благородного и нежного, мое сердце сжалось. Вы стали передо мной, загородив дорогу, словно опасались, что я убегу, (право же, у меня и в мыслях такого не было), и сказали: «Как вас зовут, дитя мое?» «Санта – Круц», – ответила я. Когда я жила в общине моих соратников и соратниц, гитан из Гренады, меня звали Флора, но католический прелат при крещении дал мне имя Мария де ла Сант – Круа. «Вот как? – сказали вы. – Значит вы христианка?» Впрочем, вы, должно быть, все забыли, монсиньор!

– Нет, нет, почему же? я помню, – рассеянно поддержал воспоминания девушки Гонзаго.

– А я, – говорила дальше донья Круц срывающимся голосом, – с той поры помню каждое мгновение моей жизни. Потому что уже тогда поняла, что вас люблю. Как? Почему? Сама не понимаю. По возрасту вы мне годитесь в отцы. Но более красивого, благородного и блистательного синьора, чем вы, я никогда не встречала и должно быть не встречу.

Она произносила эти слова, не краснея, не испытывая неловкости, потому что воспитание гитаны не знало морали и стыдливости, принятых в свете. Гонзаго по – отечески поцеловал ее в лоб. Донья Круц, глубоко вздохнув, продолжала:

– Вы сказали: «Ты слишком хороша, девочка, чтобы с баскским бубном и поясом из фальшивых цехинов плясать перед толпой. Пойдем со мной!» И я пошла за вами, ни о чем не думая. Попав в ваш дом, я узнала, что это дворец самого Джулио Альберони, первого министра Испании. Мне рассказали, что вы посол регента Франции при мадридском дворе. Вы меня поселили в уютной комнате, приставили лакеев и повара, пригласили учителей. Поначалу я радовалась, но постепенно все больше разочаровывалась потому, что вы обо мне будто поза-

были, – за полгода, что я прожила во дворце Альберони, мы с вами виделись всего два раза, да и то мельком. И вот пришел день отъезда из Мадрида. В вашей карете для меня места не нашлось. Обо всем этом я вам раньше не говорила, не было случая, – мы ведь редко видимся. Длинный утомительный путь из Мадрида в Париж я просидела в тряской карете с опущенными занавесками. Всю дорогу проплакала. И вот я здесь. Зачем? Сколько раз, Пресвятая Дева! Сколько раз я в тоске заламывала руки, скорбя об утраченной воле, искрометных танцах, беззаботном смехе! Париж! Париж! – воскликнула она с таким запалом, что погруженный в свои мысли принц вздрогнул. – Да помните ли как вы, мне его расписывали? «Париж земля обетованная для каждой красивой девушки, Париж – мечта, прекрасный сон, ослепительная роскошь, неиссякаемый источник всех благодатей, нескончаемое счастье, праздник длиною в жизнь!» Помните, как вы меня увлекли этими сказками?

Она взяла руку Гонзаго и крепко стиснула в своих.

– О, монсиньор! Монсиньор! – с мольбой увещевала она принца. – В вашем саду есть цветы из моей Испании. Они будто несут в себе ту же хандру и грусть, что и я. Они вянут на корню. Неужели вам угодно, чтобы и я, как эти цветы, погибла, едва начав жить?

Внезапно откинув назад густые волосы и сверкнув глазами, она заговорила с упреком:

– Вы меня обманули, принц! Обещанный вами рай оказался тюрьмой. Я здесь томлюсь в роскошном будуаре в изящном покоем на картинку особняке. Мрамор, живопись старых мастеров, прошитые золотой тесьмой гобелены, потолки, инкрустированные хрусталем, а в саду – густая тень и промозглая сырость, мокрые от осеннего дождя газоны, укрытые опадающими листьями, погибшими от леденящего душу холода...

Мое окружение – скучные, молчаливые горничные, почему-то пугливые лакеи, какие-то дремучие, внушающие ужас стражники, – и всеми командует мрачный, как сказочный принц; бледный, как привидение, мсье де Пейроль.

– Вы намерены пожаловаться на моего фактотума?

– Вовсе нет. Он с охотой выполняет каждое мое желание, вежлив и почтителен. Всякий раз при встрече он низко кланяется и метет шляпой пол.

– Что же вам еще нужно?

– Вам угодно шутить мсье? Ваш фактотум распорядился привинтить снаружи к двери моей спальни длинный амбарный засов. Пейроль при мне играет роль бдительного евнуха.

– Ну, это уже преувеличение, донья Круц!

– Принц. Попавшая в неволю птица не радуется золотой клетке. Так и я. Мне смертельно надоело жить узницей. Верните мне свободу!

Гонзаго усмехнулся.

– От кого и зачем вы меня прячете? Отвечайте, я этого требую!

На ее милом лице появилась повелительная суровость, которая лишь веселила Гонзаго.

– Вы меня не любите! – продолжала она, покраснев, (нет, не от стыдливости, а от обиды и возмущения). – А коль скоро так, то не имеете права ревновать и от кого-то прятать. Вы не собака, а я не сено!

Гонзаго снова поцеловал ей руку. Она еще больше покраснела.

– Я подумала... – она опустила глаза, – вы как-то сказали, что неженаты... я подумала, что, задействовав для моего просвещения всевозможных наставников, которым поручили воспитать из меня светскую даму, вы хотели... Я решила, что вы меня любите. – Донья Круц украдкой поглядывала на Гонзаго и видела, что ее признания его радуют. – И я без устали трудилась, прилежно осваивая все дисциплины от французской грамматики и арифметики до поклонов и реверансов. Пресвятая Дева! Да перестаньте же надо мной смеяться, или я сойду с ума! – Она еще больше приблизилась к Гонзаго и, глядя ему прямо в глаза, решительно спросила: – Если вы меня не любите, то зачем я вам нужна? Чего вы от меня хотите?

– Я хочу сделать вас счастливой, донья Круц, – ласково ответил Гонзаго. – Счастливой и богатой.

– Дайте мне свободу! И этого будет достаточно. Свободу! Свободу! Я хочу познать Париж! Париж, который вы мне обещали: шумный, блистательный. Париж, который я чувствую несмотря на заточение. Я хочу выйти на волю, хочу показаться в свете. Для чего мне наряды и дорогие украшения, если я сижу в четырех стенах? Вы говорите «счастливой». Счастье – увидеть оперу, о которой я знаю только понаслышке, счастье – ездить на праздники и балы, счастье – танцевать, счастье...

– Сегодня вечером, донья Круц, – сухо прервал ее мечтательный порыв Гонзаго, – вы наденете свой лучший наряд и самые дорогие украшения. – Она недоверчиво и испытующе подняла на него взгляд. – Я вас буду сопровождать, – продолжал Гонзаго, – на бал к его высочеству мсье регенту.

Донья Круц ошеломленно застыла.

– Это правда? – после долгой паузы, будто не доверяя ушам, спросила она.

– Правда, – отвечал Гонзаго.

– Вы меня возьмете, возьмете на бал! – воскликнула она в безмерном восторге. – О – о, принц! Я прощаю вам все, все! Вы такой добрый. Вы настоящий благодетель!

Она бросилась ему на шею, осыпая его лицо и лоб поцелуями благодарности. Затем, все так же порывисто его отпустив, давая выход неумемной радости, принялась скакать по комнате, выкрикивая в такт прыжков:

– На – бал! На – бал! На – бал! На – бал!

На мгновение остановившись, чтобы перевести дыхание, она защебетала:

– Ни толстые стены, ни холодный пустынный сад, ни закрытые ставни не помешали мне узнать о празднике. Я несколько раз слышала, как о нем шептались горничные и лакеи, и поняла, как там будет чудесно. И я попаду в этот рай! О – о! Благодарю вас! Благодарю вас, принц! Как вы ко мне добры! Бал, конечно, будет в Пале-Рояле? Ведь так? Я всегда до боли в висках, до замирания пульса мечтала побывать в Пале-Рояле!

Донья Круц сейчас находилась в другом конце комнаты. В несколько прыжков подбежав к Гонзаго, она плюхнулась перед ним на колени и, обвив руками сверкающие голенища его сапог, подняла к нему взгляд.

– Какой я должна надеть туалет, принц? – едва не с испугом произнесла она.

Гонзаго с грустной улыбкой покачал головой.

– Во Франции, донья Круц, на придворных балах есть кое-что, способное украсить и облагородить милое лицо больше, чем самый изысканный туалет.

– Это улыбка? – с озорством ребенка попыталась догадаться донья Круц.

– Нет, – ответил Гонзаго.

– Грация?

– Опять не угадали. Вашей улыбке и грации могут позавидовать многие. То, о чем я говорю...

– У меня этого нет? В таком случае, что же?

Гонзаго медлил с ответом.

– Вы мне можете это дать? – с наивным нетерпением воскликнула девушка.

– Могу, донья Круц.

– Любопытно, чего же мне не достает?

Милая кокетка, поглядев на себя с лукавой усмешкой, будто для забавы вопрошала зеркало.

Зеркало ответа не давало.

– Имени! – весомо произнес, наконец Гонзаго.

Недавняя радости донья Круц мгновенно исчезла. Глаза погасли. Имени! У нее нет имени. Пале-Рояль не Плаца – Санта за дворцом Альказар. Здесь не попляшешь с баскским тамбурином, позвякивая поясом из фальшивых цехинов. Бедная донья Круц! Гонзаго пообещал, он сказал «могу дать». Но обещания Гонзаго...

– Если у вас нет имени, дорогое дитя, то ничто и никто не в состоянии вам помочь быть с надлежащим почтением принятой при дворе. Но к счастью... – Гонзаго повесил внушительную паузу. – К счастью у вас есть имя. Оно просто было утеряно, и мне, хоть и не без труда, удалось его отыскать.

– Что?! – вырвалось, как крик подстреленной птицы, из груди красавцы. – Что вы скакали?

– У вас есть имя и фамилия, – торжественно отчеканил Гонзаго. – И эта фамилия состоит в близком родстве с королевской. Ваш отец был герцог.

– Мой отец! – повторил донья Круц, – был герцог. Значит, он умер?

Гонзаго утвердительно кивнул.

– А моя мать? – голос девушки дрожал.

– Ваша мать, – продолжал Гонзаго, – принцесса.

– Значит, она жива! – воскликнула донья Круц, и ее сердце лихорадочно заколотилось. – Моя мать жива, жива! Она принцесса! Умоляю, расскажите о моей матери.

Гонзаго прижал палец к губам.

– Не сейчас, – многозначительно прошептал он.

Однако донья Круц была не из тех, кто любил долго оставаться в неведении. Она просто вцепилась в руки Гонзаго.

– Расскажите, расскажите же о ней немедленно. О, как я буду ее любить. Она добра? Она красива? Какое чудо! Я всю жизнь об этом мечтала. Слышала сквозь сон, будто кто-то шепчет: «ты – дочь принцессы».

Гонзаго с трудом сдерживал смех. «Как они все похожи», – думал он.

– Укладываясь спать, я часто представляла, как у изголовья кровати сидит прекрасная женщина; ее стройную шею украшает жемчужное ожерелье, у нее длинные шелковистые волосы, бриллиантовые серьги и бесконечно добрые карие глаза... Как зовут мою мать?

– Вы пока не должны его знать, донья Круц.

– Но почему?

– Это опасно.

– Ах, понимаю, понимаю, – вдруг прервала себя девушка. Ей пришли на ум какие-то воспоминания. – Как-то в мадридском театре я смотрела одну комедию, и в пьесе молодой героине долго не называли имени ее матери. Так было надо. Так надо и сейчас?

– Да. Так надо, – подтвердил Гонзаго.

Внезапно распрямившись во весь рост, горделиво запрокинув подбородок, донья Круц с убеждением произнесла:

– Опасно? Ну и пусть, опасно. Я умею хранить тайну! Я не проговорюсь даже под страхом смерти.

– Несомненно, несомненно, – успокаивал девушку Гонзаго. – Вам недолго остается ждать. Через несколько часов тайна будет раскрыта. Единственно, что вы можете знать уже сейчас, это то, что вы не Мария де Санта Круц.

– Значит Флора?

– Тем более, не Флора.

– Как же меня зовут?

– При рождении вы получили имя вашей матери, по происхождению она испанка. Вас называли Аврора.

Донья Круц вздрогнула, всплеснула руками и с радостным изумлением воскликнула.

– Аврора? Вы сказали «Аврора»? Какое удивительное совпадение!

Гонзаго ждал, что она скажет еще, но девушка молчала, и он спросил:

– Что вас так удивило?

– Не частое имя, правда? Оно мне наполнило...

– Что оно вам наполнило? – не сумел скрыть волнения Гонзаго.

– Бедную маленькую Аврору, – пробормотала донья Круц, и на ее глазах появились слезы. – До чего же она была мила и добра! Как я ее любила!

Гонзаго стоило больших усилий скрыть любопытство. Глаза доньи Круц мечтательно устремились вдаль. Она погрузилась в воспоминания.

– Вы были знакомы, – пытаюсь казаться безразличным, допытывался принц, – с девушкой по имени Аврора?

– Была.

– Сколько же ей лет?

– Столько, сколько мне. Мы тогда еще были детьми, и хотя я была бедна, а она богата, мы дружили и любили друг друга, как настоящие сестры.

– Давно это было?

– Несколько лет тому назад.

Она посмотрела в лицо Гонзаго и прибавила:

– Но почему вас это так заинтересовало, мсьё принц?

Гонзаго был человеком, которого никогда нельзя застать врасплох. Взяв ладонь доньи Круц, он с отцовским укором произнес:

– Меня интересует все, что связано с вами, моя девочка. Расскажите же мне о юной Авроре, которая когда-то была вашей подругой.

Глава 7. Принц Гонзаго

Дворец Неверов в плане представлял букву «Н». Личные покои Гонзаго размещались в правом крыле, в его конце, в том, который за тыльным фасадом основного корпуса углублялся в сад. Их обстановка являлась самой роскошной с безукоризненным вкусом оформленной частью дворцового интерьера. Здесь находился уютный кабинет, где мы недавно оставили родственников и друзей. Кабинет с одной стороны примыкал к большой спальне, – в глубине ее имелась просторная капитальная ниша, в которой располагался изящный будуар. С противоположной стороны кабинета была другая дверь, выведившая на подмостки, образовывавшие второй ярус и позволявшие подступиться к верхним стеллажам огромной занимавшей всю остальную часть крыла библиотеки. Кроме того из спальни и из кабинета были запасные выходы в узкий коридор, шедший вдоль жилых помещений по второму этажу, а вдоль библиотеки – по первому. Спустившись по лестнице, можно было пройти к книжным полкам, находившимся внизу. Лучше этой библиотеки не было во всем Париже. Гонзаго был хорошо образован, прекрасно владел латынью, знал античных писателей Греции и Рима, если требовалось, проявлялся как искушенный теолог и тонкий знаток философских течений. Ему не было бы цены, будь он порядочным человеком. Но в том-то, увы, и беда. Его можно сравнить со сказочным принцем. Едва появившись на свет, он был уложен в золотую колыбель. К новорожденному пригласили фей. Они одарили принца всем, что можно пожелать: богатством, славой, здоровьем. Но в конце праздника явилась последняя фея, которую забыли пригласить, и в отместку она наградила новорожденного таким пороком, который свел на нет предыдущие дары.

Гонзаго был красив. Гонзаго родился в очень богатой семье, имевшей кровные узы с королевской, был наделен отвагой, которую не однажды проявлял на деле, умен и образован, мало кто так, как он, владел словом, его деятельность на дипломатическом поприще была образцом, – его речи цитировались. При дворе все были очарованы его обаянием, но... Но при

всем том у него не было ни стыда ни совести. К тому же его прошлое тяготило и отравляло его настоящее. Однажды встав на преступную стезю, он уже не в состоянии был с нее свернуть. Для того, чтобы укрыть старые грехи ему приходилось впадать в новые. Угрызений совести он не испытывал потому, что не верил в Бога. Нет необходимости пояснять читателю то, что донья Круц была ему нужна лишь как инструмент, как орудие для осуществления хитроумного замысла. Он долго искал девушку подходящей наружности, и вот наконец нашел. Донья Круц лучше всех остальных отвечала его главному требованию: в ней можно было обнаружить внешнее сходство, очень отдаленное, разумеется, но достаточное, чтобы какому-нибудь одному не слишком щепетильному наблюдателю пришло на ум произнести вслух: «в ней присутствуют фамильные черты», – и дело сделано, – тогда признают и остальные.

Но произошло непредвиденное. Донья Круц, услышав легенду о том, что она дочь принцессы, наивно в нее поверила и расчувствовалась до слез. Но ее волнения все же были меньшими, чем то, которое вслед за тем испытал Гонзаго, узнав о ее подруге по имени Аврора. Принцу пришлось употребить дипломатический талант, чтобы скрыть свои переживания, и все равно в полной мере это ему не удалось. Последние слова принца все – таки донью Круц не убедили. В ней появилось сомнение. Для того чтобы сомневаться женщине не обязательно понимать. Но все – таки, что могло так встревожить этого сильного, уверенного мужчину? Она произнесла имя Аврора. Имя довольно редкое, – почему оно так странно подействовало на принца? Услышав слово «Аврора», суеверный Гонзаго подумал: «Это предзнаменование». Предзнаменование чего? Гонзаго верил в судьбу, верил в звезды, – по крайней мере, в свою звезду. Эта звезда его предостерегала: «Бойся разоблачения!» Восемнадцать лет он пытался найти пропавшую наследницу Невера. Живую или мертвую. Безрезультатно. И вот теперь, когда он решился на отчаянно рискованный шаг, звезда судьбы его останавливала. Останавливала произнесенным доньей Круц именем «Аврора».

В саду послышался шум голосов. Наверное, там не ладили занятые строительством контор рабочие. Будто из любопытства к скандалу, но на самом деле, чтобы перевести дух и справиться с волнением Гонзаго подошел к окну. Оно выходило напротив окон спальни принцессы, расположенной в левом крыле симметрично к спальне принца. Все ее окна были зашторены тяжелыми занавесками. Донья Круц тоже заинтересовалась происходившим в саду и поднялась, чтобы выглянуть в окно.

– Не подходите сюда! – остановил ее принц. – Нельзя, чтобы вас раньше времени увидели.

В саду, как муравьи, сновали люди: перетаскивали на веревках и складывали под ограду срубленные стволы, на освободившемся пространстве сколачивали из досок кабинки. Гонзаго не обращал на них внимания. Его задумчивый взгляд был устремлен на окна принцессы: «придет ли она?» – думал он.

Донья Круц недовольно опустила на стул. «Как бы то ни было, – продолжал размышлять Гонзаго, – сегодня будет решительный бой. Во что бы то ни стало я должен узнать...»

Когда принц уже собирался вернуться к юной собеседнице, он внезапно распознал среди мельтешивших в саду рабочих согбенную фигуру того чудака, что недавно потряс собравшуюся в главном дворцовом зале публику; – горбуна, снявшего за непомерную цену будку пса Медора. Держа под мышкой книгу, (судя по переплету, это был часослов – молитвенник), он рассеянно оглядывал верхние окна дворца. На мгновение взгляд горбуна задержался на покоех принцессы, затем опустился вниз, туда где у заднего торца левого крыла находилась приобретенная им недавно конура. В любую другую минуту Гонзаго проследил бы за странным нанимателем до конца, – в его правилах было ничего не оставлять без внимания. Если бы он еще на несколько мгновений задержался у окна, то увидел бы, как с крыльца, ведущего в покои принцессы, спустилась ее горничная, как она подошла к горбуну, как тот на ходу бросил ей несколько слов и передал молитвенник, после чего горничная вернулась в дом, а горбун исчез.

Но сейчас мысли принца были заняты другим. Ему было важнее то, о чем начала говорить донья Круц.

– Слышите, как раскричались? Это новые квартиранты торопят строителей, – сказал Гонзаго, возвратясь к своему креслу. – Так о чем, бишь, мы с вами, дорогое дитя?

– Об имени, которое я буду носить.

– Ах, да. Да. Конечно же, о вашем настоящем имени «Аврора». Но мы говорили еще о чем-то другом. Эти шумливые наниматели меня отвлекли, и я запамятовал...

– Неужто, запамятовали, принц? – донья Круц лукаво улыбнулась. Гонзаго наморщил лоб, будто сиюсь вспомнить.

– Ах, да, верно. Вы говорили о какой-то девушке, вашей ровеснице, с которой вы подружились и которую тоже звали Аврора.

– Да, мсьё принц, она была очень хороша собой, и такая же, как я, сирота.

– Вот как? Вы с ней встретились в Мадриде?

– В Мадриде, мсьё.

– Она испанка?

– Нет, – француженка.

– Француженка? – переспросил принц, изо всех сил пытаясь показать, что эта тема ему не интересна. Он даже зевнул. Но похоже, однако, пока что он старался зря. С очаровательной физиономии доньи Круц не исчезала озорная усмешка.

– Кто же ее опекал? – словно из вежливости поддерживая беседу, продолжал принц.

– Одна пожилая женщина.

– Разумеется. Но кто платил дуэнье.

– Какой-то господин.

– Француз?

– Да, француз.

– Молодой, – старый?

– Молодой и очень красивый.

Она взглянула на Гонзаго. Тот весьма искусно второй раз изобразил зевоту.

– Но почему вы говорите со мной о вещах, которые вам неинтересны, принц? – донья Круц теперь открыто иронизировала. – Я никогда не подозревала, что вы так любопытны, монсиньор.

Гонзаго понял, что игру с доньей Круц нужно вести тоньше и осторожнее.

– Вы ошиблись, дитя мое, – я совершенно не любопытен. Меня не интересует сами по себе ни эта девушка, ни этот мужчина. Спрашиваю же со вполне определенной целью. Поверьте, есть на то основания. Кстати, как звали этого господина?

На сей раз юная красавица явно не желала отвечать.

– Я забыла, – сухо ответила она.

– Но возможно, если вы захотите вспомнить... – с улыбкой, словно играя, настаивал Гонзаго.

– А вы поднапрягите память... давайте будем вместе вспоминать... ну – с, итак...?

– Какое значение имеет для вас его имя?

– Когда вспомним, то поймете. Может быть, его звали...

– Монсиньор, – прервала его девушка, сколько бы я ни старалась, мне все равно не вспомнить.

Эти слова она произнесла с такой решимостью, что дальнейшие настаивания были бессмысленными.

– Хорошо, не будем больше об этом! – с подчеркнутой разочарованностью развел руками принц. – Очень грустно, что ваша память столь коротка. Могу, если угодно, объяснить, почему грустно. Француз, живущий в Испании, не может быть никем иным, как изгнанником. Вряд

ли ему там хорошо. Если бы я знал его имя, то мог бы у моего друга регента выхлопотать для него амнистию, вернуть вместе с дочерью, или кем там она ему приходится, на родину, и вы, донья Круц, – прошу прощения Аврора, опять бы сошлись с любимой подругой. Ведь вам здесь одиноко, не так ли?

Эти слова принц произнес с такой неподдельной искренностью, что они попали в самое сердце его юной собеседницы.

– Ах! – воскликнула девушка. – До чего же я к вам несправедлива! Ведь вы такой... вы... вы – сама доброта!

– Ну, полно, полно. Я никогда не сержусь на человека, признавшего свою неправоту. Однако теперь, надеюсь, вы назовете имя?

– Ах, принц, если бы вы знали, сколько раз я сама хотела попросить вас о том, что сейчас вы предложили сами. Сколько раз! И все не решалась. Но теперь, монсиньор, нет нужды вам знать его имя, хлопотать за него перед регентом, посылать в Испанию письма... Дело в том, что я... я опять видела мою подругу.

– Давно?

– Совсем недавно?

– Где же?

– В Париже.

– Здесь? – не смог сдержать удивленного возгласа Гонзаго. Он сохранял улыбку, но заметно побледнел. Впрочем, донья Круц этого не видела. Ее недоверчивость исчезла и она без дальнейших расспросов сама начала рассказывать.

– О, Господи! Это произошло в день нашего прибытия. Когда мы проезжали арку Сент-Оноре, я заспорила с мсье де Пейролем, требуя, чтобы тот приоткрыл штору. Но он упрямо не пожелал этого сделать, из-за чего я не смогла увидеть Пале-Рояль. Никогда ему не прошу. Совсем недалеко от того места, объезжая какой-то дворик, карета едва не задела за угол дома. Я услышала, как из его нижней комнаты доносилось чье-то пение. Такой знакомый голос, что я вздрогнула. Пейроль, пронеся надо мной руку, придерживал занавеску. В отчаянии я хлестнула по ней веером. Рука отпрянула, я приоткрыла штору и сквозь окно в нижней комнате увидела мою милую маленькую Аврору. Конечно, это была она. Нисколько не изменилась, – разве еще похорошела.

Гонзаго вынул из кармана записную книжку.

– Я закричала, как безумная, – продолжала донья Круц. – То ли испугавшись моего крика, лошади пустились вскачь, – Аврора осталась позади. Я хотела остановить, хотела выпрыгнуть на ходу, плакала и сквернословила, как только умеют сквернословить испанские гитаны. Если бы у меня было чуть побольше сил, я бы задушила вашего фактотума.

– Это произошло, вы говорите, на некоей улице в окрестностях Пале-Рояля?

– Совсем близко.

– И вы смогли бы эту улицу узнать?

– Господи! Я знаю ее название, – первым делом спросила об этом у Пейроля.

– И как же?

– Улица Певчих. Что это вы там у себя пишете, принц?

Действительно, Гонзаго, обмакнув перо в стоявшую на столе хрустальную чернильницу, быстро что-то строчил в записной книжке.

– Помечаю, что нужно сделать, чтобы вы встретились с вашей подругой детства.

Донья Круц поднялась. Лицо ее покраснело. В глазах блеснули счастливые слезы.

– Как вы добры! – повторяла она. – Как вы бесконечно добры!

Гонзаго захлопнул блокнот и убрал его в карман.

– Скоро вы в этом убедитесь в полной мере, милое дитя, – произнес он. – А сейчас нам с вами необходимо ненадолго расстаться. Вам предстоит присутствовать на одной торжествен-

ной церемонии. Не страшно, если там заметят вашу растерянность и стеснение. В подобных обстоятельствах это естественно и пойдет лишь на пользу дела. – Он поднялся с кресла и взял донью Круц за руку. – Не позднее, чем через полчаса, вы увидите свою мать.

Донья Круц прижала ладонь к сердцу:

– О, Пресвятая Дева! Что я ей скажу?

– Правду. Не скрывайте того, в какой бедности вы провели свое детство. Ничего не утаивайте. Правду, только правду, и еще раз правду.

Он отодвинул шторы, за которой находился будуар.

– Пройдите сюда, – сказал он.

– Благодарю вас за все, принц! – пробормотала девушка. – Я помолюсь Господу за мою мать.

– Молитесь, донья Круц, молитесь. В вашей судьбе наступает переломная минута.

Гонзаго поцеловал ей руку, после чего она удалилась в будуар и задернула за собой шторы.

Гонзаго остался один. Усевшись за стол, он облокотился и стиснул ладонями виски.

Мысли, одна сменяя другую, проносились в его возбужденном мозгу.

– Дом на улице Певчих, – бормотал он. – Она там, конечно, не одна. Кто ее опекает? Неужели... Неслыханная дерзость! Впрочем, она ли это?

Он застыл, уставившись в одну точку. Потом, словно спохватившись, едва не вслух, заключил:

– Нужно немедленно это выяснить!

Он подергал за шнурок звонка, который, разветвляясь, передавал сигнал сразу в два помещения: в контору управляющего и в библиотеку. Обычно управляющий отвечал таким же звонком и быстро шел на вызов. Сейчас колокольчик молчал. Гонзаго позвонил еще раз. Опять тишина. Выйдя из спальни в узкий коридор, Гонзаго миновал кабинет, из-за закрытой двери которого неслись веселые мужские голоса, спустился по лестнице на первый этаж и прошел в библиотеку. Здесь обычно принимал распоряжения своего шефа Пейроль. В библиотеке было пусто, но на столе у двери лежал адресованный Гонзаго конверт. Он его открыл. Записка была от Пейроля. Там говорилось: «Я вернулся. У меня есть много, о чем доложить. В особнячке за церковью ЧП», – и дальше в виде постскриптума: «К принцессе приехал кардинал де Бисси. Он у нее. Веду наблюдение».

Гонзаго скомкал письмо.

«Все ее будут уговаривать, – бормотал Гонзаго, – ради вас самой, ради вашей дочери, если она жива, вам нужно прийти на семейный совет». «Но она откажется, она не придет. Ей все равно. Она, будто, мертва. Мертва. Но кто лишил ее жизни?» – поблуднев и опустив глаза, вопрошал себя Гонзаго. Он помимо воли размышлял вслух.

– Некогда гордое создание! Красавица из красавиц! Нежная, как ангел! Отважная, как рыцарь. Единственная женщина, которую я смог бы полюбить, если вообще могу кого-то полюбить.

Он поежился, и на его губах появилась скептическая улыбка.

– Каждому свое! – произнес он. – В конце концов, не моя вина в том, что ради того, чтобы подняться над толпой, приходится наступать на чьи то судьбы!

Он вернулся в спальню. Его взгляд остановился на шторе, отделявшей комнату от будуара, где находилась донья Круц. Сквозь штору доносились слова молитвы.

«О чем она молится, – о том, о чем и другие. Удивительно! Все эти покинутые дети живут от рождения до последнего вздоха с одной надеждой, что их мать – принцесса! Жалкие бродяги с котомкой за плечами надеются найти своего отца – короля! Эта за шторой – очаровательна, – настоящее сокровище. Она сослужит мне важную службу, сама этого не сознавая». Из стоявшего на полке над кроватью графина с испанским красным вином он отлил в бокал и сделал глоток.

«Давай, Филипп, действуй! Настал твой час, – мысленно говорил он себе, приводя в порядок разбросанные на столе бумаги. – Выпадет ли счастливый камень? Сегодня нужно окончательно набросить покрывало на прошлое, – покончить с ним. Сегодня, или никогда! Прекрасная игра! Достойная ставка! Миллионы банкира Лоу Джона в один прекрасный день могут превратиться в сухие листья, как цехины из „Тысяча и одной ночи“; но дворец Неверов не испарится, не исчезнет. Здесь незыблемый капитал».

Затем будто осенний сырой мрак опять подернул его лицо.

«Однако, рано праздновать победу!» – думал он, заканчивая раскладывать по местам бумаги. «Если узнает регент, его месть будет беспощадна. Прошло столько времени, но он при любом случае вспоминает Филиппа де Невера, его он любил больше, чем брата. Когда он увидел облаченную в траур мою жену, вдову Невера, в его глазах появились слезы. И все – таки, как безукоризненно тогда мы все проделали! Комар носа не подточит. Девятнадцать лет, и ни у кого до сих пор не возникло подозрений против меня».

Он сделал движение, словно пытаясь рукой отогнать неприятные мысли.

«Чтобы поставить в том деле точку, нужно найти виновного и его наказать. Лишь после этого я смогу спать спокойно».

Среди лежавших на столе бумаг была одна, исписанная шифром, известным только Гонзаго и Пейролю. Там значилось: 1-е – Узнать, все еще надеется мадам Гонзаго на то, что ее дочь жива? Надеется, или нет? 2-е – узнать, находится ли у нее акт о рождении ребенка?

«Ради того, чтобы получить ответ, или хотя бы узнать, существует ли этот акт, я готов заплатить миллион ливров. Если только он существует, то рано или поздно будет у меня».

К Гонзаго опять возвращалось предвкушение успеха. «Кто знает? Ведь, матери, потерявшие детей, похожи на сирот. Так же, как те в каждом встречном норовят обнаружить своего отца или мать, так и матери в каждой девушке мерещится некогда потерянная дочь. Кто знает? Может быть, мадам Гонзаго кинется к моей маленькой гитане с распростертыми объятиями, и тогда... всеобщее ликование, благодарственные молебны, пиры и банкеты. Да здравствует наследница Неверов!»

Гонзаго улыбнулся. Когда улыбка исчезла, он продолжал:

«Через какое-то время молодая прекрасная принцесса может умереть. Их так много теперь умирает. Общий траур. Католическая панихида. Архиепископ читает отходную молитву; и огромное наследство переходит ко мне. Все по закону!»

На колокольне Сен-Маглуар пробило два пополудни. На это время было, назначено начало семейного совета.

Глава 8. Вдова Невера

Конечно, архитекторы и строители, сооружая Лотарингский дворец с прилегающим садом, предназначали его не для коммерческих целей, – однако нужно признать, что он было удачно расположен и, как никакое другое место для этого подходил. Окружавшая сад с трех сторон ограда протянулась вдоль улиц Кенкампуа, Сен Дени и Обри лё Буше. На каждой имелся свой вход в виде искусно выполненных позолоченных ворот. Роскошью отделки особенно выделялся главный вход, – тот, что открывался с улицы Кенкампуа. Развернутый с разрешения регента на территории Лотарингского дворца спекуляторский полигон был во всех отношениях удобнее для торговых операций, нежели сама улица: неухоженная, грязная, покрытая никогда не просыхавшими лужами, застроенная лачугами, где обитали представители неопределенных сословий. Сделки, производимые в этих кварталах, нередко заканчивались поножовщиной. Разумеется, на таком мрачном фоне сад Гонзаго выглядел благословенным оазисом. Новому предприятию все прочили успех, и имели на то основания.

Брат Амабль Паспуаль, недавно поведавший мэтру Кокардасу историю о горбуне, том, что при подписании сделок в качестве пюпитра предлагал за деньги свой горб, был еще не в курсе того печального факта, что предприимчивого уродца, (во избежание путаницы назовем его Эзоп I), уже более суток не было в живых. Утром прошлого дня он скоропостижно скончался от апоплексического удара. Раньше других об этом узнал некто по имени Грюэль, бывший гвардейский солдат по прозвищу Кит. Он пытался занять освободившееся после смерти Эзопа I место. Но Кит был без малого семи футов ростом, то есть гигант. Сколько он не наклонялся, все равно «столик» получался слишком высоким и неудобным. Кит, однако, не унывал и во всеуслышание заявил, что проглотит любого Иону, который отважится перебежать ему дорогу. Сия угроза, конечно, удерживала многих горбунов от попыток счастья на этом необычном поприще. Кит был силен и огромен, он проглотил бы их всех одного за другим. Это был не какой-нибудь вредный уличный сорванец, который, стащив в лавке булку, мог целый день быть сытым. Чтобы поддержать силы Киту требовалось в течение дня не меньше 6–8 бутылок вина. Вино же в 1717 году ценилось недешево, – потому ему приходилось нелегко.

Когда другой, уже знакомый нам горбун, тот, что сняла конуру Медора, пришел в сад, чтобы вступить в свои приобретенные права, те, кто его увидел, принялись смеяться. Вся улица Кенкампуа собралась поглазеть на нового хозяина собачьей будки, и он тут же был прозван Эзопом II. Его спина, сильно изогнутая у самого затылка, представляла прекрасный пюпитр, и Эзоп II сразу принялся за дело. Успех оказался налицо. Кит возмущался; пес рычал. С первого взгляда Кит в Эзопе II распознал счастливого соперника. Оба обиженных, Кит и Медор объединились. Кит принял попечительство над псом, который всякий раз при виде Эзопа скалил зубы и грозно рычал. Никто из окружавших не сомневался, что дело идет к печальной развязке, – с минуты на минуту Кит на пару с Медором растерзают Эзопа. Словно подчеркивая роковую неизбежность, острословы к прозвищу Эзоп II присовокупили еще и имя Ионы. В этом двойном прозвище, будто авансом слышались слова предстоящей траурной церемонии. Эзоп II, он же Иона, однако, казалось, вовсе не проявлял беспокойства на предмет надвигающейся на него страшной участи. Получив в распоряжение конуру, он первым делом в ней разместил небольшую скамейку и сундучок. Сказать по правде, древний Диоген, (историки утверждают, что его рост являлся 5 футам и 6 дюймам), живя в бочке, точнее в большой винной амфоре, располагался там с меньшим удобством, чем наш Эзоп II в конуре Медора.

Эзоп II, он же Иона, подпоясался шнурком, на котором подвесил холщовый мешочек, купил гладкую небольшую, но широкую дощечку, чернильницу, перья, – и пошло дело. Всякий раз, замечая, что переговоры идут к благополучному завершению, он точно так же, как его покойный предшественник приближался к клиентам, обмакивал в чернильнице перо и ждал. Поняв, что устная договоренность достигнута, он клал на спину доску. На ней, расположив бумаги, стороны формулировали положения сделки и ставили подписи с таким же удобством, как будто находились на конторе городского писца. По завершении операции Эзоп II, он же Иона, брал в одну чернильницу, во вторую – дощечку – пюпитр, на которую теперь продавцы и покупатели клали за оказанную услугу воздаяние. Затем деньги перекочевывали с доски в подвешенный на поясе мешок.

Тарифа не существовало. Эзоп II с благодарностью принимал любые деньги, кроме медных монет. Но медные монеты никто и не предлагал. В период эйфории, вызванной невиданным финансовым подъемом, обитатели улицы Кенкампуа, как, впрочем и других улиц, позабыли о существовании медных денег. Единственно, где теперь принималась медь, это в провизорских инкубаторах при составлении смертельных ядов типа яри – медянки, которую приобретали, желая отравить богатого родственника.

Эзоп II, он же Иона, начал свою деятельность с десяти утра. Около часа пополудни он окликнул торговца провизией, (благо, на этой торгующей бумагами ярмарке их сновало предостаточно), и купил полкаравая горячего белого хлеба с рыжеватой хрустящей коркой, большую

жареную курицу и бутылку шамбертенского вина. Почему бы нет? Ведь, дело шло успешно. Его предшественник не мог себе такого позволить. Эзоп II забрался в будку, (она имела достаточную высоту), уселся на скамеечке и, разложив на сундуке свой провиант, на глазах у всех приступил к трапезе. Ничего не поделаешь, живые пюпитры имеют тот недостаток, что им иногда надо поесть. Однако, до чего же хорошо наш горбун успел себя зарекомендовать всего за несколько часов! У конуры образовалась очередь. Никто не пожелал обращаться к Киту. Тому же из-за отсутствия заработка приходилось пить в долг. И, видно, поэтому он пил вдвое больше, чем обычно, время от времени выкрикивая в адрес горбуна ругательства. Пес скалил зубы и теперь уже непрерывно рычал.

– Иона! – неслось с разных сторон. – Скоро кончишь обедать?

Тот, оказавшись щедрым хозяином положения, отсылал клиентов к Киту. Но напрасно. Всем хотелось заполучить Иону. У него был такой удобный горб. К тому же у Ионы был прекрасно подвешен язык. Подставляя спину, он расточал такие забавные остроты, что у всех невольно поднималось настроение. Горбуны, как известно, философы, наделенные, хоть и мрачным, но безукоризненным чувством юмора. Кит теперь напоминал вот – вот готовую взорваться пороховую бочку. Покончив с обедом, Иона выбрался из будки и, держа в руке остаток жаркого, крикнул своим скрипучим голосом:

– Эй, приятель. Не желаешь ли курицы? Тут еще немного есть!

Кит был голоден, но снedaемый завистью и злобой в ответ лишь прохрипел:

– Ты вздумал, что стану за тобой доедать, шмакодявка?

Ему подвывал Медор.

– Тогда давай твоего пса, солдатик, – по – прежнему миролюбиво предложил горбун. – И не сотрясай воздух ненужными ругательствами.

– Ах, тебе захотелось пса? – прорычал Кит. – Получай же, получай!

Он свистнул и скомандовал:

– Взять! Медор! Взять его!

– Берегись, горбун! – закричали со всех сторон.

Иона спокойно взирал на приближавшегося с оскаленной мордой зверя. Но едва Медор припал на задние лапы, изготoваясь к прыжку, чтобы вцепиться в горло Ионы, тот быстро протянул к его морде остаток курицы и о, чудо! Вместо того, чтобы напасть на узурпатора конуры пес стал облизывать куриные косточки и отрывать куски недоеденной мякоти. Толпа наблюдателей залилась смехом, по достоинству оценив военную хитрость Эзопа II.

– Bravo! Горбун, молодчина! – неслось отовсюду.

– Медор! Негодяй! Взять! Взять его! – орал в свою очередь побелевший от злости великан. Но предатель Медор на Кита теперь внимания не обращал. Эзоп II купил его за куриные объедки, – и, хотя у нас нет оснований осуждать пса, ведь с Китом они были знакомы не более трех дней, негодование отставного гвардейца не знало границ. Бешено вращая налитыми вином глазами, великан Кит устремился к Ионе.

– Бедный Иона! Ох, что сейчас будет! – Слышалось из толпы.

Иона улыбался. Кит схватил его за шиворот и поднял на воздух. Иона по – прежнему улыбался. В тот момент когда Кит хотел его кинуть оземь, горбун ловко извернулся, зацепился носком за его коленку и стремительно, словно кошка, подпрыгнул. Никто не успел сообщить, как это произошло, но спустя мгновение Иона уже был на плечах гиганта, оседлав словно жеребца, его толстую как у буйвола шею. Губы Ионы по – прежнему расплывались в улыбке. В толпе раздались радостные крики.

– Ай да Эзоп! Ай, да Иона!

– Вот тебе и Кит.

Эзоп II спокойно сказал:

– Проси пощады, солдат, или я тебя задушю.

Гигант раскраснелся, на губах его появилась пена. По лбу и щекам струями катилась прозрачная, распространявшая запах пота и вина жидкость. Кит предпринимал неистовые усилия, чтобы освободиться от мертвой хватки Ионы. Тот, видя, что противник пощады не просит, начал стискивать ему шею коленями. Из рта великана показался язык. Кит побагровел, затем посинел, у горбуна, видать были очень сильные ноги. Через несколько мгновений, изрыгнув последнее ругательство, Кит задавленным голосом взмолился о пощаде. Толпа ликовала. Тут же расслабив свой страшный захват, Иона мягко спрыгнул на землю, бросил к ногам победленного золотую монету и, взяв дощечку, чернильницу и перья, весело объявил:

– За работу, господа клиенты! Я к вашим услугам.

Аврора де Келюс, вдова герцога де Невера, жена принца де Гонзаго сидела в высоком кресле эбенового дерева. Она носила траур в своем сердце, она одевалась в траур и окружала себя траурной обстановкой. Ее платье самого простого, почти монашеского покроя соответствовало аскетичной обстановке ее вдовьей кельи. Это была комната с потолком в виде четырехгранного свода. В его центре размещался плафон расписанный Эсташем Лесьером в приущей для его поздних работ строгой манере. На обшитых темно – дубовыми панелями стенах висели ковры с изображениями на библейские сюжеты. Комната освещалась с восточной стены двумя окнами. Между ними возвышался алтарь. Он тоже был укрыт темными тканями, словно здесь недавно велась панихида. На противоположной стене как раз напротив алтаря был укреплен большой во весь рост портрет двадцатилетнего герцога Филиппа де Невера, – работа художника Миньяра. Герцог на нем предстал в форме полковника швейцарской гвардии. Рама портрета тоже была окутана темным крепом. Общая атмосфера была пронизана странной смесью христианства и язычества. Если бы живя в IV в. до Р.Х. Артемиза вдруг чудом приняла христианство, то даже она не смогла бы создать более торжественного мемориала в память своего мужа царя Мавзола, чем этот дворцовый скит вдовы герцога де Невера. Христианская традиция предписывает переносить утрату близких сдержаннее. Но у кого повернется язык упрекнуть бедную женщину? К тому же обстоятельства, в которых оказалась принцесса, были исключительными. Насильно выданная за мсьё де Гонзаго, она держалась за свой траур, вознося его как знамя, – символ отторжения и неприятия второго брака. Уже восемнадцать лет прошло с тех пор, как она стала под венец с Гонзаго и до сих пор его не знала, так как упрямо избегала с ним встречи, не желая его ни видеть, не слышать. Что только не предпринимал Гонзаго, чтобы хоть один раз с ней объясниться. Когда-то в эту женщину он был влюблен. Возможно, по – своему любил ее и теперь. Но, домогаясь с ней встречи, он себя переоценивал. Уповая на свое красноречие, он надеялся склонить принцессу на свою сторону и заполучить ее в союзницы. Но время шло. Горе от утраты первого мужа, хоть и притупилось, но вовсе не исчезло. Принцесса добровольно обрекла себя на затворничество. Казалось, она теперь ни от кого и ни от чего, не ждала утешения. У нее не было верного друга, перед которым она могла бы открыть свое сердце. Душа ее зачерствела. Единственное человеческое чувство, которое она сохранила, была материнская любовь. Она любила страстно, самозабвенно, даже не дочь, а одни лишь воспоминания о ней. Дочь, надежда на то что она жива, давала ей силы жить, ибо связывала ее с Невером, память о котором для нее давно превратилась в религию. Часто на исповеди она говорила священнику: «Я мертва». Так оно и было. Бедная женщина заживо превратилась в свою тень. Она поднималась рано, после чего служанки, которым она запрещала с собой разговаривать, долго ее одевали. Покончив с туалетом, она раскрывала часослов и долго читала молитвы. К девяти утра приходил каноник и служил мессу в поминовение Филиппа де Невера. Весь остаток дня она сидела в кресле, неподвижная, бесстрастная, одинокая. После заключения брака с принцем она ни разу не вышла из дворца. В свете ее считали потерявшей рассудок. Принц, однако, (следует это признать), никогда на нее не сетовал. Однажды принцесса, объясняя перед исповедником свои покрасневшие от слез глаза, сказала:

– Мне приснилась дочь. Она упрекала меня за то, что теперь не имеет права называться мадемуазель де Невер.

– Как же во сне поступили вы? – спросил священник.

– Так же, как и наяву. Я прогнала ее, – отвечая, принцесса побелела, как мел.

С того дня она сделалась еще грустнее. К чувству утраты примешалось чувство собственной вины. Конечно, она ни на один день не прекращала поиски, рассылая экспедиции, как по Франции, так и за границу. Принц всячески поддерживал эти усилия и кроме того снаряжал свои экспедиции, в нескольких участвуя лично, чем вызвал к себе в свете уважение как чуткий предупредительный супруг.

В начале осени духовник принцессы привел к ней одну женщину того же примерно возраста, что и она, тоже вдову, – духовник надеялся, что между женщинами с похожей судьбой завяжется дружба, и тогда принцесса не будет так страдать от одиночества. Женщину звали Мадлен Жиро. Она была честна, добродушна, с первого взгляда понравилась принцессе и та ее назначила своей старшей камеристкой. Именно ей теперь приходилось дважды в день беседовать с Пейролем, отвечая на его обычное «Мсьё принц имеет честь просить госпожу принцессу принять его заверения в совершенном почтении и пригласить к столу». «Мадам принцесса благодарит господина де Гонзаго, но принять его приглашение не может, так как из-за плохого самочувствия не в состоянии находиться за столом».

Сегодня с утра у Мадлен было особенно много работы. Как никогда много пожаловало посетителей, и все добивались аудиенции у принцессы. Это были знатные господа: мсьё де Ламуаньон, канцлер д'Агессо, кардинал де Бисси, герцоги де Фуа и де Монморанси – Люксембург, принц Монако с сыном мсьё герцогом де Валентуа... и многие другие. Они прибыли на торжественный семейный совет, который должен был состояться этим днем и членами которого все они являлись. Конечно, они хотели получше понять исходную ситуацию, а заодно узнать, какие претензии имеет вдова Невера к принцу Гонзаго. Принцесса отказалась их принять. Исключение было сделано только лицу, представлявшему регента, старому кардиналу де Бисси. Филипп Орлеанский передавал своей сиятельной кухне, что память о Невере никогда не потускнеет в его сердце, и что вдова Невера всегда и во всем может рассчитывать на его поддержку.

– Говорите же, мадам, – сказал кардинал в конце визита. – Господин регент исполнит любое ваше желание. Чего вы хотите?

– Ничего, – ответила Аврора де Келюс.

Кардинал тщетно пытался вызвать ее на откровенность. Она упрямо хранила молчание. В конце концов, у него сложилось впечатление, что она не вполне в своем рассудке. Покидая принцессу, де Бисси подумал, что принц Гонзаго заслуживает сочувствия. Направляясь к выходу, кардинал уступил дорогу камеристке принцессы Мадлен. Принцесса по своему обыкновению отрешенно сидела в кресле. Ее остановившийся взгляд, казалось, был лишен всякой мысли, а сама принцесса напоминала мраморное изваяние. Мадлен Жиро пересекла комнату, госпожа на нее не обращала внимания. Мадлен подошла к находившейся перед алтарем скамеечке для коленопреклоненных молитв, вынула из – под накидки и тихо положила на нее часослов – молитвенник. Потом она, скрестив на груди руки, застыла перед госпожой в ожидании ее слов или распоряжений. Наконец принцесса подняла на нее глаза и спросила:

– Откуда вы пришли, Мадлен?

– Из моей комнаты, – ответила та.

Глаза принцессы опустились. Несколько минут назад, ожидая прихода кардинала, она подходила к окну и видела фигурку Мадлен, мелькнувшую в толпе спекуляторов. Этого было достаточно, чтобы в сознании вдовы Невера возникли против служанки подозрения. Что подлаешь! Аврору де Келюс не раз обманывали. Сейчас Мадлен что-то хотела сказать своей гос-

поже. Хотела и не решалась. У нее была добрая душа, и она всем сердцем сострадала принцессе.

– Госпожа принцесса, – робко начала горничная, – позволите ли вы мне что-то вам сказать?

Аврора де Келюс улыбнулась и подумал: «Ну вот, еще одну подкупили».

– Говорите! – сказала она.

– Госпожа принцесса, – запинаясь от волнения, говорила Мадлен, – у меня есть ребенок. В нем вся моя жизнь. Я отдала бы все на свете, кроме него, для того, чтобы вы стали такой же счастливой матерью, как я.

Вдова Невера молчала.

– Я бедна. До того, как я поступила к вам на службу, мой маленький Шарло часто не имел самого необходимого. Ах! Если бы я могла хоть чем-то отблагодарить за вашу ко мне доброту!

– Вам что-нибудь нужно, Мадлен?

– Нет! О, нет! – воскликнула горничная. – Речь не обо мне, а о вас, мадам, только о вас.

Этот фамильный совет...

– Я запрещаю вам об этом говорить, Мадлен!

– Мадам! – воскликнула служанка. – Дорогая моя госпожа, даже под страхом того, что вы меня уволите...

– Я увольняю вас, Мадлен.

– Я все равно исполню свой долг. Разве вы не желаете найти своего ребенка?

По телу принцессы пробежала дрожь, она побледнела, вцепилась в подлокотники кресла и наполовину привстала. Ее носовой платок упал на пол. Мадлен кинулась его поднимать. При этом в кармане ее передника звякнули деньги. Принцесса посмотрела на нее суровым испытующим взглядом.

– У вас есть золотые? – зловещим шепотом заметила она и, позабыв о высоком ранге, поступила так же, как поступила бы любая женщина, стремящаяся любой ценой проникнуть в чужую тайну. Неожиданно стремительным жестом она запустила руку в карман служанки. Та, бессильно опустив руки, плакала. Принцесса вытащила целую пригоршню золотых монет: десять или двенадцать испанских квадриплей.

– Принц Гонзаго недавно из Испании... – вела допрос принцесса.

Мадлен бросилась на колени.

– Дорогая госпожа! – кричала она сквозь слезы. – Мой маленький Шарло благодаря этому золоту может учиться. Тот, кто мне его дал, тоже приехал из Испании. Во имя Всевышнего, госпожа, умоляю, прежде, чем прогоните, выслушайте!

– Уходите! – отчеканила принцесса.

Мадлен что-то хотела сказать еще. Но принцесса, властно указав ей на дверь, с решимостью повторила:

– Уходите!

Когда горничная исполнила приказ, принцесса без сил опустилась в кресло. «И этой женщине я доверяла», – подумала она, содрогаясь от неприязни, и закрыла лицо тонкими руками.

– О – о! – повторяла она, словно стон. – Никому! Никому! Господи! Сделай так, чтобы я больше никому не верила. Никому! Никому!

По – прежнему укрывая руками лицо, она ненадолго затихла. Внезапно ее грудь порывисто содрогнулась, и принцесса зарыдала, – отчаянно, беззащитно, безутешно. У этой женщины с потухшим взглядом приступы сильных эмоций были редки, и когда они порой ее одолевали, то отнимали у нее силы, и потом она долго чувствовала себя разбитой. Прошло несколько минут, прежде, чем принцесса смогла успокоиться. Наконец почувствовал, что способна говорить, она с решимостью произнесла:

– Я хочу умереть! Господи, Спасителю! Молю о смерти!

И, устремив взгляд на алтарное распятие:

– Боже Всемогущий! Разве я мало страдала? Сколько может длиться эта пытка?

Молитвенно воздев к алтарю руки, она с жаром продолжала:

– Господи Иисусе Христе! Пошли мне смерть! Помня о ранах Твоих и крестных страданиях, сжался, пошли мне смерть! Пресвятая Богородица! Помня о ранах Твоих и крестных страданиях, сжался, пошли мне смерть! Пресвятая Богородица! Помня о слезах скорби Твоей, умоли Сына послать мне смерть! Смерть! Смерть!

Ее руки бессильно опустились, глаза закрылись; откинувшись на спинку кресла, она замерла. На какой-то миг могло показаться, что небеса, сжалившись, исполнили то, о чем она просила. Но вскоре по ее телу пробежала слабая дрожь. Руки сжались в кулаки. Она открыла глаза и посмотрела на портрет Невера. Ее глаза были сухи и неподвижны как на портрете. В часослове, оставленном Мадлен на скамеечке для молитв имелась страница, на которой от частого употребления книга порой открывалась сама по себе. На ней был текст псалма «*Miserere mei Domine*» (Помилуй меня, Боже). Принцесса де Гонзаго читала эту молитву по несколько раз в день. Вот и сейчас она протянула руку к часослову. Он раскрылся. Несколько мгновений она рассеянно глядела на раскрытую страницу, собираясь начать чтение. Внезапно она вздрогнула, и из ее груди вырвался крик удивления. Она протерла глаза и оглянулась по сторонам, будто желала удостовериться, что это не сон.

– К книге никто не прикасался... – прошептала она.

Принцесса не заметила, как Мадлен положила ее на скамейку. То, что принцесса сейчас обнаружила, могло объяснить лишь чудо. И она готова была в него поверить. Распрямив гибкий стан, Аврора де Келюс легко поднялась с кресла. Глаза ее загорелись. Сейчас она была красива, стройна и сильна, будто к ней вернулась молодость. Она опустилась на колени перед скамейкой, на которой лежала открытая книга, и несколько раз подряд с радостным изумлением перечитала на полях псалма написанные неизвестной рукой строчки. Псалом начинался словами «Помилуй меня, Господи!» В сделанной карандашом приписке говорилось: «Господь помилует, если у вас есть вера. Наберитесь сил и отваги, чтобы защитить свою дочь. Во что бы то ни стало, явитесь на семейный совет, – здоровая, больная, или умирающая. Вспомните девиз, который когда-то существовал между вами и Невером».

– Девиз Неверов! – пробормотала Аврора де Келюс, – «Я здесь!». Моя девочка! – шептала она со слезами. – Доченька!

И потом с решимостью:

– Сил и отваги, чтобы ее защитить. У меня хватит сил и отваги, чтобы защитить мой дитя!

Глава 9. Семейный совет

Уже оскверненный утренними торгами большой зал Лотарингского дворца, (завтра ему надлежало перейти в распоряжение новых хозяев – нанимателей), в этот час представлял во всем своем блеске. Никогда со времен герцогов де Гизов здесь не собиралась столь благородная ассамблея. У Гонзаго были причины, чтобы придать всей церемонии должную торжественность. Подписанные регентом на государственных бланках приглашения были разосланы накануне вечером. Было сделано все чтобы убедить приглашенных в том, что на предстоящем семейном совете будет решаться судьба нации. Кроме президента Ламуаньона, маршала де Вильруа и вице – канцлера д'Аржансона, представлявших регента, на почетных установленных на подмостках местах располагались: кардинал де Бисси, принц де Конти, Испанский посол, старый герцог Бомон – Монморанси со своим кузеном Монморанси Люксембургским, принц Монако Гримальди, двое Ларошешуаров; кроме того Коссе, Бриссак, Грамон, Гаркур, Круа и Клермон – Тоннер. Мы перечислили только принцев и герцогов, что же касается маркизов и графов, – то их было несколько десятков. Мелкопоместные дворяне и просто доверенные

лица сидели в партере. Их было множество. Весь этот бомонд можно было разделить на две категории: на тех, того Гонзаго успел подкупить, и на тех кто был от него независим. В числе первых был один герцог и один принц, несколько маркизов, изрядное количество графов и почти вся дворянская мелюзга. Гонзаго уповал на свое красноречие, надеясь склонить в свою пользу остальных.

Перед началом все оживленно переговаривались. Никто точно не знал, по какому случаю ассамблея. Многие полагали, что речь идет об арбитражном споре между принцем и принцессой по поводу наследства Невера.

У Гонзаго было много рьяных сторонников. Интересы принцессы готовились защищать несколько пожилых синьоров, и молодых мало известных шевалье.

С появлением кардинала возникла еще одна версия. Поделившись своими впечатлениями о самочувствии принцессы, он намекнул на плачевное состояние ее рассудка, после чего некоторые подумали, что будет решаться вопрос об установлении над ней опеки. Довольно бесцеремонный в подборе выражений кардинал изрек: «Эта милая дама явно не в своем уме». После такого заявления мало оставалось надежды на то, что она появится на свете. Тем не менее, из уважения было решено немного задержать начало. Гонзаго первым высказался за эту отсрочку, – поступок, разумеется, весьма благородный. В половине третьего президент де Ламуаньон занял место в кресле председательствующего, рядом с ним расположились арбитражные заседатели: кардинал, вице – канцлер, господ Вильруа и Клермон – Тоннер. Для ведения протокола перо было вручено старшему приставу парижского парламента. За соблюдением юридической основы надзор был поручен четырем королевским нотариусам. Все они первым делом принесли присягу в строгом соблюдении буквы закона. С оглашением утвержденной регентом повестки выступил старший пристав парламента мсье Жак Тальман. Он сообщил о том, что его высочество регент Филипп Французский герцог Орлеанский намеревался присутствовать на семейном совете и лично руководить процедурами столь торжественной ассамблеи, так как обязан узами дружбы с мсье принцем де Гонзаго и чувством братской любви, некогда соединявшей его с покойным мсье герцогом де Невером. Неотложные государственные дела, однако, не позволяют ему даже на короткое время покинуть Пале-Рояль, и потому регент направляет на семейный совет, наделив соответствующими полномочиями, троих представителей государственной власти в лице господ де Ламуаньона, де Вильруа и д'Аржансона. Интересы мадам принцессы поручено защищать мсье кардиналу. Персональный состав совета утвержден королевским двором, наделен правами в высшей инстанции без последующего обжалования решать спорные вопросы, относительно наследства покойного герцога де Невера. Если в связи с упомянутым, возникнет необходимость, то вносить соответствующие поправки в существующие на данный момент законы. Задача упомянутого семейного совета состоит в том, чтобы решить, кому должно быть передано в постоянное владение имущество герцога де Невера.

Гонзаго сам редактировал этот протокол, и потому он его вполне устраивал.

Вступительное обращение старшего пристава было выслушано с благоговейным вниманием. Затем кардинал шепотом спросил у председательствующего:

– У мадам принцессы есть поверенный?

Ламуаньон громко повторил вопрос. Гонзаго хотел ответить, что один был назначен еще накануне, а второго можно избрать сейчас. Но в это мгновение распахнулась большая двустворчатая дверь, и в залу без доклада вошли привратники и, расступившись, застыли в почетном карауле. Присутствовавшие поднялись с мест. С таким церемониалом здесь могли появиться только принц де Гонзаго или его жена. И действительно мгновение спустя на пороге возникла госпожа принцесса, – она была одета по обыкновению в траур, но держалась с такой горделивой грацией, и была так красива, что при ее виде по рядам пробежал восхищенный шепот.

Никто не ожидал, что она придет, и уж тем более никто не мог предположить, что она будет так хороша.

– Ну, что скажете на это, дорогой кузен? – прошептал Мортемар на ухо де Бисси.

– Разрази меня гром, – ответил прелат, – я кажется начал сквернословить. Но это просто чудо!

С порога прозвучали слова принцессы, произнесенные спокойным, но твердым тоном.

– Поверенный не нужен, господа. Я пришла.

Гонзаго вскочил со стула и бросился навстречу жене. Поклонившись, он жестом, исполненным почтения, протянул ей руку. Принцесса не отпрянула, а, как подобает, опустила свою ладонь на его, но, когда их руки соприкоснулись, вздрогнула, и на ее бледных щеках пятнами выступил румянец, словно она совершила нечто постыдное. Первый ряд перед подмостками занимали «свои люди» Гонзаго: Навай, Жирон, Монтобер, Носе и прочие. Они галантно вскочили со стульев, чтобы дать чете дорогу.

– Хороша парочка! – восторгался Носе, когда принц и принцесса по ступенькам поднимались на подмостки.

– Ты лучше бы помолчал! – отозвался Ориоль. – Неизвестно, радует хозяина это появление, или огорчает.

Хозяином, разумеется, Ориоль именовал Гонзаго. И, действительно, тот пока сам этого не понимал. Для принцессы заранее было приготовлено кресло. Оно находилось в правом конце подмостков рядом со скамьей, которую занимал кардинал. По правую руку от принцессы совсем близко висела тяжелая портьера, за которой находилась полуовальная дверь. Сейчас дверь была закрыта, а портьера опущена. Потребовалось некоторое время, чтобы успокоилось вызванное появлением мадам Гонзаго волнение. Без сомнения это обстоятельство вносило изменения в стратегию принца. Заняв свое место, он погрузился в раздумье. Председательствующий вторично огласил акт, затем сказал:

– У господина принца де Гонзаго вероятно есть свои соображения в отношении имущества де Невера и прав на его наследование. Послушаем же господина де Гонзаго.

Гонзаго немедленно поднялся. Он поклонился вначале супруге, затем представителям двора, и наконец, всем собравшимся. Принцесса тем временем огляделась, затем потупила взор и по своему обыкновению замерла словно изваяние.

Гонзаго был блестящий оратор: высоко вскинута голова; резкие и вместе с тем тонкие, словно высеченные из мрамора, черты лица; огненный взгляд. Он начал сдержанно, почти робко.

– Надеюсь, никто из присутствующих не думает, что я рискнул собрать столь представительную ассамблею по поводу обычных повседневных дел. Не могу скрыть своего волнения. От одной мысли, что придется выступить перед таким количеством умнейших людей, начинаешь испытывать наивную, почти детскую робость. А тут еще мой южный выговор, – акцент, от которого выходцы из Италии никогда не могут до конца избавиться. Потому заранее прошу на сей предмет прощения и уповаю на вашу снисходительность.

После этой сверх академической начальной фразы на многих лицах появилась улыбка благосклонной иронии, так как, сетуя на свои речевые изъяны, Гонзаго по – французски говорил безукоризненно.

– Позвольте от всей души поблагодарить тех, кто удостоил наше собрание своим благосклонным вниманием. Во – первых, моя признательность адресуется его высочеству мсье регенту. Воспользуюсь его отсутствием, чтобы сказать о нем самые теплые, а, главное, справедливые слова. Этот блистательный принц всегда стоит во главе любого благородного начинания.

По рядам прокатился одобрительный говор. Те, кого Гонзаго недавно принимал в своем кабинете, разразились аплодисментами.

– Из нашего любезного кузена получился бы неплохой адвокат, – шепнул Шаверни, сидевшему рядом, Шуази.

– Во – вторых, – продолжал Гонзаго, – хочу поблагодарить госпожу принцессу, которая, невзирая на недомогания и на любовь к уединению, заставила себя снизойти с заоблачных высот на грешную землю, где нам приходится решать скучные бытовые вопросы.

Затем, позвольте обратиться со словами признательности к сиятельным господам, представляющим здесь самую прекрасную в мире монархию: к двум верховным судьям августейшего трибунала, который не только чинит правосудие, но и решает судьбы государства, к прославленному военачальнику, одному из тех великих воинов, о которых будущие плутархи напишут не одну книгу, к предводителю церкви, к пэрам королевства, удостоенным чести занимать ступени трона; наконец моя глубокая благодарность ко всем здесь присутствующим господам, независимо от чина и сословия; – и, хотя я ее возможно неловко выразил, поверьте, она исходит от самой глубины души.

Это было вступление.

Гонзаго сделал паузу, чтобы собраться с мыслями. Он немного склонил голову и опустил взгляд.

– Филипп Лотарингский, герцог де Невер, – продолжал он, понизив голос, – был моим кузенком по крови и братом по велению сердца. Мы вместе провели юные годы, жили душа в душу разделяя беды и радости. Это был замечательный человек! Трудно представить, каких вершин славы он бы достиг, если бы дожил до зрелого возраста. Однако, Тому, кто своей могущественной десницей управляет людскими судьбами, было угодно остановить этого молодого орла не взлете. За всю мою жизнь, а она, поверьте, была отнюдь небезоблачна, я никогда не получал более жестокого удара. С той роковой ночи пролетело уже восемнадцать лет, но боль утраты не стала меньше. Память о Невере здесь, – он приложил ладонь к сердцу, голос его задрожал, – память живая, вечная, равно как и скорбь благородной женщины, – я говорю о той, что после имени Невера не погнушалась принять имя Гонзаго.

Все взгляды устремились на принцессу. Она покраснела. Сильное волнение исказило ее лицо.

– Никогда не говорите об этом! – ее голос дрожал от негодования. – Восемнадцать лет я живу в горе и одиночестве.

Все кто находился в зале: юристы, чиновники, принцы и пэры при этих словах навострили уши. В компании, обработанной Гонзаго, начался ропот. Постыдное явление, называемое клоакой, впервые появилось не в театре. Носе, Жирон, Монтобер, Таранн и другие работали на славу. Поднялся кардинал де Бисси.

– Я требую порядка и тишины, мсье президент. Слова госпожи принцессы должны учитываться и уважаться на равных основаниях со словами принца!

Затем, опустившись на скамейку, он, словно кумушка, предвкушая удовольствие от скандальной истории, в которую ее вот – вот посвятят, прошептал на ухо своему соседу Мортемару:

– Похоже, мсье герцог, сейчас мы узнаем нечто прелюбопытное!

– Прошу тишины! – призвал к порядку Ламуаньон, и под его суровым взглядом компания наглецов притихла.

– Не на равных, ваше преосвященство, – дополнил замечание кардинал Гонзаго, – а на предпочтительных основаниях. Ведь госпожа принцесса, являясь сначала женой, а затем вдовой Невера, бесспорно, заслужила это право. Меня удивляет, что среди присутствующих находятся отдельные господа, позволяющие себе забывать об этикете и о подобающем почтении к госпоже принцессе де Гонзаго.

Шаверни, прикрыв ладонью лицо, прыснул от смеха.

– Если бы у дьявола были бы свои святые, – подумал он, – этого можно было бы канонизировать.

В зале восстановился порядок. Первую атаку Гоназго на позиции противника можно было признать успешной. Жена не предъявила ему никаких обвинений. К тому же он своим последним замечанием вызвал общие симпатии как галантный и великодушный рыцарь. Принц поднял голову и сурово продолжил:

– Филипп де Невер пал жертвой предательства. Не рискну сейчас вдаваться в тайну этого преступления. Отца госпожи принцессы мсьё де Келюса давно уже нет в живых. Уважение к его памяти закрывает мне рот.

Увидев, как после этих слов, задрожала мадам Гонзаго, как побледнела, принц понял, что второй удар тоже попал в цель и остался без ответа. Тем не менее, он себя прервал и, обращаясь к председателю, предложил:

– Если госпожа принцесса желает говорить, то я охотно уступлю ей слово.

Аврора де Келюс попыталась что-то произнести, но к горлу подступил комок, и из ее груди не вырвалось ни звука. Переждав несколько секунд, Гонзаго заговорил вновь.

– Смерть господина маркиза де Келюса, (который, будь он жив, мог бы представить нам бесценные сведения), исчезновение убийц и много других причин, о которых большинство из вас знает, не позволяют в полной мере пролить свет на это старое кровавое преступление. В нем остается много сомнительного и неясного. Попросту, дело не раскрыто, виновные не наказаны. И все – таки, господа, у Филиппа де Невера был кроме меня еще один друг, друг более могущественный, чем я. Нужно ли его называть? Вам он хорошо известен. Его имя Филипп Орлеанский; он регент Франции. Зная это, кто отважится утверждать, что за убитого Невера некому отомстить?

Наступила тишина. Лишь сидевшие на задних скамьях партера шепотом повторяли последние слова Гонзаго.

Аврора де Келюс, сдерживая гнев, до крови искусила губы и закрыла рот носовым платком.

– Господа, – продолжал Гонзаго. – Я перехожу, наконец, к тому главному, ради чего мы все здесь собрались. Выходя за меня замуж, госпожа принцесса поставила меня в известность о своем тайном, но законном, браке с покойным герцогом де Невером и тогда же сообщила, что имеет от этого брака дочь. Подтверждающие упомянутый факт документы отсутствовали. В приходской регистрационной книге были вырваны два листа. Боюсь, что и это дело мог бы прояснить опять же лишь маркиз де Келюс. Но мсьё де Келюс при жизни ничего на сей счет не говорил, а теперь нам остается только вопрошать у его могилы. Все акты подписывал приходской капеллан деревни Таррид отец Бернар. Он засвидетельствовал первый брак госпожи де Келюс, рождение мадемуазель де Невер, и он же произвел регистрацию второго брака, в результате чего вдова Невера получила мое имя. Я попросил бы госпожу принцессу подтвердить мои слова.

Аврора де Келюс молчала. Но кардинал де Бисси, наклонившись, что-то ей шепнул и через секунду объявил:

– У госпожи принцессы возражений нет.

Гонзаго поклонился и продолжал:

– В ту же ночь, когда был убит Невер, исчез и ребенок. Трудно постигнуть, господа, какой неисчерпаемый клад любви и терпения заключен в материнском сердце. В течение восемнадцати лет единственной заботой госпожи принцессы, ее постоянным ни на час не прерывающимся трудом являлись поиски дочери; – поиски, к сожалению, вплоть до настоящего времени не принесли результатов. Ни одного следа, ни одной зацепки. Все та же неизвестность, что и в первый день.

Нанеся очередной удар, Гонзаго посмотрел на жену. Аврора словно в мольбе возвела глаза к небу. В них стояли слезы, но не было ожидаемого отчаяния, – скорее, наоборот, в

ее взгляде появились непонятная для него надежда. Значит, удар не попал в цель. Почему? Гонзаго испугался. Ему стоило больших усилий взять себя в руки. Наконец он продолжил.

– Теперь, как бы ни было мне это неприятно, придется коснуться еще одной темы, – на сей раз речь пойдет обо мне. После того, как я стал супругом госпожи де Келюс, (произошло это, как вы понимаете, в царствование прежнего короля), парламент Парижа по инициативе покойного герцога Эльбёфа, дядюшки по отцовской линии нашего злосчастливого родственника и друга голосованием в обеих палатах провел постановление, приостановившее, (почти в полном объеме, за небольшим предусмотренным законом исключением) мои права на наследство Невера. Акция была предпринята для того, чтобы защитить интересы юной Авроры де Невер, если она вдруг объявится. Это парламентское постановление показалось мне вполне оправданным и справедливым. Единственно, о чем я тогда жалел, это что не сам выступил с инициативой данной акции. Однако вскоре начались неприятности. Да еще какие!

С каждым словом говорившего внимание аудитории усиливалось.

– Тише! Тише! – одергивали друг друга в задних рядах. – Дайте послушать!

Гонзаго окинул взглядом свою «гвардию», давая ей понять, что наступает кульминационный момент, и заговорил, чуть повысив голос:

– Я был молод, имел прекрасное положение при дворе, богат, даже очень богат; мои аристократические корни ни у кого не вызывали сомнения. Моей женой стала дивная женщина, – настоящее сокровище красоты и добродетели. Куда тут денешься, спрашиваю я вас, от козней завистников. Они быстро нащупали мое слабое место, мою Ахиллесову пяту. Постановление парламента как бы ставило меня в положение обиженного, и в низменном обывательском сознании я представлялся эдаким сиятельным злодеем, ради того, чтобы заполучить наследство Невера якобы заинтересованным в смерти его юной дочери.

В зале начался шум возмущения.

– Ни много – ни мало, господа! – Гонзаго сам, не прибегая к помощи председателя, снова овладел общим вниманием. – Ничего не попишешь! Так устроен мир, и нам его не изменить. Если у меня есть интересы, особенно интересы материальные, значит я должен быть злоумышленником. Еще бы! Какая возможность! Всего одно препятствие к получению огромного наследства! Никакого значения не имела моя прежняя благопорядочная, (и тому много свидетельств), жизнь. Меня начали подозревать в самых низменных, самых преступных намерениях. Злокозненные наветы набирали силу. Они посеяли, (увы, вынужден публично признаться и в этом), отчужденность, холодность, едва ли не ненависть между госпожой принцессой и мной. Клевета вторглась в нашу жизнь и с каждым днем все больше разрушает мою семью.

Он выделил последнее слово.

– Не знаю, господа, способны ли вы, не испытав на себе злоторного действия стрел, отравленных ядом клеветы, уяснить ужасное положение, в котором я оказался. Клевета преследует меня повсюду: она внутри моего дома, в моей спальне, она разъедает сознание моих близких и дальних родственников, она истощает мои силы и здоровье, она сводит меня с ума. Ведь если все будут постоянно твердить льву о том, что он осел, то в конце концов он закричит: «И-а!». Пока что до этого не дошло. Но как знать? Если бы вы могли понять, какие муки испытывает несправедливо подозреваемый. Если бы вы увидели кровавые слезы, катящиеся по его щекам, когда он стенает, взывая к глухому провидению. Если бы вы могли понять! Поверите ли, (сейчас мне не до шуток), могу присягнуть перед судом, что я охотно променял бы свои бесчисленные титулы и огромное состояние на тихие радости простого обывателя, у которого есть маленький домик, скромный достаток, любимая преданная всем сердцем жена, любящие и чтящие отца своего дети. Семейное счастье – частичка высшей благодати, которой Бог милосердный наделяет многих, но, увы, не всех. Не всех.

Последние слова, произнесенные совсем тихо, дрогнувшим, словно от подкатившего к горлу комка, голосом, как будто Гонзаго вложил в них самую сокровенную частицу своего

сердца, вызывали у слушателей сочувствие. Большинство было тронут до глубины души. У некоторых, особенно дам, навернулись слезы. Несмотря на нравы, испорченные набравшим силу духом коммерции, понятие семейной святости: материнства, отцовства для многих оставались смыслом жизни. Те же, кого семейная благодать обошла, тоже слушали со вниманием, напоминая слепцов, стремящихся через другие чувства постигнуть что есть цвет, или девиц легкого поведения, проливающих в театре слезы на спектаклях о поруганной девичьей чести. Лишь двое оставались равнодушными к словам Гонзаго: госпожа принцесса и мсьё де Шаверни. Глаза принцессы были опущены. Она о чем-то задумалась и совершенно не обращала на Гонзаго внимания. Шаверни, напротив, сосредоточенно слушал, порывисто ерзая в кресле и выстукивая ногами на паркете дробь. Его физиономия выражала противоречивые чувства, где главным было изумление.

– Мой сиятельный кузена – исключительный прохвост, – бормотал он.

Остальные, глядя на безразличие мадам Гонзаго, понимая, как принц несчастлив в браке, с наивной искренностью ему сочувствовали.

– Да. Это уже чересчур! – сказал мсьё де Мортемар кардиналу де Бисси. – Будем справедливы, чересчур.

Кардинал в этот момент щелчком сбивал со своего воротника крошки испанского табака. Каждый из представителей высших кругов старался держаться с достоинством. Но публика, занимавшая партер, в особенности первый ряд, где располагалась «роковая гвардия» Гонзаго не стеснялась в проявлении эмоций. Жирон отчаянно тер платком сухие глаза, по щекам Ориоля, более чувствительного, или более искусного притворщика, катились горячие слезы, барон Батц плакал навзрыд.

– Какая душа! – восхищался принцем Таранн.

– Прекрасная душа! – уточнил только что вошедший Пейроль.

– Ах, как должно быть трудно жить на свете человеку, опередившему свое время! – дрожащим голосом произнес Ориоль. – Мало, кто способен его понять.

– Ну что, разве я был не прав, когда сказал, что сегодня здесь будет много любопытного? – прихвостнул своей пронизательностью кардинал де Бисси. – Однако, давайте, послушаем, – Гонзаго еще не закончил.

Побледнев, от чего его черты стали еще выразительнее, Гонзаго продолжал.

– Я не сержусь, господа. Боже упаси меня от того, чтобы бросить упрек несчастной матери. Да, я страдаю. Но разве можно сравнить мои переживания с теми муками, которые испытывает эта бедная женщина! От нескончаемой пытки даже светлый ум может потускнеть. Ей постоянно все, кому не лень, твердят, что я враг ее дочери, что я, де, – лицо материально заинтересованное. Вы только вникните, господа, я – материально заинтересован! Я – Гонзаго, принц Гонзаго, – самый богатый во Франции человек, за исключением Джона Лоу!

– Включая и Джона Лоу! – ввернул Ориоль.

Ему, конечно, никто не возражал.

– Все говорят, – продолжал Гонзаго, – «Этот человек всюду имеет своих эмиссаров; его агенты беспрестанно бороздят Францию, Испанию, Италию. Он разыскивает вашу дочь, с большими усердием, чем вы сами...».

Он обращался к принцессе:

– Вам это говорили, мадам, не правда ли?

– Говорили, – не поднимая глаз и не поворачивая головы мрачно бросила Аврора де Келюс.

– Вот видите, – заметил Гонзаго, адресуясь в президиум. И затем опять к супруге:

– Вам также жужжат: «Ваши усилия в поисках ребенка напрасны, потому, что вам мешает некий злодей. Он, оставаясь в тени, искусно манипулирует, сбивая ваших людей с верного пути». Разве вам так не говорили, мадам?

– Говорили, – опять отозвалась принцесса.

– Прошу и это принять к сведению, господа пэры и господа юристы.

В таком случае еще один вопрос, мадам. Не пытались ли вас убедить в том, что этот укрывающийся в тени злодей – ваш муж. Не говорили ли вам, что вашей дочери возможно уже нет в живых, потому, что встречаются на свете негодяи, ради корысти способные на убийство ребенка, и, возможно..., не хочу договаривать, мадам. Но говорили вам это?

Побелев, как полотно, Аврора де Келюс ответила в третий раз.

– Говорили.

– И вы этому верили? – срывающимся от сдерживаемого негодования голосом спросил принц.

– Верила, – сипло процедила принцесса.

После ее ответа в зале возник шум. Многие вскочили с мест. В адрес принцессы полетели возмущенные возгласы.

– Зря вы это сказали, принцесса, – шептал на ухо Авроре де Келюс кардинал. – Не знаю пока, к чему ведет Гонзаго, но, похоже, вы проиграли.

Она сидела молча и неподвижно. Председательствующий Ламуаньон открыл было рот, чтобы обратиться к ней с упреком. Но Гонзаго великодушно его удержал.

– Не нужно, господин президент, прошу ваши, – смиренно потупив взор, произнес он. – Всех остальных тоже прошу побережь силы. Раз что уж я оказался в положении обвиняемого, ту нужно испить чашу до дна. Бог свидетель всем моим стараниям и страданиям. Если быть честным до конца, то сегодняшней торжественный совет я созвал для того, чтобы госпожа принцесса хотя бы один раз в жизни меня выслушала. За восемнадцать лет, что мы в браке, я ни разу не был удостоен этой чести. Восемнадцать лет мои усилия сводились лишь к тому, чтобы она, сбиваемая с толку гнусными наветами, узнала меня, какой я есть в действительности. И вот сегодня, наконец, я имею возможность представить неоспоримое доказательство моей преданности супруге.

После этих слов в зале установилась гробовая тишина. Затем, обращаясь только к ней, он торжественно произнес:

– Клеветники, вам сказали правду, мадам. И во Франции и в Испании, и в Италии мои люди неустанно вели поиски. Но мастера кривотолков по причине скудоумия не верно истолковали причину моих усилий, потому что усилия эти направлялись вам не во зло, а во благо. Я искал без отдыха, без перерыва, пуская в ход мои связи, мои дипломатические каналы, мое богатство, мое золото, мое преданное вам сердце. И вот сегодня, (вы слышите меня?), сегодня, вознагражденный за столько лет неустанного труда, к вам, меня презиращей и ненавидящей, взываю я, вас почитающий и любящий, распахните объятия, счастливая мать, – я нашел вашего ребенка!

Он повернулся к ожидавшему распоряжений Пейролю и отчеканил:

– Пусть сюда приведут мадемуазель Аврору де Невер!

Глава 10. Я здесь!

Нетрудно привести произнесенные Гонзаго слова. Но как описать страстность его речи, широту жестов, пламенеющий самоуверенный взгляд? Это был прекрасный актер, способный проникнуть в исполняемую роль настолько, что сам он начинал верить сочиненной им легенде, действовать в вымышленных обстоятельствах с безукоризненной достоверностью. Будь его талант направлен по назначению, он искусством лицедея покорила бы весь свет, заткнув за пояс самого Жана Батиста Мольера. Среди собравшихся на семейный совет было много тех, кто не носил высоких титулов, – людей циничных, грубых: хладнокровных черстводушных чиновников, ради наживы готовых на все коммерческих воротил. Их успех состоял в том, чтобы удачно

обмануть, самим оставаясь не обманутыми. То были профессионалы лжи, и никто в поведении Гонзаго не обнаружил вранья. Ориоль, Жирон, Альбрет, Таранн и другие соперничали своему шефу не потому, что были им подкуплены, а совершенно чистосердечно. Ему удалось ввести в заблуждение даже тех, кто заранее знал о предстоящей лжи. Они размышляли приблизительно так: «Лгать он будет позднее, но сейчас говорит правду». При этом у большинства возникало недоумение: «Как в одном человеке могут ужиться такая щедрость души с циничным коварством?» Те же, кто в высшем свете был ему вровень, вельможные синьоры, направленные регентом, чтобы разобраться в его делах и вынести беспристрастное решение, теперь почувствовали угрызения совести за то, что прежде ему не вполне доверяли. Благородный поступок, продиктованный, как всем представлялось, бескорыстной, самоотверженной, рыцарской любовью к жене, его великодушие, не смотря на ее к нему неприязнь, необычайно возвысили Гонзаго в глазах присутствовавших. Прежние времена при всех их несовершенствах и пороках имели одно неоспоримое преимущество перед нынешним. В них существовал воздвигнутый на незыблемый пьедестал культ семейной добродетели. Последние слова Гонзаго произвели на собравшихся настоящее потрясение. Никто не остался равнодушным. Президент мсьё де Ламуаньон утер слезу, а прославленный военачальник Вильруа воскликнул:

– Черт возьми, принц, вы – настоящий рыцарь!

Но интереснее всего было конечно наблюдать, как внезапно переменялся только что зубоскаливший Шаверни и как, будто от громового удара, вздрогнула принцесса. Юный маркиз на какое-то время просто оцепенел, раскрыв рот, а затем, словно не веря сам себе, прошептал:

– Если он это действительно сделал, то провалиться мне на месте, я прошу ему все остальное!

Аврора де Келюс поднялась из кресла, бледная, как привидение, дрожа всем существом, вот – вот готовая упасть в обморок. Кардиналу де Бисси пришлось ее поддержать. Широко раскрытыми глазами взидала она на дверь, в которую только что исчез мсьё де Пейроль. В каждой ее черте дрожали страх и надежда. Неужели сию минуту сбудется предсказание, написанное неизвестной рукой на полях молитвенника? Там было сказано явиться на совет. Она явилась. Ее душа рвалась навстречу дочери, которую она искала восемнадцать лет. И вот теперь она напряженно ждала ее появления. Остальные – тоже.

Пейроль удалился через дверь, ведущую к покоям принца. Через несколько секунд показавшихся вечностью он возвратился, ведя за руку донью Круц. Гонзаго устремился им навстречу. Вся огромная зала, не сговариваясь, будто по команде, в один голос выдохнула:

– Как она хороша!

Потом, спохватившись о своих обязанностях, наперебой затарахтели клакеры:

– Вы, посмотрите какие глаза!

– А подбородок!

– А лоб!

– Семейные черты налицо!

Но оказалось, что те, кто имел право высказываться свободно, в чем-то даже опередили содержантов Гонзаго. Президент, маршал, кардинал и все герцоги несколько раз, перекинув взгляд с госпожи принцессы на донью Круц, пришли к единодушному мнению:

– Она похожа на мать!

Значит для тех, кому предстояло принимать решение, уже стало ясно, что принцесса является матерью доньи Круц. Однако принцесса взидала на приведенную Пейролем юную красавицу с тревогой и сомнением. Нет, не такой, вовсе не такой представляла она свою дочь. Она не надеялась, что та будет красивее, вовсе нет, – просто видела ее другой. И потом необъяснимое равнодушие, почти холодность, которую она внезапно почувствовала при виде девушки, в тот момент, когда ее сердце должно было забиться от волнения, привело принцессу в испуг. К этим сомнениям примешался и другой страх: «Какое прошлое у этой девочки с лучистыми гла-

зами, гибкой талией, грациозной поступью, – слишком грациозной для дочери герцога?» Маркиз Шаверни, уже успевший поостыть от мимолетного восхищения «благородным» поступком кузена, (в этом юноша теперь раскаивался), Шаверни подумал то же, что и принцесса, только свою мысль он сформулировал точнее. Узнав красавицу, которую уже видел на пороге кабинета Гонзаго, он заметил Шуази:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.